

Майкл Бейджент, Ричард Ли

Храм и ложа.

От тамплиеров до масонов

ВВЕДЕНИЕ

В последние несколько лет масонство стало в Британии излюбленной темой для разговоров и предметом жарких дискуссий. И действительно, попытки преследования вольных каменщиков превратились в настоящую травлю, напоминающую гонения на священников в Ирландии. С едва скрываемой радостью и почти явственно слышимыми криками «ату!» газеты подхватывали каждый новый «масонский скандал», каждое новое заявление о «масонской коррупции». Церковные советы рассуждали о совместимости масонства с христианством. Чтобы подразнить политических противников, приходские советы вносили предложения, направленные на то, чтобы заставить масонов раскрыть себя. Количество предполагаемых масонов в политических партиях резко возросло, уступая разве что числу агентов британских спецслужб и ЦРУ. Телевидение тоже внесло свой вклад в эту кампанию, проведя одну специальную передачу, посвященную данному вопросу и умудрившись разместить свои камеры в самом логове зверя, в Великой Ложе. Казалось, что комментаторы, не обнаружив дракона, не испытали облегчения, а почувствовали себя обманутыми. Тем временем острый интерес к этой теме не спадал. Стоило лишь произнести слово «масон» в пабе, ресторане, холле отеля или другом общественном месте, как люди поворачивали головы, прислушивались и делали серьезные лица. Любое «разоблачение» проглатывалось с той жадностью и даже радостью, которые обычно берегутся для сплетен о королевской семье или для непристойностей.

Наша книга не имеет никакого отношения к разоблачениям. В ней также не рассматривается роль масонов и их деятельность – как действительная, так и мнимая – в современном обществе; нет здесь и попыток расследовать обвинения в тайном заговоре или коррупции. Разумеется, это и не апология франкмасонства. Мы сами не являемся членами масонской ложи и, значит, никак не заинтересованы в снятии с этой организации предъявляемых ей обвинений. Наша цель – всего лишь история. Мы предприняли попытку выявить предшественников масонства и его действительные корни, проследить его эволюцию и развитие, а также оценить его влияние на британскую и американскую культуру в период становления этого тайного общества, расцвет которого пришелся на конец восемнадцатого века. Мы также попытались понять, почему масонство, к которому в современном мире относятся с ярим подозрением, насмешкой, иронией и недоверием, в свое время получило такое широкое распространение и остается сегодня, несмотря на нападки критиков, весьма влиятельной организацией.

При работе над книгой мы неизбежно сталкивались с теми вопросами, которые занимают современное общественное мнение и часто освещаются в средствах массовой информации. Коррумпированы ли масоны? Являются ли они – что еще хуже – многочисленной международной тайной организацией с какими-то непонятными и (если таинственность может служить синонимом злодейства) гнусными целями? Или это средство получения дополнительных доходов, преимуществ, влияния и власти в финансовых институтах и полиции? И самое главное: действительно ли масонство враждебно христианской религии? Эти вопросы прямо не ставятся на страницах книги, но проявляются в виде вполне объяснимого общего подтекста. Поэтому найденные в процессе

исследований ответы на них кажутся нам вполне уместными.

Читатель проявил бы похвальную мудрость, если бы вместо того, чтобы воскликнуть: «И ты, Брут!», – он печально кивнул бы головой и согласился: «Да, похоже». Принимая во внимание человеческую природу, не стоит удивляться присутствию коррупции в общественных и частных организациях, причем не вся эта коррупция имеет отношение к масонам. Тем не менее нам хотелось бы сказать, что коррупция отражает не столько суть франкмасонства, сколько способы, с помощью которых оно, как и любая другая подобная структура, может быть испорчено. Такие пороки, как жадность, стремление к величию и фаворитизм, поразили человеческое общество еще на заре цивилизации. Они проявлялись и действовали любыми доступными путями – через кровное родство, общее прошлое, через связи, завязавшиеся в школе или в армии, через цеховые интересы, обычную дружбу, а также расовую, религиозную и политическую принадлежность. Масонов, к примеру, обвиняют в предоставлении преимуществ членам их организации. Однако до недавнего времени на христианском Западе человек мог ожидать от своих товарищей точно такого же особого отношения просто из-за своей принадлежности к «братству» христиан – другими словами, на основании того, что он не был индуистом, мусульманином, буддистом или иудеем. Масонство – это лишь один из множества каналов проявления коррупции и фаворитизма, и если бы масонов не было, коррупция и фаворитизм цвели бы не менее пышно. С этими пороками можно столкнуться в школах, воинских частях, промышленных корпорациях, государственных органах, политических партиях, в сектах, церквях и бесчисленном множестве других организаций. И ни одна из этих организаций не является изначально порочной. Никому не придет в голову обвинять всю политическую партию или церковь из-за коррумпированности отдельных ее членов или оттого, что они с большей симпатией относились к своим братьям, чем к чужакам. Никто не станет обвинять сам институт семьи в том, что он является источником семейственности и кумовства.

В любой моральной оценке этих аспектов необходимо учитывать элементарную психологию и проявить хотя бы минимум здравого смысла. Общественные институты не более добродетельны или порочны, чем входящие в них люди. Если организация и может быть признана коррупционной по своей сути, то лишь в том случае, когда она извлекает пользу из коррумпированности своих членов. Это определение может быть справедливым, скажем, для военной диктатуры, для определенных тоталитарных или однопартийных режимов, но вряд ли применимо к масонству. Еще никто не высказывал предположения, что масонский орден что-то приобрел благодаря неблагоприятным поступкам своих членов. Наоборот, проступки отдельных франкмасонов носят исключительно эгоистичный и своекорыстный характер. В целом масонство страдает от таких действий – точно так же, как христианству наносят ущерб прегрешения единоверцев. Таким образом, в вопросе коррупции масонство является не преступником, а, наоборот, еще одной жертвой беспринципных людей, которые готовы использовать его, наряду со всем остальным, в своих собственных целях.

Более важный вопрос – это совместимость или несовместимость масонства с христианством. Постановка этого вопроса предполагает по меньшей мере попытку предъявить обвинение самой сути масонства, а не тем способам, которыми его можно было эксплуатировать или исказить. Как бы то ни было, а противопоставление масонства и христианства является неправомерным. Хорошо известно, что масонство никогда не претендовало на то, чтобы быть религией, а объявляло свою приверженность определенным принципам, или «истинам», которые в некотором смысле можно

истолковать как «религиозные», или, возможно, «духовные». Оно могло предлагать определенную методологию, но никогда не претендовало на разработку теологии.

Это различие станет понятнее в процессе знакомства с книгой. В данный момент достаточно сделать два замечания относительно существующей антипатии к франкмасонству со стороны англиканской церкви. В свете озабоченности современной церкви по поводу засилья масонов в ее рядах на эти аспекты обычно не обращают внимания, хотя они чрезвычайно важны.

Во-первых, франкмасонство и англиканская церковь прекрасно сосуществовали еще с начала семнадцатого столетия. Более того, это было не простое сосуществование. Они действовали в одной упряжке. Некоторые самые влиятельные англиканские проповедники последних четырех столетий происходили из масонов, а часть самых ярких и влиятельных масонов вышли из духовного сословия. Церковь никогда, за исключением последних пятнадцати лет, не нападала на масонов и даже не рассматривала вопрос о несовместимости масонства и ее собственных теологических принципов. Франкмасонство не изменилось. Церковь утверждает, что она тоже осталась неизменной, по крайней мере, в своих фундаментальных догматах. Почему же теперь возник конфликт, не имевший места в прошлом? Ответ, по всей вероятности, связан с сутью масонства, а не со взглядами и менталитетом современного духовенства.

Второй аспект отношений масонов и церкви, на котором стоит остановиться, выглядит более определенным. Официальным главой англиканской церкви является британский монарх. Теологический статус монарха – то есть, если можно так выразиться, его «мандат», – не подвергался сомнению со времен свержения Якова II в 1688 году. Однако с начала семнадцатого века монархия была тесно связана с масонством. Масонами были по меньшей мере шесть королей, а также бесчисленное количество принцев крови и принцев-консртов. Разве при таком положении возможны какие-либо противоречия между масонами и церковью? Провозглашение таких разногласий равносильно оспариванию религиозного единства монархии.

В конечном итоге мы пришли к выводу, что нынешние споры вокруг масонства – это буря в стакане воды, собрание несуществующих или ложных проблем, раздутых до состояния, которого они не заслуживают. Здесь легко поддаться искушению и предположить, что людям больше нечем заняться и поэтому они изобретают такие незначительные поводы для споров. Как это ни прискорбно, но у них есть чем заняться. Совершенно очевидно, что англиканская церковь, с зарождающимся в ее рядах расколом и катастрофически уменьшающейся паствой, может более конструктивно использовать свою энергию и ресурсы, чем организация крестовых походов против предполагаемого врага, который на самом деле врагом не является. Для средств массовой информации очень уместно и даже желательно бороться с коррупцией, но было бы гораздо лучше, если бы к ответу призывались сами коррупционеры, а не общественный институт, членами которого они являются.

В то же время следует признать, что сами масоны почти ничего не сделали, чтобы улучшить собственный образ в глазах общественности. И действительно, своей чрезмерной секретностью и упрямой настороженностью они лишь усилили подозрение, что им есть что скрывать. Тот факт, что прятать им практически нечего, станет очевидным в процессе знакомства с этой книгой. Если уж на то пошло, оснований для гордости у них больше, чем для стыда.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Весной 1978 года, когда в процессе работы над телевизионным документальным фильмом мы

изучали материалы о рыцарях Храма, нас заинтересовала история этого ордена в Шотландии. Документов сохранилось очень мало, но в Шотландии осталось гораздо больше, чем в других местах, легенд, связанных с тамплиерами. Натолкнулись мы и на настоящие тайны – необъяснимые загадки, которые традиционная история за отсутствием достоверных сведений даже не пыталась исследовать. Если бы нам удалось приподнять завесу тайны и обнаружить за этими легендами и сказаниями зерно истины, это был бы огромный вклад не только в изучение истории ордена тамплиеров – значение этих находок простиралось бы гораздо дальше.

Не так давно одна наша знакомая переехала вместе с мужем в Абердин. Вернувшись на некоторое время в Лондон, супруги рассказали нам историю, которую слышали от человека, некоторое время проработавшего в небольшой туристической фирме. Он служил в гостинице, расположенной в бывшем морском курорте на западном побережье озера Лох-О в гористой местности неподалеку от Аргайлла. Лох-О – это большое озеро в двадцати пяти милях от Обана. Длина самого озера составляет двадцать восемь миль, а ширина колеблется от полумили до мили. В озере насчитывается две дюжины островов разных размеров: естественных и сделанных руками человека, которые раньше были соединены с берегом при помощи небольших дамб из камней и бревен, по большей части осыпавшихся. Местные жители верили, что в Лох-О, как и в озере Лох-Несс, живет чудовище, которое они называли «Beathach Mòr» и описывали как змееподобное существо с лошадиной головой и двенадцатью ногами, покрытыми чешуей.

По словам наших информаторов, на одном из островов озера располагалось несколько могил тамплиеров – гораздо больше, чем могла объяснить официальная история, поскольку ей ничего не было известно об активности тамплиеров в районе Аргайлла и запада горной Шотландии. Более того, на том же самом острове якобы сохранились развалины прецептории тамплиеров, которая не фигурировала ни в одном списке владений ордена. Мы получили эту информацию из третьих рук, и название острова в рассказе звучало как Иннис Шилд, но, не зная написания, мы не могли быть в этом уверены.

Эти разрозненные фрагменты информации, даже ничем не подтвержденные и до обидного туманные, все же не давали нам покоя. Подобно многим нашим предшественникам, мы были знакомы с туманными слухами о том, что немало тамплиеров пережили период преследований и официального роспуска своего ордена в 1307-1314 годах. Нам были известны рассказы, что одна группа рыцарей, вырвавшаяся из рук своих мучителей в континентальной Европе и Англии, нашла убежище в Шотландии и – по крайней мере, временно – даже восстановила некоторые из своих институтов. Однако мы знали и о том, что большинство подобных слухов были инспирированы в восемнадцатом веке масонами, которые стремились доказать, что ведут свое происхождение от ордена тамплиеров, существовавшего четырем веками ранее. Таким образом, настроены мы были весьма скептически. Мы знали, что не существует документальных свидетельств деятельности тамплиеров в Шотландии, и даже современные масоны в целом отвергали подобные утверждения как чистый вымысел или принятие желаемого за действительное.

Тем не менее история об острове посреди озера продолжала будоражить наши умы. Этим летом мы все равно планировали исследовательскую поездку в Шотландию, правда, на самый восток страны. Может быть, стоит в оставшееся свободное время проехать на запад – хотя бы для того, чтобы опровергнуть услышанную историю, раз и навсегда выбросив ее из головы? Поэтому мы решили

продлить наше путешествие на несколько дней и возвращаться домой через Аргайлл.

Спустившись к северной оконечности озера, мы сразу же увидели прятанный за верхушками сосен большой замок пятнадцатого века, резиденцию Кэмпбеллов. Далее наш маршрут пролегал по восточному берегу озера. Через пятнадцать миль справа, ярдах в пятнадцати от берега, показался остров. На нем находились руины замка тринадцатого века, который в 1308 году был захвачен сэром Нейлом Кэмпбеллом, близким другом, союзником и зятем Роберта Брюса. В течение следующих полутора столетий замок был главной резиденцией клана Кэмпбеллов, после того как в Инверэри, в верхней части залива Лох-Файн, был построен новый замок, а старый превратился в тюрьму для врагов Кэмпбеллов – или графов Аргайллов, которыми они впоследствии стали.

В миле к югу от этого места находился меньший по размерам остров, едва различимый за обрамлявшими берег деревьями и кустарниками. Остановившись, мы разглядели на острове остатки какого-то сооружения, а также камни, которые могли быть могильными плитами. На противоположной стороне дороги раскинулась небольшая деревушка. Сам остров, если верить нашей карте, назывался Innis Searraiche или Innis Sea-ramhach. Мы быстро пришли к заключению, что это и есть остров Иннис Шилд, который мы разыскиваем.

Остров лежал примерно в сорока ярдах от берега, вдоль которого на воде покачивались несколько лодок, причем большая часть их выглядела явно исправными и регулярно используемыми. Надеюсь нанять лодку и на веслах добраться до острова, мы направились в деревню. Однако здесь мы столкнулись со странной уклончивостью местных жителей. Несмотря на то что местность была исключительно красивой, что предполагало наличие туристической отрасли, мы не почувствовали себя желанными гостями. Нас настойчиво спрашивали, зачем нам нужна лодка. Исследовать остров, отвечали мы. Тогда нам заявляли, что здесь никто не сдает внаем лодок. Можем ли мы в таком случае нанять человека, который доставил бы нас на своей лодке на остров? Нет, ответили нам, это тоже невозможно, причем никто не приводил никаких объяснений.

Разочарованные отказом, мы слонялись по берегу и все больше укреплялись в убеждении, что остров скрывает что-то достойное внимания. Остров, отделенный от нас полоской воды, находился буквально в двух шагах, такой близкий и такой недостижимый. Он как магнитом притягивал нас. Мы обсуждали возможность добраться до него вплавь и спорили о температуре воды, когда к северу от деревни повстречали пожилую супружескую пару с палаткой, поставленной рядом с автомобильным фургоном. После обмена обычными любезностями нас пригласили на чашку чая. Выяснилось, что супруги тоже приехали из Лондона. Последние пятнадцать лет, или около того, они каждое лето приезжали в эти места, ставили палатку и рыбачили вдоль всего побережья озера Лох-О.

Внутри фургона мы примостились на длинной скамье у одного края стола. С другой стороны стоял еще один стол, поменьше, или просто какая-то плоская поверхность, служившая, по всей вероятности, для приготовления пищи. На ней лежала раскрытая книга с гравюрой, на которой было изображено мasonicкое надгробие – мы заметили мasonicкие символы и череп со скрещенными костями. Из этого мы сделали вывод, что это какой-то мasonicкий «справочник», использовавшийся в восемнадцатом веке. Как бы то ни было, мы поинтересовались, причем крайне осторожно, распространенностью масонства в данной местности. После этого книга была быстро, но аккуратно закрыта, а ответом на наш вопрос послужило равнодушное пожатие плечами.

Мы спросили хозяев, знают ли они что-нибудь об острове. Не очень-то много, ответили они. Да, там

действительно есть какие-то развалины. Есть там и могилы, но не очень много. И они не такие уж старые. Супруги даже сообщили, что некоторые из могил совсем свежие. По их словам, остров имел какое-то особое значение. Они не стали выдвигать предположения, что это могло быть, рассказав, что тела для погребения иногда доставлялись из отдаленных мест – даже переправлялись самолетом через Атлантику из Соединенных Штатов.

Совершенно очевидно, что все это не имело никакого отношения к тамплиерам тринадцатого или четырнадцатого века. Возможно, это всего лишь традиция местных жителей, потомки которых в соответствии с древним ритуалом или обычаем завещали хоронить себя на земле предков. С другой стороны, здесь могла существовать какая-то связь с масонством, но эту тему наши хозяева явно не желали обсуждать. Однако у супругов была собственная лодка, которую они использовали для рыбалки. Мы спросили, можно ли взять лодку напрокат, или не согласятся ли они доставить нас на остров. Поначалу они упирались, повторяя, что на острове мы не найдем ничего интересного, но затем, как будто заразившись нашим любопытством, муж согласился отвезти нас на остров, пока жена приготовит нам еще по чашке чая.

Остров разочаровал нас. Он оказался очень маленьким, не более тридцати ярдов в поперечнике. На нем мы нашли развалины небольшой часовни, от которой сохранились лишь некоторые фрагменты стен высотой в несколько футов. Не было никакой возможности определить, действительно ли покрытые мхом руины являются остатками часовни тамплиеров. Для прецептории они были явно малы.

Что касается могил, то большинство из них, как нам и говорили, оказались относительно свежими. Самые старые датировались 1732 годом, а последние – 60-ми годами двадцатого века. Попадались и знакомые фамилии – Джеймсон, Макаллум, Сен-Клер. На одном из могильных камней времен Первой мировой войны мы увидели масонские крест и циркуль. Остров был явно связан с местными семьями, часть из которых имели отношение – возможно, совершенно случайно – к масонству. Однако здесь не обнаружилось ничего, что могло бы принадлежать тамплиерам. Таким образом, история о кладбище рыцарей Храма не нашла подтверждения. Если это место и было окутано тайной, то тайна эта была местного значения.

Разочарованные, мы решили найти место для ночлега, чтобы спокойно собраться с мыслями и по возможности выяснить, почему полученная нами информация оказалась до такой степени искаженной. Мы продолжили путешествие вдоль восточного побережья озера по дороге, которая вела к Лох-Файн и далее в Глазго. Когда начало смеркаться, мы остановились в деревушке Килмартин у южной оконечности озера и спросили, где здесь можно найти ночлег. Нас отправили к большому отремонтированному дому в нескольких милях от деревни, располагавшемуся рядом с какими-то древними кельтскими развалинами. Поселившись в гостинице, мы вернулись в Килмартин, чтобы пропустить по стаканчику в местном пабе.

Килмартин был несколько больше нашей деревушки, но все же представлял собой типичную деревню, с автозаправкой, пабом, приличным ресторанчиком и двумя дюжинами домов, выстроившихся вдоль одной стороны дороги. На краю деревни располагалась большая приходская церковь с башенкой. Все здание было либо построено, либо коренным образом реконструировано в прошлом столетии.

Мы не рассчитывали найти что-нибудь интересное в Килмартине, и на церковный двор нас привело

чистое любопытство. Однако именно здесь, на территории приходской церкви, а не на острове посреди озера расположились ровные ряды сильно выветрившихся надгробий. Мы насчитали около восьмидесяти вертикально стоящих плит. Некоторые так глубоко вросли в землю, что уже заросли травой. Другие сохранились гораздо лучше, явственно выделялись среди более современных памятников и фамильных склепов. Многие из надгробных плит, особенно более новых и хорошо сохранившихся, были украшены искусной резьбой – декоративными узорами, семейными или клановыми девизами, нагромождением масонских символов. Другие плиты время сделало почти гладкими. Нас же заинтересовали надгробия, на которых не было никаких украшений, кроме одного-единственного прямого меча, простого и строгого.

Эти мечи отличались по своему размеру и иногда, хотя и очень незначительно, по форме. В соответствии с традицией того времени меч умершего воина клали на могильную плиту; контур меча обводился, а затем высекался на камне. Таким образом, резьба в точности повторяла размеры, форму и стиль настоящего оружия. Именно такой одинокий анонимный меч украшал самые старые могильные камни, которые сильнее всего были разрушены временем и непогодой. На более поздних надгробиях к мечу были добавлены имена и даты, а впоследствии декоративный орнамент, семейные и клановые девизы, масонские символы. Обнаружилось также несколько женских могил. Похоже, мы нашли именно то кладбище тамплиеров, которое искали.

Само существование в Килмартине этих ровных рядов могил должно было вызвать вопросы не только у нас, но и у других посетителей церкви. Кем были похороненные здесь воины? Почему столько воинов были погребены в таком уединенном месте? Какое объяснение дают этому факту местные власти и краеведы? Мемориальная доска на церкви практически не давала ответа на эти вопросы. Она сообщала, что самые первые могильные камни датируются примерно 1300 годом, а последние – началом восемнадцатого столетия. Большинство надгробий, утверждала надпись на доске, были сделаны группой скульпторов, работавших в окрестности озера Лох-О в конце четырнадцатого и в пятнадцатом веках. Какая группа скульпторов? Если бы они действительно были объединены в формальную «группу» или организацию, то в Килмартине о них обязательно сохранились бы и другие сведения. Кроме того, в те времена у скульпторов не было обыкновения объединяться – только с определенной целью или под чьим-то покровительством, например, короля, аристократа или религиозного ордена. Как бы то ни было, если табличка почти ничего не сообщала о том, кто высек эти надгробия, еще меньше информации в ней было о тех, кто похоронен под ними. Об этом не упоминалось вообще.

В противоположность тому впечатлению, которое оставляют книги, фильмы и романтизированные легенды, в начале четырнадцатого столетия меч считался дорогой и относительно редкой вещью. Поэтому у многих воинов его просто не было. Те, кто победнее, использовал в бою топоры или копья. По этой же причине в Шотландии, и особенно в этой ее части, производство оружия не было достаточно развито. Большинство клинков, использовавшихся внутри страны, привозилось из-за границы, что делало их еще более дорогими. Учитывая эти обстоятельства, могилы в Килмартине не могли принадлежать простым воинам, этому «пушечному мясу» четырнадцатого века. Наоборот, люди, память о которых была увековечена надгробиями, занимали высокое положение в обществе – состоятельные граждане, влиятельные дворяне и даже настоящие рыцари.

Но разве можно поверить, что богатых и влиятельных людей хоронили анонимно? В четырнадцатом

веке известные люди в большей степени, чем сегодня, гордились своей семьей, своими предками, своим происхождением; особенно справедливо это для Шотландии, где клановым связям и отношениям уделялось повышенное внимание, а происхождение и родословная всегда уважительно подчеркивались. Такие вещи настойчиво выделялись при жизни и должным образом увековечивались после смерти.

И последнее: почему на самых ранних надгробиях Килмартина – анонимных могилах с прямым мечом – отсутствуют какие-либо христианские символы, в том числе самый главный из них, крест? В эпоху, когда гегемония христианства в Западной Европе была практически неоспорима, только надгробия с портретами были лишены христианской иконографии; такие могильные плиты помещались в часовнях или церквях. Однако камни в Килмартине располагались снаружи, а также были лишены портретов и религиозных символов. Может быть, рукоятка меча сама по себе должна была символизировать крест? Или похороненные здесь люди не считались христианами?

С 1296 года сэр Нейл Кэмпбелл – друг и союзник Роберта Брюса, ставший затем его зятем, – занимал должность «балыи» Килмартина и Лох-О, а сам Килмартин был одной из его резиденций. Поэтому вполне логично предположить, что первые могилы принадлежали людям из окружения сэра Нейла. Однако это не объясняет ни их анонимности, ни отсутствия христианской символики. Конечно, есть вероятность, что служившие под началом сэра Нейла люди были родом не из этих мест, не обязательно исповедовали христианство и имели веские причины скрывать свое имя даже после смерти.

Занимаясь исследовательской деятельностью, мы изучили большинство развалин прецепторий тамплиеров, сохранившихся до наших дней в Англии, а также большое количество подобных мест во Франции, Испании и на Ближнем Востоке. Мы были знакомы – причем, достаточно глубоко – с разнообразными примерами скульптуры тамплиеров, их эмблемами и украшениями, а также с немногими сохранившимися могилами рыцарей Храма. Эти могилы обладали теми же приметам, что и могилы в Килмартине. Они были необыкновенно просты, строги и лишены украшений. Довольно часто, хотя и не всегда, они отмечались простым прямым мечом. Кроме того, они обязательно были анонимными. Именно анонимность надгробий тамплиеров отличала их от украшенных затейливой резьбой надгробных плит и саркофагов знати. Как бы то ни было, а тамплиеры принадлежали к монашескому ордену, сообществу монахов-воинов, солдат и мистиков. Предполагалось, что они отрекаются – по крайней мере, теоретически – от всех благ материального мира. Становясь рыцарями Храма, они отказывались от индивидуальности, всецело подчиняя себя ордену. Простое, лишенное всяких украшений изображение прямого меча должно было свидетельствовать об аскетичном и жертвенном благочестии, которое обреталось в рядах ордена.

Историки – и особенно масонские историки – уже давно стремились либо доказать, либо окончательно опровергнуть версию о том, что тамплиеры укрылись в Шотландии после того, как их орден стал подвергаться репрессиям в других странах. Однако эти историки искали документы (и в документах), а не «на земле». Неудивительно, что они не обнаружили веских доказательств ни одной из версий – большинство относящихся к этой теме документов были утеряны, уничтожены, скрыты, фальсифицированы или намеренно дискредитированы. С другой стороны, историки Аргайлла, знавшие о могилах в Килмартине, не имели оснований связывать их с тамплиерами, поскольку не сохранилось никаких сведений об активности храмовников или даже об их присутствии в этом

регионе. Если речь идет о Европе, то наибольшим влиянием тамплиеры пользовались во Франции, Испании, Германии и Англии. Их официальные владения в Шотландии – по крайней мере те, о которых остались упоминания в документах – располагались на востоке страны в районе Эдинбурга и Абердина. Если вы специально не искали анклав ордена в окрестностях Аргайлла, то у вас не было никаких причин предполагать его существование в этом регионе. Таким образом, могилы в Килмартине хранили свой секрет от историков, принадлежащих к обоим лагерям – как от летописцев тамплиеров и франкмасонов, так и от местных краеведов, у которых не было оснований даже подумать о тамплиерах.

Излишне говорить, насколько мы были взволнованы нашим открытием. Кроме того, мы чувствовали, что оно связано не только с тамплиерами, и это придавало ему особое значение. Похоже, мы обнаружили логическую связь между самыми ранними могилами Килмартина (теми, которые предположительно принадлежали тамплиерам) и более поздними, украшенными семейными гербами, девизами кланов и масонской символикой. Создавалось впечатление постепенной эволюции надгробий, как будто более поздние путем ассимиляции и усложнения развились из самых первых. Мотивы остались неизменными, но с годами все более усложнялись; украшения и орнаменты поздних лет не замещали прямой меч, а добавлялись к нему. Похоже, могилы в Килмартине представляли собой скромное, но в то же время выразительное свидетельство непрерывного развития – свидетели истории, растянувшейся на четыре столетия, от начала четырнадцатого века до начала девятнадцатого. В тот же вечер в пабе мы попытались расшифровать летопись, запечатленную в могильных камнях.

Может быть, мы действительно натолкнулись на анклав беглых тамплиеров, которые после роспуска их ордена нашли убежище в этой части Аргайлла, которая была в те времена безлюдной и дикой? Может быть, среди беглецов были те, кто прибыл из-за границы? В четырнадцатом веке до Аргайлла было нелегко добраться по суше, но морской путь сюда был хорошо известен, а тамплиеры обладали мощным флотом, который так и не был найден их гонителями в Европе. Может быть, эти зеленые, покрытые лесом холмы и долины когда-то скрывали целую общину рыцарей в белых мантиях, похожую на «затерянный город» приключенческого романа? Может быть, ордену удалось сохранить себя, со всеми его ритуалами и обычаями? Но для того, чтобы сохраниться и в следующих поколениях, рыцари должны были секуляризироваться или, по крайней мере, отказаться от обета воздержания и вступить в брак. Может быть, именно этот процесс и отражали могильные камни – постепенное смешение тамплиеров – посредством браков – с членами клановой системы? И не стали ли альянс между храмовниками и кланами Аргайлла одной из тех ниточек, которая впоследствии привела к масонству? Может быть, в камнях Килмартина содержится ответ на один из самых загадочных вопросов европейской истории – о происхождении и развитии масонства?

Ничего из обнаруженного в Килмартине мы не включили в свой фильм, сценарий которого к тому времени был уже частично готов. Дело в том, что фильм рассказывал в основном о деятельности тамплиеров во Франции и на Святой Земле. Мы чувствовали, что если наши находки в Шотландии подтвердятся, эта тема будет достойна отдельного фильма. Как бы то ни было, а на тот момент мы имели лишь правдоподобную теорию, верность которой не позволяла подтвердить отсутствие необходимых документов.

Мы изучили работы самого известного из историков этого региона, Мэрион Кэмпбелл, а также

вступили с ней в личную переписку. Она советовала остерегаться преждевременных выводов, но была заинтригована выдвинутой нами теорией. Отсутствие документального подтверждения существования владений тамплиеров в Аргайлле, писала она, указывает скорее на отсутствие записей, чем на отсутствие тамплиеров. Она считала возможным, что именно прибытие в этот регион тамплиеров объясняет присутствие анонимного прямого меча среди более традиционных и известных кельтских орнаментов и мотивов.

Кроме того, мы просмотрели все доступные работы, посвященные надгробным камням Килмартина, от исследований любителей истории девятнадцатого века до более поздних работ, опубликованных в 1977 году при содействии Королевской комиссии по памятникам истории и культуры Шотландии. К нашему разочарованию, большая часть этого материала была посвящена в основном более поздним и искусно украшенным надгробиям. Самые старые плиты с анонимными мечами по большей части игнорировались – вполне возможно, просто потому, что о них не было ничего известно и сказать авторам было нечего. Тем не менее обнаружили кое-какие важные факты. От Мэрион Кэмпбелл, например, мы узнали, что надгробия на церковном дворе в Килмартине не всегда находились там. Некоторые располагались внутри церкви, а если точнее, то внутри гораздо более древней церкви, которая стояла на этом месте прежде. Другие были разбросаны по окрестностям и только позже перенесены на церковный двор. Мы также узнали, что кладбище в Килмартине не единственное собрание таких могильных плит в регионе. На самом деле их насчитывалось не меньше шестнадцати. Однако в Килмартине, похоже, было больше всего древних надгробий с анонимным прямым мечом.

На основании всей этой информации можно было сделать три совершенно определенных вывода. Во-первых, происхождение резьбы на могильных плитах, и особенно самой старой, так и осталось загадкой. Во-вторых, и с этим соглашались практически все, самые первые изображения датировались началом четырнадцатого века – эпохой, когда в Шотландии правил Роберт Брюс, а рыцари Храма подвергались гонениям во всей остальной Европе. Третий вывод заключался в том, что могилы с анонимным прямым мечом относились к новому стилю, который появился в регионе неожиданно и необъяснимо, хотя во владениях тамплиеров эта символика использовалась повсеместно еще до ее внезапного появления в Аргайлле. Мы уже убедились, что с точки зрения хронологии самые старые могильные камни в Килмартине точно так же попадали в самую точку, как и церковь в Гарвее в Херефордшире, которая, вне всякого сомнения, принадлежала тамплиерам.

В книге «Резные плиты с изображениями в христианском мире» (1976), последней из опубликованных работ Ф. А. Гринхилла, содержатся результаты исследований ученого, посвятившего жизнь составлению реестра средневековых захоронений по всей Европе, от Балтики до Средиземноморья, от Риги до Кипра. Среди 4460 могил, описанных и включенных в реестр, встречаются, хотя и очень редко, надгробия без надписей. Могилы воинов попадаются еще реже. В Англии, например, Гринхилл обнаружил только четыре такие могилы, не считая могилы в Гарвее, о которой ему ничего не было известно. В Ирландии он нашел только одну такую могилу. Во всей Шотландии, за исключением Аргайлла, тоже обнаружилось одно захоронение. В Аргайлле ученый обнаружил шестьдесят безымянных могил воинов. Таким образом, становилось совершенно очевидно, что подобная концентрация могильных плит в Килмартине и его окрестностях является уникальной. И почти такой же уникальной можно считать необычно высокую концентрацию масонских могил.

Еще одним важным источником доказательств стали для нас материалы Израильской ассоциации археологических исследований, которая провела раскопки древнего храма тамплиеров в Атлите на Святой Земле.

Атлит был построен крестоносцами в 1218 году и оставлен ими в 1291 году, вместе с остальными владениями Иерусалимского королевства. Во время раскопок замка обнаружилось кладбище с сотней вертикальных могильных плит. Большинство из них, разумеется, были сильно разрушены, и поверхностная резьба, подобная прямым мечам, обнаруженным нами в Шотландии, не сохранилась. Однако более глубокие рисунки не стерлись, и они оказались чрезвычайно интересными. Изображение, найденное на могиле одного из командиров флота тамплиеров – возможно, адмирала, – представляло собой большой якорь. В другом, почти полностью стертом, рисунке можно было различить масонские угольник и отвес. На одной из могил – считается, что в ней похоронен «мастер каменщиков тамплиеров» – изображены крест и украшения в виде молотка и угольника каменщика. Это одни из самых старых – третье по возрасту, если быть точным – изображений масонских символов. Одно, более старое, находится в Реймсе и датируется 1263 годом. Второе, примерно того же возраста, тоже найдено во Франции, в бывшей прецептории тамплиеров в Кот Д'Ор. Это убедительное доказательство в пользу теории «летописи в камне», которую мы пытались расшифровать в Килмартине. Если мы правильно поняли эту летопись, то она говорит о давних и важных связях между тамплиерами и тем, что впоследствии превратилось в масонство.

Воодушевившись сделанным открытием, мы забыли о первоначальной цели своего путешествия в Аргайлл – поисках кладбища тамплиеров на одном из островов озера Лох-О. Мы предположили, что рассказ о могилах был каким-то образом искажен и на самом деле речь шла о Килмартине. В то время мы не знали, что посетили совсем другой остров.

Осенью 1987 года мы вернулись в Аргайлл и к озеру Лох-О. К этому времени мы уже знали, что остров, ставший причиной нашего первого визита в эти края, назывался не Innis Searraiche, а Inishail и располагался в нескольких милях севернее. (Первый раз мы просто проехали мимо, даже не заметив его.)

Однако если Inishail и был «тем самым» островом, его посещение оказалось не более плодотворным, чем визит на Innis Searraiche девять лет назад. Правда, на этот раз нам не составило труда нанять лодку. Мы обнаружили остатки церкви, датируемые примерно тем же временем, то есть началом четырнадцатого века, но ее архитектура явно не имела никакого отношения к тамплиерам. Нам стало известно, что последняя служба состоялась здесь в 1736 году, а к концу столетия церковь была уже заброшена. Внутреннее пространство церкви, открывшееся нашему взору, представляло собой сплетение травы, сорняков и крапивы, покрывавшее несколько безнадежно стершихся и потрескавшихся могильных плит, устилавших пол. Снаружи мы нашли другие надгробные камни, вросшие в землю и почти неразличимые. Несколько плит поновее все еще стояли вертикально. Среди самых свежих захоронений была могила одиннадцатого герцога Аргайлла, умершего в 1973 году, а также могила умершего в 1982 году бригадира Реджинальда Феллоуза, кавалера Ордена Британской империи, советника-посланника и барристера, кавалера ордена Почетного легиона. Человек, у которого мы наняли лодку, рассказал нам, что часто плавал на остров и исследовал его. Он сообщил, что недавно обнаружил могильную плиту, еще не вошедшую в каталог Королевской комиссии по памятникам истории и культуры Шотландии. Предположив, что должны существовать

и другие неизвестные плиты, мы пустили в дело перочинные ножи и действительно обнаружили несколько надгробий, но на них ничего нельзя было разглядеть. Если это место должным образом расчистить, то надгробные камни, возможно, и дадут какую-то информацию. Наши неумелые и, наверное, не очень аккуратные раскопки не выявили ничего, что могло бы навести на мысль о тамплиерах. Мы были разочарованы. Но, по крайней мере, мы все-таки узнали правду о до сих пор неуловимом острове.

Объездив окрестности озера Лох-О, мы не нашли ничего более убедительного, чем надгробные камни в Килмартине, – только руины, которые могли иметь отношение к тамплиерам и которые можно было приписать тамплиерам, но без каких-либо серьезных доказательств. Тем не менее на холме к юго-востоку от озера, на развалинах в церкви Kilneuaire, мы обнаружили нечто любопытное. В траве скрывались могильные плиты, очень похожие на более поздние, богато украшенные надгробия в Килмартине. Одна из них была увенчана крестом тамплиеров – никакой ошибки быть не могло. Однако крест не являлся составной частью оригинального, искусно вырезанного орнамента. Он был грубо вырезан, подобно граффити, на камне гораздо позже, предположительно в семнадцатом или восемнадцатом веке. Вряд ли этот крест можно было считать свидетельством присутствия тамплиеров в этом регионе. Тем не менее он указывал на то, что кто-то из местных жителей в последующую эпоху явно интересовался тамплиерами.

Далее мы двинулись на юго-запад мимо впечатляющей крепости замка Sween, расположенного на берегу залива с тем же названием. В начале четырнадцатого века Loch Sween был важным стратегическим пунктом морского пути из Ольстера через острова Айлей и Джура. Крепость, осажденная и захваченная Брюсом в 1308 – 1309 годах, являлась одним из опорных пунктов этого региона. Сам замок, который считается самым старым каменным замком на основной территории Шотландии, явно был морской цитаделью с гаванью для кораблей. Обвалившиеся камни – некоторые из них были обтесаны – указывали места расположения мола, внутренней гавани и пристани. Если тамплиеры, подвергавшиеся преследованиям в Европе, действительно бежали морем в Шотландию, это место можно считать самым подходящим для их высадки.

За стенами замка простиралось море, а через пролив виднелся остров Джура, холмы которого были скрыты облаками. На берегу острова стояла маленькая разрушенная часовня Килмори, построенная в тринадцатом веке. Часовня принадлежала когда-то процветавшему морскому округу.

Внутри часовни и вокруг нее мы нашли около сорока могильных плит того же периода и вида, что и в Килмартине. Но здесь обнаружили два других, более важных предмета, которые являлись вескими – хотя и не такими многочисленными, как нам хотелось, – доказательствами нашей теории. Обязательной принадлежностью церкви тамплиеров был крест, либо вырезанный над входом, либо стоящий отдельно. Крест мог быть простым или украшенным орнаментом, но форма его оставалась неизменной – лучи одинаковой длины, утолщающиеся на концах. Внутри часовни Килмори находился именно такой «лапчатый» крест, причем изготовлен он был не позднее четырнадцатого века. Если бы подобный крест нашли в любой точке Европы, все, не колеблясь, признали бы его связь с тамплиерами и приписали бы часовню ордену Храма. Более того, внутри часовни лежала могильная плита четырнадцатого века, на камне которой были вырезаны судно, фигура воина и еще один крест тамплиеров, на этот раз вплетенный в цветочный орнамент.

Но и это еще не все. На той же самой могильной плите четырнадцатого века обнаружилось

подтверждение, что наша расшифровка «летописи в камне» была не только логичной, но и в целом верной. Над головой воина с «лапчатым» крестом располагался вырезанный в камне масонский угольник.

Теперь можно было с уверенностью утверждать, что тамплиеры были на Loch Sween и что часовня почти наверняка принадлежала тамплиерам – маловероятно, что она была построена орденом, но в любом случае храмовники использовали ее. С учетом этих обстоятельств принадлежность могил тамплиерам как в Килмартине, так и в других местах этого региона становилась не только возможной, но и вполне вероятной.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОБЕРТ БРЮС: НАСЛЕДНИК КЕЛЬТСКОЙ ШОТЛАНДИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БРЮС И ЕГО БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

18 мая 1291 года под натиском сарацинов пала Акра, последний оплот крестоносцев на Святой Земле, и Иерусалимское королевство, основанное двумя столетиями раньше во время первого крестового похода, окончательно прекратило свое существование. Так закончилась великая европейская мечта о христианском Ближнем Востоке. Известные и святые места Священного Писания – от Египта и Палестины до Ливана и Сирии – остались в руках мусульман и были недоступны для христиан еще пятьсот лет, до самой эпохи Наполеона.

С потерей Святой Земли рыцари Храма лишились не только важнейшего района военных операций, но и изначального смысла своего существования. По крайней мере, в военном отношении им больше нечем было оправдать свое существование. Остальные ордена воинствующих монахов базировались в других местах, и их крестовые походы имели другие цели. Орден госпитальеров сначала обосновался на Родосе, а затем на Мальте и в течение трех веков контролировал Средиземноморье в интересах становившегося все более меркантильным христианского мира.

Тевтонские рыцари уже нашли себе занятие на Балтике, уничтожая языческие племена и утверждая господство христианства на обширной территории, от Пруссии – через Латвию, Литву и Эстонию – до самых берегов Финского залива.

Испанские ордена Сантьяго, Калатрава и Алькантера направили свои усилия на изгнание мавров с испанского полуострова, а португальские Рыцари Христа посвятили себя морским путешествиям. И только тамплиеры – самый богатый, сильный и влиятельный из орденов – остался без цели и без дома. Намерения храмовников основать свою резиденцию в Лангедоке встретили сопротивление и остались мертворожденной идеей.

Полтора десятилетия после падения Акры стали периодом заката ордена тамплиеров. Затем, на рассвете 13 октября 1307 года, король Франции Филипп IV издал приказ арестовать всех тамплиеров в их собственных владениях. На протяжении последующих семи лет центральное место в процессе, начатом французским королем, постепенно занимала инквизиция. По всей Европе тамплиеров арестовывали, подвергали допросам, пытали и казнили. В 1312 году орден Храма был официально распущен папой. В 1314 году последний великий магистр ордена Жак де Моле был сожжен на костре, и орден тамплиеров действительно прекратил свое существование.

Возвышение Роберта Брюса в точности приходится на этот период. Впервые он появляется на исторической сцене в 1292 году, через год после падения Акры, когда ему жалуют титул графа

Каррика. Наивысшей точкой в его карьере можно считать битву при Баннокберне в 1314 году, через три месяца после смерти Жака де Моле. В 1306 году, за год до начала репрессий против тамплиеров, Брюс был отлучен от церкви, и эта ссора с папским престолом длилась двенадцать лет. Не признавая Брюса, Рим не имел возможности вести с ним переговоры и проводить свою политику в его владениях. Папские указы больше не имели силы в Шотландии – или, по крайней мере, в той части страны, которая контролировалась Брюсом и лежала, таким образом, «вне правового поля».

Следовательно, если строго следовать букве закона, то в этих районах Шотландии не имел силы папский указ, запрещающий деятельность ордена тамплиеров во всей Европе. Если рыцари ордена, бежавшие от своих преследователей в континентальной Европе, надеялись найти убежище, они могли рассчитывать на покровительство Брюса.

На протяжении нескольких столетий множество легенд и преданий связывало Брюса с тамплиерами, несмотря на то что связь эта не была достоверно установлена. Могильные плиты в Аргайлле являются убедительным доказательством обоснованности этих легенд: надгробия датируются тем же периодом и расположены в регионе, где беглым тамплиерам было совершенно естественно искать убежища. Более того, чем пристальнее мы вглядываемся в Брюса, тем яснее понимаем, что у него и тамплиеров было много общего.

Кельтское королевство Шотландии

Брюса принято считать центральной фигурой в процессе борьбы за независимость средневековой Шотландии. Однако намерения Брюса простирались гораздо дальше – он замыслил нечто более радикальное и амбициозное, чем просто избавление от английского господства. Брюс мечтал – не больше и не меньше – о реставрации уникального Кельтского королевства со всеми кельтскими институтами власти и государства, предполагавшими даже человеческие жертвоприношения.

В средневековых Ирландии и Уэльсе даже в те времена, когда там еще не установили свою власть пришедшие из Англии норманны, не существовало централизованного государства. Обе страны раздирали междоусобные войны многочисленных местных князьков, или вождей кланов. В «начале позднего средневековья» Шотландия была «единственным кельтским государством с полностью сформировавшимися и независимыми политическими институтами».

Во времена Римской империи преобладающим населением Шотландии были пикты, которые продолжали играть важную роль в истории страны вплоть до середины девятого века. Однако в конце пятого столетия на западное побережье Шотландии стали прибывать переселенцы из Ирландии, по большей части из Ольстера. Они основали королевство, получившее название Далриада. Одним из древних опорных пунктов этого королевства был Дунадд, расположенный всего в трех милях от Килмартина. На протяжении 350 лет королевство Далриада на западе страны и пикты, занимавшие всю остальную территорию, с переменным успехом боролись за власть, на некоторое время приобретая доминирующее влияние, а затем снова уступая его. Часто эта борьба принимала насильственные формы, но так было не всегда. Соперничество распространялось также на культурную и династическую сферу, а в определенные периоды отмечался высокий уровень межнациональных браков. Тем не менее, к 843 году Далриада одержала окончательную победу. Нельзя сказать, что пикты потерпели военное поражение – они просто ассимилировались. Культура и язык пиктов полностью, хотя и постепенно, исчезли, и Шотландия под эгидой короля Далриады Кеннета МакАльпина превратилась в единое Кельтское королевство.

Примерно в 850 году в Сконе Кеннет был провозглашен королем всей Шотландии. Внутренние распри, интриги и ссоры – подобные тем, что увековечил Шекспир в своем «Макбете» – не прекратились, но в 1124 году во времена потомка Кеннета МакАльпина короля Давида I окончательно сформировалось феодальное королевство Шотландия. Это произошло через четверть века после того, как крестоносцы основали на Святой Земле Иерусалимское королевство.

Норманны впервые вторглись в Шотландию во времена Вильгельма Руфуса, сына Вильгельма Завоевателя, но до эпохи короля Давида I не предпринимали широкомасштабных или успешных набегов. Сам Давид был чистокровным кельтом, сыном кельтского короля Малькольма III. Тем не менее в период его правления в страну было допущено большое количество норманнских и фламандских рыцарей. Появились в стране и монахи, преимущественно цистерцианцы. Однако Шотландия продолжала оставаться полностью кельтским королевством. Имеются свидетельства того, что кельтское мышление – как языческое, так и христианское – продолжало существовать здесь достаточно долго. Среди уникальных институтов, основанных Давидом, была должность «королевского стюарда», которая впоследствии превратилась в «стюарта». Именно с этой должности берет свое начало королевская династия Стюартов. Стюард был своего рода наследным управляющим королевского двора или канцлером двора. Подобная должность существовала во Франции при династии Меровингов тремя столетиями раньше и называлась «управляющий дворцом». В конечном итоге «управляющие» сменили Меровингов и основали династию Каролингов. Аналогичным образом в Шотландии Стюарты (правда, мирным путем) пришли на смену династии короля Давида. Первый королевский стюард Уолтер Фиц-Алан происходил из кельтской Бретани и был сыном Алана Фиц-Флалда. Вполне возможно, что среди предков Алана был Шотландский тан Банко из Лохабера, фигурирующий в пьесе Шекспира.

В свите короля Давида был норманнский рыцарь Роберт де Брюс. Давид пожаловал ему во владение долину Аннан, которая считалась стратегически важной дорогой из Карлайла в Шотландию. Кроме того, Брюс был другом английского короля Генриха I и владел обширными землями в Йоркшире. Считается, что семья Брюса происходит из окрестностей современного Брикса, расположенного к югу от Шербура. Однако в последнее время выдвигалось предположение о фламандских корнях Брюса – якобы он вел свое происхождение от Роберта из Брюгге, известного кастеллана этого города, жившего за три четверти века до этого. Роберт исчез из города Брюгге в 1053 году, именно в тот год, когда Матильда Фландрская вышла замуж за герцога Нормандии Вильгельма. Роберт вполне мог сопровождать Матильду во Францию, а потом, тринадцать лет спустя, вместе с ее мужем участвовать во вторжении в Англию.

Несмотря на то, что в эпоху короля Давида Роберт де Брюс вел свое происхождение от норманнов, его прадед женился на прабабке Давида, племяннице кельтских королей Малькольма IV и Уильяма I. Таким образом, Роберт Брюс, впоследствии сыгравший важную роль в истории Шотландии, мог смело утверждать, что принадлежит к древнему роду кельтских королей и является прямым потомком правителя Далриады Кеннета МакАльпина. Брак дочери Роберта Брюса и Уолтера Стюарда, или Стюарта, положил начало королевской династии Стюартов.

До конца тринадцатого века в шотландском обществе кельтский элемент занимал доминирующее положение. Так, например, самыми влиятельными вельможами королевства были тринадцать графов, или танов, которые вели свою родословную и титулы от древнего королевства Далриада.

Самым могущественным из них был граф Файф, и ему принадлежало наследственное право усаживать нового правителя Шотландии на трон во время церемонии коронации. Сама коронация по традиции проводилась в Сконе, в двух милях от Перта вверх по течению реки Тей, а трон для церемонии был построен на камне Сконы, который якобы был привезен на это место Кеннетом МакАльпином в 850 году.

Скона считалась священным или почти священным местом еще в докельтские времена, когда здесь жили пикты. Центральной точкой Сконы был «холм веры», или, как его сейчас называют, Мут-Хилл. Здесь во время ритуала, корни которого уходят в незапамятные времена, нового монарха сажали на камень и вручали ему символы королевской власти, в число которых входили, по всей видимости, скипетр и мантия. Таким образом, король венчался со своими землями, с народом, которым ему предстояло править, и с самой богиней земли, часто изображавшейся в облике животного. В ирландском варианте этого ритуала в жертву приносили кобылу; затем ее варили, и новый король окунался в эту воду, ел мясо жертвенного животного и пил получившийся бульон. Считалось, что таким образом обеспечивается плодородие земли и плодовитость людского рода.

К двенадцатому веку под влиянием крестовых походов этот архаичный принцип – ответственность монарха за плодородие земли – соединился с эзотерическими иудаистско-христианскими обычаями, в результате чего возник целый свод поэтических произведений, который теперь ПОЛУЧИЛ название романов о Граале. Эти романы, как мы убедимся позднее, имели непосредственное отношение к Шотландии.

Коронация Александра III в 1249 году была типичным шотландским ритуалом, который сохранился в Шотландии спустя много времени после своего исчезновения в других местах. Когда Александра посадили на трон в Сконе, престарелый бард из горной Шотландии на гэльском языке торжественно прочитал генеалогию нового монарха, удостоверив его происхождение из древней Далриады от «первого шотландца». Александра – что вполне уместно для шотландского правителя – всегда сопровождал арфист. Когда король путешествовал, его появлению предшествовало, как того требовала традиция для главы клана, появление семи женщин, которые воспевали его славу и знатность. Вне всякого сомнения, поначалу эта церемония казалась величественной, но быстро должна была стать слишком шумной и затянутой.

Неудивительно, что в такой обстановке власть церкви была минимальной. В девятом веке Шотландия часто становилась убежищем для спасшихся раскольников из Кельтской церкви Ирландии. С одной из таких групп в Шотландию пришла система монастырей, но она никогда не стала такой же влиятельной, как за морем, в Ирландии. В двенадцатом веке, несмотря на приход цистерцианцев, Римско-католическая церковь практически исчезла из страны. В Лотмане, к примеру, после 950 года не было образовано ни одной новой епархии. В Стратклайде за это время тоже не прибавилось ни одной общины.

Тем не менее Кельтскому королевству Шотландии, которое достигло расцвета при Александре III, было суждено умереть вместе с ним. В марте 1286 года в одну из грозных ночей король, возвращавшийся с заседания совета в Эдинбурге, каким-то образом отделился от своей свиты, а утром был найден со сломанной шеей. Его смерть спровоцировала не только серьезный внутренний кризис и яростную схватку за трон, но и стала предлогом невиданного до сей поры вмешательства Англии в дела Шотландии.

Появление Брюса

Александр умер, не оставив после себя сыновей. Его единственная дочь Маргарет была замужем за королем Норвегии, и шотландцы не хотели, чтобы ими правил норвежец. Поэтому было образовано временное правительство, состоящее из шести «хранителей мира»: графа Файфа, которому принадлежало решающее слово, графа Бьюкена, Джеймса Стюарта, Джона Комина, а также архиепископов Глазго и Сент-Эндрюса. Этот совет, представлявший собой нечто вроде регентства, решил возложить корону на дочь Маргарет Норвежской, которую тоже звали Маргарет и которая в то время была еще младенцем. Условились, что по достижении совершеннолетия девочка выйдет замуж за принца Эдуарда, будущего английского короля Эдуарда II. Но в 1290 году по пути из Норвегии домой юная Маргарет умерла, и вопрос о наследнике шотландского престола окончательно запутался. На трон претендовали более дюжины кандидатов, включая Джона Баллиола и деда Роберта Брюса, известного под именем Соперник. Опасность гражданской войны была настолько велика, что епископ Сент-Эндрюса пригласил в качестве арбитра короля Англии Эдуарда I. Таким образом, норманнский королевский дом Англии получил право вмешиваться в дела Кельтского королевства Шотландии.

Эдуард не терял времени даром и использовал этот мандат в своих интересах. Встретившись в 1291 году с претендентами на шотландский престол, он заявил о своем намерении самому стать сюзереном Шотландии. Несмотря на протесты, шотландских лордов угрозами и лестью заставили хотя бы частично признать статус английского короля, который тот себе самозванно присвоил. Вырвав это признание, Эдуард решил дело в пользу Джона Баллиола, претензии которого были признаны законными. Баллиола короновали в Сконе. Эдуард тут же забыл о своих обещаниях уважать независимость Шотландии, потребовав унижительной покорности и преданности от человека, которого он посадил на трон. В 1294 году претензии английского короля вынудили шотландцев к восстанию. Баллиол заключил союз с Францией и в 1296 году отрекся от своей клятвы верности Эдуарду. Но было уже поздно – армия Эдуарда разорила Бервик и вторглась в Шотландию. Шотландцы потерпели поражение; оставшийся в живых Баллиол был подвергнут публичному унижению и отправлен в ссылку.

Покорив Шотландию, Эдуард повел планомерное наступление на любые остатки, как политические, так и религиозные, древнего Кельтского королевства. Особое внимание было уделено камню Сконы, самому старому священному талисману кельтов. По распоряжению Эдуарда надпись на камне была стерта, а сам камень перевезли из Сконы в Лондон. Большая печать Шотландии была разбита, а королевские архивы конфискованы. В данном случае Эдуард считал самого себя защитником веры – настоящим христианским королем, заботящимся о распространении власти Рима. Чтобы поддерживать этот образ, полезно было подчеркивать языческие аспекты старого Кельтского королевства, которое изображалось не только еретическим, но даже языческим и сатанинским. Распространяя слухи о колдовстве и некрומании, Эдуард получал возможность морального и теологического обоснования своего крестового похода с целью аннексии Шотландии.

Подавив сопротивление по всей стране, Эдуард передал бразды правления в руки своего ставленника, графа Уоррена. Уоррен с пренебрежением и надменностью относился к своей роли, и спустя год, в 1297 году, убийством шерифа Ланарка Уильяма Уоллеса подал сигнал к началу всеобщего восстания против англичан. Затем, объединившись с Уильямом Дугласом, Уоллес

совершил нападение на проанглийски настроенный суд в Сконе. Восстание Уоллеса координировалось с другими подобными выступлениями, во главе которых стояли епископ Глазго и Джеймс Стюарт.

Именно на фоне этих бурных событий появилась фигура Роберта Брюса, который возглавил восстание на юге страны. Брюс уже был графом Карриком, владея одним из самых больших кельтских поместий в стране, в которое входил почти весь западный регион, известный как Голуэй. Его последователи и вассалы контролировали обширные пространства в Ольстере, включая весь Северный Антрим, часть территории, которая теперь называется графством Лондондерри, а также остров Ратлин. Собственные владения Брюса, помимо Каррика, включали третью часть земель в Хантингдоне, Гэрлохе и Данди. Как мы уже знаем, в жилах Брюса текла королевская кровь: его прадед женился на женщине, которая вела свою родословную от Давида I.

К концу 1297 года Уоллес употребил все свое влияние, чтобы архиепископом Сент-Эндруса – самого влиятельного епископата в Шотландии – был избран настоятель собора в Глазго Уильям Ламбертон.

Ламбертон был известен как пламенный патриот, и шотландцы надеялись, что утверждение его в этой должности поможет их борьбе за независимость. Епископ, не мешкая, отправился в Рим, чтобы его избрание было утверждено папой, и по поручению своих братьев по оружию повез обращение к папскому престолу. Тем временем один из могущественных шотландских графов – возможно, сам Брюс – посвятил Уоллеса в рыцари, а в 1298 году он был избран «хранителем Шотландского королевства».

Однако весной этого же года ширившееся восстание стало причиной еще одного крупномасштабного вторжения англичан.

19 и 20 июля английская армия, состоявшая из 2000 всадников и 12 000 пеших воинов, разбила лагерь во владениях тамплиеров на территории, которой владел храм Листона (в настоящее время это территория аэропорта Эдинбурга). Войско Эдуарда было усилено отрядом тамплиеров, в состав которого входили – что достаточно примечательно – два высших прелата ордена, магистр Англии и прецептор Шотландии. В это время орден Храма еще не подвергался преследованиям, и у тамплиеров не было никаких причин для опасений. Но даже в этих обстоятельствах связи тамплиеров с английским королем были крайне нерегулярными – аномалия, которой историки так и не нашли удовлетворительного объяснения. Во все времена тамплиерам категорически запрещалось принимать участие в мирских войнах, и особенно против христианских монархов. Единственной целью их существования объявлялось участие в особом рода конфликтах, крестовых походах, которые скрупулезно определялись как военные акции против неверных. Шотландцев вряд ли можно было отнести к неверным, а Шотландия находилась под защитой папы. И действительно, епископ Ламбертон только что лично получил подтверждение своего избрания от папы Бонифация VIII. Единственное объяснение вмешательства тамплиеров в этот конфликт выглядит следующим образом: языческие и древние кельтские традиции среди восставших были распространены настолько широко, что это служило оправданием «маленького крестового похода».

Как бы то ни было, но 22 июля 1298 года в битве при Фолкерке шотландцы потерпели жестокое поражение. Потери англичан выглядели ничтожными. С английской стороны были убиты только двое военачальников. Ими оказались высшие прелаты тамплиеров.

После поражения при Фолкерке Уоллес был вынужден сложить с себя полномочия «хранителя», но восстание продолжалось. Осенью 1298 года восставшие предложили Джону Комину и Роберту Брюсу стать регентами страны, чтобы вместе продолжить борьбу. Однако вскоре Комин и Брюс поссорились, и возникшие между ними трения не только препятствовали совместным действиям против англичан, но и едва не стоили Брюсу жизни. В 1299 году, когда епископ Ламбертон вернулся из Рима, он стал третьим регентом, выступая в качестве арбитра в спорах между своими товарищами. На самом деле Ламбертон симпатизировал Брюсу и вскоре сам поссорился с Комином. Брюс, которому надоели эти разногласия, отказался от должности регента, временно оставил Шотландию в руках Ламбертона и Комина, а сам начал укреплять свои позиции другим путем. Этот путь включал в себя два важных династических союза.

В начале 90-х годов Брюс женился на дочери графа Мара Изабелле, а его сестра Кристина вышла замуж за брата Изабеллы, который унаследовал графский титул. В этом браке у Брюса родилась дочь Марджори, которая в 1315 году выйдет замуж за Уолтера, сына Джеймса Стюарта. Но в 1302 году Изабелла де Мар умерла, и Брюс с завидным хладнокровием и расчетливостью совершил маневр, который привел к его временному союзу с англичанами. Он женился на Элизабет де Бург, дочери графа Ольстера, который был верным сторонником английского короля. Еще со времен Далриады между Ольстером и Карриком, родным графством Брюса, существовали тесные культурные и политические связи. Это заметно и сегодня – по той частоте, с которой префикс «Каррик» встречается в географических названиях Северной Ирландии. Женившись на дочери графа Ольстера, Брюс получил возможность освежить старые связи между своими владениями в Шотландии и ирландскими землями, которыми владели бывшие хозяева Каррика. Теперь он мог получать существенную поддержку – как финансами, так и людьми – с противоположного берега Ирландского моря.

Имея союзников в Ольстере, можно было сохранять важный морской путь для доставки продовольствия и оружия.

Тем временем восстание продолжалось без него. В 1303 году в сражении при Рослине Комин разбил небольшую армию англичан. Успех этот, однако, был временным, потому что в 1305 году Эдуард вновь вторгся в Англию, вынудив Комина признать свое поражение и принести клятву верности английской короне. В 1305 году пленением Уоллеса делу шотландской независимости был нанесен еще один удар. С жестокостью, чрезмерной даже для средневековья, Уоллес был буквально изничтожен. Его протащили за лошадью четыре мили от Вестминстера до Смитфилда, кастрировали, повесили, еще живому вспороли живот, а затем обезглавили. Тело Уоллеса было разрублено на четыре части, которые выставили на обозрение в разных местах.

Убийство Джона Комина

Уоллес был мертв, а Комин находился под железной пятой англичан. Однако в марте 1304 года, за год до пленения Уоллеса, умер отец Брюса, и Роберт стал прямым претендентом на шотландский престол. Через три месяца, в июне 1304 года, он заключил тайное соглашение с епископом Ламбертоном. Содержание этого соглашения так и осталось неизвестным, но, по словам Барроу, одного из биографов Брюса, «в нем содержались туманные рассуждения о «соперниках» и «опасностях». Теперь принято считать, что соглашение включало в себя план создания независимой Кельтской Шотландии, монархом которой при поддержке Ламбертона станет Брюс. Однако, прежде

чем претворять этот план в жизнь, требовалось что-то сделать с Джоном Комином.

Семья Комина, к которой принадлежали лорды графств Бьюкен и Монтейт, была старинной и по влиянию и знатности могла соперничать с семьей Брюса. Сам Джон Комин являлся главой старшей ветви дома и носил множество титулов, в том числе лорда Лохабера, Баденоха и Тайндейла.

Несмотря на все ссоры с Брюсом и Ламбертоном, его патриотизм до сих пор никогда не ставился под сомнение. Но после капитуляции перед английским королем Эдуардом в 1304 году он превратился в объект нападков, и репутация его пошатнулась.

Последовавшие события ставят историков в тупик: многое не нашло объяснения еще в те времена, а многое умышленно замалчивалось. Достоверно известно лишь следующее. 10 февраля 1306 года в францисканской церкви в Дамфризе Брюс собственноручно убил соперника. Комин получил удар кинжалом прямо перед алтарем и был брошен умирать на каменном полу церкви. Как свидетельствуют некоторые источники, он умер не сразу, а был перенесен в безопасное место монахами, которые собирались перевязать его рану. Услышав об этом, Брюс вернулся в церковь, притащил Комина назад к алтарю и здесь же добил его. Когда дядя Комина попытался вмешаться, его остановил зять Брюса Кристофер Сетон.

Описание этого события, которое дал через шестьдесят девять лет Джон Барбер, единственный видный хроникер того времени и первый биограф Брюса, отличается странной расплывчатостью – странной, потому что обычно Барбер утомляет своими подробностями, точно указывая имена, даты и цифры. Рассказ о самом убийстве занимает достаточно много места, но практически ничего не говорится о его причинах. Барбер осторожно предполагает, что Брюс и Комин заключили союз против англичан, но Комин искал предлога разорвать его. Выдвигаются предположения, что встреча в церкви была случайной, а убийство не готовилось заранее, а явилось результатом вспышки ярости, последовавшей в ответ на обвинения в предательстве. Однако Барбер сам признает, что существуют и другие объяснения, хотя старательно избегает приводить их. Современные историки подтверждают, что все могло быть не так просто, но предлагаемые ими версии вряд ли можно считать удовлетворительными. Некоторые особенности убийства Комина невозможно объяснить просто нарушением договора или давней антипатией между ним и Брюсом.

Во-первых, существуют убедительные свидетельства, что убийство Комина не стало результатом неконтролируемой вспышки гнева. Наоборот, оно было тщательно продумано и, возможно, отрепетировано. Похоже, Комина намеренно заманили в церковь. Более того, он был вынужден взять с собой свиту из воинов, которые – за исключением его дяди – стояли рядом и не вмешивались.

Невозможно не обратить внимания на то, где произошло убийство. Несмотря ни на что, церковь считалась святым местом, обладающим правом убежища. Было строжайше запрещено проливать кровь в церкви, и этот запрет уважался большинством влиятельных людей той эпохи. Даже в тех редких случаях, когда убийства совершались в церкви – например, Томаса Бекета – обычно обходилось без кровопролития. То, что Брюс использовал такое «грязное» оружие, как кинжал, вновь притащил Комина к алтарю после того, как его унесли монахи, и не испытывал при этом ни сожаления, ни раскаяния, свидетельствует не просто о потере самообладания. Это был недвусмысленный и явный вызов не только англичанам, на верность которым присягнул Комин, но и Риму. Убийство Комина свидетельствовало не только об отказе подчиниться Эдуарду, но и об отказе подчиниться папе. Более того, оно несло в себе все признаки ритуального убийства – почти

церемониальное умерщвление одного претендента на трон другим в святом месте в соответствии с древними языческими традициями. В те времена символический характер поступка Брюса был ясен абсолютно всем, причем мощь этого символизма затмевала сам поступок.

Реакция папы была предсказуемой: Брюса без долгих рассуждений отлучили от церкви, и это отлучение действовало более десяти лет. Однако – и это очень важно – папская булла не произвела никакого впечатления на шотландское духовенство. Ламбертон не проронил ни слова осуждения по поводу деяний своего приятеля и союзника. Никакой реакции не последовало и от епископа Глазго Уишарта, второй по значению епархии в стране, на территории которой и произошло убийство. Как бы то ни было, а оба прелата, похоже, одобряли поведение Брюса – и заранее предполагали его. Как указывает в своей работе Барроу: «Вполне логично предположить, что Уишарт заранее знал, когда будет нанесен удар».

После смерти Комина Брюс немедленно предъявил свои права на престол. Ламбертон поддержал его. Его примеру последовал Уишарт. Избавившись от соперника, Брюс поспешно направился в Глазго, где у него состоялись переговоры с Уишартом. А когда Брюс начал новую военную кампанию против англичан, оба епископа, проявив вопиющее безразличие к Риму, объявили ее истинным крестовым походом.

Получив благословение духовенства, Брюс продолжил захват замков, господствовавших над заливом Ферт-оф-Клайд, защищая таким образом маршруты снабжения своих войск из Ольстера и островов на западе. Как по сигналу, епископ извлек на свет божий спрятанные королевские одежды и знамя с гербом древнего королевского дома кельтов. Тем временем Ламбертон, который должен был находиться в Бервике вместе с английским консулом, направленным для управления Шотландией, исчез из поля зрения. Через шесть недель после смерти Комина он появился в Сконе, короновал Брюса, отслужил мессу в честь нового монарха, признал себя его вассалом и произнес клятву верности. Историки сходятся во мнении, что независимо от обстоятельств смерти Комина церемония в Сконе была подготовлена заранее.

На самом деле имели место две совершенно отдельные коронации. Первая, подробности которой почти не сохранились, была более или менее традиционной и проходила 25 марта 1306 года в церкви аббатства в Сконе. Церемонию вел Ламбертон в сопровождении Уишарта, епископа Мори Мюррея, аббатов Сконы, графов Леннокса, Монтейта, Этола и, возможно, Мара.

Вторая коронация была проведена через два дня, и в соответствии с древней кельтской традицией Брюса посадили на трон Сконы. По традиции на трон его должен был посадить самый знатный пэр страны граф Файф – на протяжении нескольких столетий эта семья выполняла эту почетную обязанность на церемонии коронации шотландских правителей. Но в это время граф Файф едва достиг совершеннолетия и находился в полном подчинении у Эдуарда Английского. Поэтому роль мальчика была поручена его сестре Изабелле, жене одного из кузенов Комина графа Бьюкена, которая для этой церемонии специально приехала из своих владений на севере Англии.

В прошлом историки рассматривали возвышение Брюса и его борьбу за независимость Шотландии исключительно с точки зрения политики, а не культуры. Поэтому кельтские аспекты в большинстве своем игнорировались, и Брюса считали типичным норманнским монархом той эпохи. «И только относительно недавно был признан вклад «кельтской» Шотландии в эту борьбу». Теперь же становится очевидным, что этот вклад являлся решающим. Брюс был типично кельтским лидером,

стремящимся возродить древнее Кельтское королевство, и поэтому его кампания была не только политической, но также культурной и этнической. Так, например, когда в 1307 году Эдуард лежал на смертном одре, сторонники Брюса распространяли слухи о сбывшемся пророчестве Мерлина. В соответствии с этим предсказанием после смерти Эдуарда кельтские народы объединятся, завоюют независимость, создадут собственное королевство (предположительно на обоих берегах Ирландского моря) и будут жить в мире.

Но подобные пророчества были явно преждевременными. Англия и Рим без промедления отреагировали на коронацию Брюса. Если Англия видела в восстановлении кельтской монархии политическую угрозу, то для Рима опасность была еще более серьезной – возвращение Шотландии в лоно старой и, возможно, еретической кельтской церкви или, что еще хуже, к дохристианскому язычеству. Настораживало безразличие шотландцев к отлучению Брюса от церкви. С таким же безразличием были восприняты и последующие грозные послания папы.

Труднее было не заметить реакцию Англии. К этому времени Брюс получил значительную поддержку. Помимо наиболее влиятельных шотландских графов, в верности Брюсу присягнули такие могущественные семьи, как Фрэзеры, Хеи, Кэмпбеллы, Монтгомери, Линдсей и Сетоны, многие из которых сыграют важную роль в истории. Однако этой поддержки оказалось недостаточно, чтобы победить английскую армию на поле боя. На рассвете 19 июня 1306 года в битве при Метвене Эдуард атаковал шотландцев и наголову разбил их. Были захвачены в плен и казнены граф Этол, Саймон Фрэзер, Нейл Брюс, Кристофер Сетон и его брат Джон. Не избежали печальной участи и женщины из лагеря Брюса. Графиня Изабелла Бьюкен, принимавшая участие в коронации Брюса, была посажена в клетку, которую подвесили на внешнюю стену замка Бервик, где она провела около 4 лет, до 1310 года. Сестру Брюса Мэри заточили в такую же клетку в замке Роксбург. Она была освобождена только в 1314 году. Двенадцатилетнюю дочь Брюса Марджори ждала третья клетка в лондонском Тауэре, но за нее вступились влиятельные люди, и девочку отправили в монастырь. По свидетельству многих историков, маниакальная мстительность короля Эдуарда с наибольшей жестокостью проявлялась в обращении с пленными женщинами. Однако здесь следует помнить об уникальной роли женщин в кельтском обществе – они считались жрицами, прорицательницами, хранительницами и продолжательницами королевского рода. В глазах Эдуарда женщины из окружения Брюса были больше похожи на ведьм из «Макбета», чем на норманнских дам.

Армия Брюса была разбита и рассеяна, а он сам бежал, скрываясь сначала в горах Пертшира, а затем в Аргайлле. Из Аргайлла он направился в Кинтайр и далее морем на остров Ратлин у побережья Ольстера. Известно, что здесь он провел часть зимы 1306-1307 года, но другие его передвижения или действия до февраля 1307 года так и остались тайной. Вполне логично предположить, что, находясь в своих владениях в Ольстере, Брюс часть времени потратил на укрепление связей между Ольстером и Карриком и пытался заручиться поддержкой в Ирландии. Вероятно, ему удалось привлечь на свою сторону ирландцев, потому что впоследствии он появился в сопровождении нескольких ирландских дворян и их приближенных.

В феврале 1307 года Брюс вернулся в Каррик со значительными силами и возобновил военные действия против англичан. Вопреки пророчеству смерть Эдуарда в июле того же года не стала сигналом к прекращению вражды. Война в Шотландии не утихла на протяжении следующих семи

лет – этот промежуток времени в точности совпадает с периодом преследований тамплиеров в Англии и континентальной Европе – и лишь изредка прерывалась короткими паузами. В 1309 году на заседании парламента в Сент-Эндрусе Брюс был официально провозглашен «королем шотландцев». С этого времени он стал настоящим правителем всей Шотландии и был признан в качестве такового как своим народом, так и правителями других государств, за исключением папы, который отлучил его от церкви, и короля Англии Эдуарда II. Последний был полон решимости – как и его отец – поставить шотландцев на колени и присоединить их королевство к своим владениям. Зимой 1310-1311 года Эдуард предпринял новый поход. Учтя опыт Метвена, Брюс не стал давать противнику генерального сражения. Сил у Эдуарда было явно больше. Особенно не хватало шотландцам рыцарей, то есть тяжелой кавалерии, чья массированная атака в критический момент могла сломить самое яростное сопротивление врага. Поэтому Брюс избрал тактику булавочных уколов, набегов, совершаемых легкой кавалерией. Именно такую тактику применяли сарацины на Святой Земле. Кроме того, большие надежды Брюс возлагал на своих опытных лучников.

Тем временем шотландцы начали оказывать англичанам все более упорное сопротивление, демонстрируя жесткую дисциплину и возросшее воинское искусство. Более того, к январю 1310 года они стали получать оружие и провиант из Ирландии. Эти поставки были настолько значительны, что Эдуарду пришлось издать гневный указ:

«Король предписывает канцлеру и казначею Ирландии объявить во всех городах и портах., что под страхом жестокого наказания запрещается всякая поставка провианта, лошадей, оружия и других товаров мятежникам в Шотландии, которая, как он узнал, осуществляется ирландскими купцами».

Однако озадаченные историки указывали на тот факт, что оружейная промышленность в Ирландии была развита не лучше шотландской. Оружие и доспехи могли попасть в Ирландию только из континентальной Европы.

Вполне возможно, что возросшая боеспособность шотландской армии явилась естественным следствием длительного конфликта, когда воины имели возможность приобрести боевой опыт. Но нельзя исключить и того, что шотландцев обучали и тренировали беглые тамплиеры – в ту эпоху это была самая дисциплинированная и профессиональная армия Европы, которая могла принести с собой из Святой Земли тактику сарацин, взятую на вооружение Брюсом. Что касается оружия, которое поступало из Европы в Ирландию, а оттуда в Шотландию, то трудно себе вообразить более подходящего канала поставок, чем орден Храма. Когда английские власти в конце концов пришли с обыском во владения тамплиеров в Ирландии, там не осталось практически никакого оружия.

Битва при Баннокберне и тамплиеры

Битва при Баннокберне, которая внесла решающий вклад в дело борьбы за независимость Шотландии, была результатом не сложных стратегических маневров, а странных средневековых представлений о чести. К концу 1313 года брат Брюса Эдуард осадил небольшой английский гарнизон в крепости Стерлинг, которая защищала дорогу на север и северо-запад Шотландии и в Аргайлл. Осада крепости затянулась. Не желая тратить время и силы, Эдуард принял выдвинутые защитниками условия: если к середине лета следующего года английская армия не появится в трех милях от крепости, гарнизон капитулирует. Это был вызов, который Эдуард Английский не мог не принять. Таким образом, брат Роберта Брюса вынудил его дать то самое генеральное сражение, которого он так упорно избегал после поражения при Метвене в 1306 году.

Конкретной целью английского монарха было освобождение Стерлинга. Однако размеры его армии свидетельствуют о более амбициозных планах – уничтожить шотландскую армию, нанести окончательное поражение Брюсу и установить военную оккупацию Шотландии. Историки того времени утверждали, что численность английской армии доходила до 100 тысяч человек. Это явное преувеличение, в высшей степени типичное для средневековья. Тем не менее, сохранившиеся списки личного состава говорят о том, что у Эдуарда было как минимум 21 640 пеших воинов. Разумеется, не все они прибыли в Шотландию – естественная убыль объясняется дезертирством и болезнями. К пехоте присоединились 3000 рыцарей, и каждый из них имел вооруженную и обученную свиту. Современные историки оценивают численность английской армии примерно в 20 тысяч человек. Эта цифра обеспечивала им тройное численное превосходство – именно такое соотношение указывается в хрониках того времени. Считается, что численность шотландской армии составляла от 7 до 10 тысяч человек, среди которых было 500 рыцарей, причем их вооружение и доспехи были менее тяжелыми, чем у англичан.

Историки до сих пор спорят о точном месте битвы при Баннокберне. Достоверно известно лишь то, что она состоялась в двух с половиной милях от замка Стерлинг. Главное сражение произошло 24 июня 1314 года. На дату стоит обратить особое внимание, потому что 24 июня – это день св. Иоанна, который имел особое значение для тамплиеров.

Точные подробности того, что происходило в сражении при Баннокберне, неизвестны. Воспоминания участников событий не сохранились, а свидетельства вторых или третьих лиц полны искажений и противоречий. Общеизвестно, что стычки начались днем раньше. Считается установленным, что в классическом поединке один на один Брюс убил английского рыцаря Генриха де Бохума. Большинство историков сходятся во мнении, что шотландская армия состояла преимущественно из пехоты, вооруженной пиками, копьями и топорами. Они также согласны, что мечи в шотландской армии имелись только у всадников и что кавалерия Брюса была слаба – по численности, а также тяжести вооружения и лошадей она не шла ни в какое сравнение с английскими рыцарями. Тем не менее хроникер четырнадцатого века Джон Барбер утверждает, что Брюс «... привел с собой с юга большое количество людей в доспехах». Из той информации, которая дошла до нас о битве, можно сделать вывод, что в один из моментов английские лучники были атакованы кавалерией шотландцев, которая до этого времени держалась в резерве и находилась под личным командованием Брюса. Однако самым удивительным в хрониках выглядит решительное наступление «свежих сил» – именно так восприняли это англичане. Развевающиеся знамена внезапно появились из-за спины шотландцев в тот момент, когда все шотландские подразделения были почти разбиты и судьба сражения висела на волоске.

Бытует мнение, что эти свежие силы состояли из йоменов, подростков, маркитантов и других гражданских лиц, которых англичане ошибочно приняли за регулярные войска. Предположительно члены этого добровольческого отряда избрали из своих рядов командира, сделали знамена из простыней, вооружились самодельным оружием и ринулись в гущу сражения. Эта волнующая романтическая история делает честь шотландскому патриотизму, но выглядит неправдоподобно. Если вмешательство было таким спонтанным, импровизированным и неожиданным, то удивило бы шотландцев не меньше, чем англичан. Однако отсутствие замешательства в их рядах дает основание предположить, что этой атаке ждали. Трудно себе представить, что тяжеловооруженные английские

рыцари – даже если они умудрились перепутать толпу маркитантов с профессиональными воинами – обратились в бегство после атаки пехоты. Все данные говорят о том, что в ход битвы вмешалась находившаяся в резерве кавалерия. Кем могли быть эти неизвестные всадники?

Внезапное появление свежих сил, кем бы они ни были, после целого дня сражения, истощившего силы и английской, и шотландской армии, определило исход битвы. Англичан охватила паника. Король Эдуард вместе с 500 рыцарями внезапно покинул поле боя. Деморализованная английская пехота поспешила последовать его примеру, и отступление быстро превратилось в настоящее бегство. Англичане бросили провиант, личные вещи, деньги, золотую и серебряную посуду, оружие и доспехи. Несмотря на то что в некоторых хрониках говорится о жестокой резне, официальные потери англичан были не очень велики. Сообщалось о гибели лишь одного графа и тридцати восьми баронов и рыцарей. Похоже, бегство англичан было вызвано не яростными атаками шотландцев, которые они успешно отражали, а страхом.

Невозможно поверить, что крестьяне и маркитанты могли вызвать подобный страх. С другой стороны, именно такой должна была быть реакция на отряд тамплиеров, даже не очень большой. Кем бы ни были эти таинственные воины, их сразу же узнали – как тамплиеров с их бородами, белыми мантиями и черно-белым знаменем, которое называлось «Босеан». Если в них действительно узнали тамплиеров и если слух о них распространился по рядам англичан, то в результате вполне могла возникнуть подобная паника.

Но если тамплиеры сыграли решающую роль в битве при Баннокберне, то почему этот факт не нашел отражения в хрониках? Причин этого молчания могло быть несколько. С точки зрения англичан, это был позор, о котором не хотелось даже упоминать, и поэтому английские источники вообще умалчивают о битве. Что касается шотландцев, то они стремились представить победу при Баннокберне как победу своего народа, своей культуры, своей национальной идеи, и предположения о вмешательстве посторонних в какой-то мере преуменьшали этот триумф. Кроме того, у Брюса были особые политические причины скрывать присутствие беглых тамплиеров в своих владениях. Несмотря на отлучение, к 1314 году он стремился заручиться поддержкой церкви и не мог рисковать, еще больше обострив отношения с папой. Еще меньше ему хотелось, чтобы папа объявил полномасштабный крестовый поход против Шотландии. Нечто подобное произошло в Лангедоке ровно сто лет назад, и не прекращавшиеся в течение сорока лет нападения и грабежи еще были живы в памяти людей. Более того, главным союзником Брюса в Европе являлся Филипп IV Французский, тот самый человек, который положил начало преследованию тамплиеров.

После окончания битвы при Баннокберне особой почести был удостоен один из вассалов Брюса, Ангус Ог Макдональд:

«Говорят, что традиционная привилегия Макдональдов сражаться на правом фланге королевской армии – это место считалось почетным – была пожалована Ангусу Огу Брюсом в качестве признания той роли, которую Макдональд и его люди сыграли в победе при Баннокберне».

Часть территории вокруг Килмартина, Лох-О и Loch sween относилась к владениям короля и находилась под управлением королевского бейлифа сэра Нейла Кэмпбелла, который являлся зятем Брюса. Остальная земля принадлежала Макдональдам. Само собой разумеется, что любой тамплиер, поселившийся в этом районе, должен был сражаться под началом Ангуса Ога.

Битва при Баннокберне была одним из нескольких важнейших сражений средневековья и, вероятно,

самым крупным сражением на английской земле. Она положила конец английским притязаниям на Шотландию, которая на протяжении следующих 289 лет оставалась независимым королевством. Когда в начале семнадцатого века две страны объединились под властью одного монарха, это произошло мирным путем, посредством престолонаследия.

Несмотря на победу при Баннокберне, оставшиеся пятнадцать лет правления Брюса нельзя назвать спокойными. В то время у него не было наследников мужского пола, и поэтому особые трудности возникали с назначением преемника. В 1315 году, через десять месяцев после Баннокберна, наследником шотландского престола был официально провозглашен брат Роберта Брюса Эдуард. Через месяц Эдуард Брюс отправился в Ирландию и в мае следующего года был коронован в Дандолке, став правителем этой страны. Таким образом, у него появилась возможность исполнить давнюю мечту всех кельтов и объединить Ирландию и Шотландию. Однако в октябре 1318 года он умер, и место наследника обоих тронов вновь стало вакантным. В декабре того же года было решено, что после смерти Брюса корона перейдет к его внуку, сыну Марджори Брюс и Уолтера Стюарта.

6 апреля 1320 года увидел свет необычный документ – так называемая Арбротская декларация. Он имел форму письма, составленного и подписанного восемью графами и тридцатью одним дворянином, в число которых входили представители семейств Сетонов, Сен-Клеров и Грэмов. В письме кратко излагалась легендарная история шотландского народа, происходившего от предполагаемых корней в Скифии, и его обращения там в христианство св. апостолом Андреем. Брюс характеризовался как освободитель и назывался (с характерными для тамплиеров ссылками на Библию) «вторым Маккавеем или Иисусом». Более важными моментами в нем, однако, являются провозглашение независимости Шотландии и удивительно современное и сложное определение отношений короля со своим народом-.

«Божественное провидение, право наследования по законам и традициям королевства... а также законное согласие и одобрение всего народа сделали его нашим королем и правителем. Мы обязаны и полны решимости следовать за ним во всех делах, признавая его право и его заслуги человека, который восстановил безопасность и свободу. Но если правитель отступит от этих принципов, которые он так благородно провозгласил, и признает, что мы или наше королевство должны подчиниться королю или народу Англии, мы немедленно объявим его нашим врагом и нарушителем его собственных и наших прав и изберем нового короля, который защитит наши свободы».

Другими словами, Брюс не был королем «по праву помазанника Божьего». Он сохранял корону до тех пор, пока исполнял обязанности, возложенные на его сан. В ту эпоху это было необычно прогрессивное определение монархии.

В 1322 году Эдуард II снарядил свой последний – и довольно робкий – поход против Шотландии. Поход окончился безрезультатно, и Брюс отплатил ему набегами на Йоркшир. В 1323 году страны заключили перемирие, которое должно было длиться тридцать лет, но продержалось только четыре года. Тем временем Брюс ввязался в новое противостояние с папской властью, которая в то время сама переживала раскол, так называемое «авиньонское сидение» Эдуард Английский уже давно стремился очистить шотландскую церковь от таких влиятельных и националистически настроенных прелатов, как епископ Сент-Эндрюса Ламбертон, епископ Глазго Уишарт и епископ Данкелда Уильям Сен-Клер (брат сэра Генри Сен-Клера из Рослина, подписавшего Арбротскую декларацию). С этой целью английский король уговаривал сменявших друг друга пап не делать новыми

епископами шотландской церкви уроженцев этой страны. Папа Иоанн XXII, двор которого базировался в Авиньоне, благосклонно отнесся к его просьбе. Однако Брюс, объединившись со своими епископами, отказался подчиниться понтифику, и в 1318 году был повторно отлучен от церкви, на этот раз вместе с Джеймсом Дугласом и графом Морей. Годом позже папа потребовал, чтобы епископы Сент-Эндрюсса, Данкелда, Абердина и Морей приехали к нему для объяснений. Епископы проигнорировали приказ, и в июне 1320 года тоже были отлучены от церкви. Верный своей политике, папа упорно отказывался признавать Брюса королем и говорил о нем только как о «правителе королевства Шотландия». Только в 1324 году папа Иоанн XXII смягчился, и Брюс, наконец, стал признанным церковью монархом. В 1329 году Брюс умер, а трон унаследовал, как и предполагалось, его сын. Перед смертью Брюс выразил желание, чтобы его сердце поместили в шкатулку, переправили в Иерусалим и похоронили в храме Гроба Господня. В 1330 году сэр Джеймс Дуглас, сэр Уильям Синклер, сэр Уильям Кейт и, как минимум, еще двое рыцарей отправились на Святую Землю. Серебряная шкатулка с сердцем Брюса висела на шее у Дугласа. Их маршрут проходил через Испанию, где они познакомились с королем Кастилии и Леона Альфонсо XI и сопровождали его в военном походе против мавров Гранады. 25 марта 1330 года в битве при Тебас-де-Ардальес шотландцы, шедшие в авангарде, попали в окружение сарацин. Как утверждают хроники четырнадцатого века, Дуглас сорвал с шеи шкатулку с сердцем Брюса, швырнул ее в наступавшего врага и воскликнул:

«Вперед, храброе сердце,

Как ты всегда это делал!

А я последую за тобой клиумру!»

Сомнительно, что в самой гуще сражения у Дугласа было время зарифмовать свои мысли. Тем не менее, бросив сердце Брюса во вражеские ряды, Дуглас вместе с товарищами последовал за ним. Все шотландцы погибли, за исключением сэра Уильяма Кейта, который сломал руку еще до сражения и не участвовал в нем. Говорят, что на поле боя он подобрал сердце Брюса, чудесным образом оставшееся невредимым в своей шкатулке, и привез его назад в Шотландию. Оно было похоронено в аббатстве Мелроз под восточным окном алтаря.

В начале девятнадцатого века могила Брюса в аббатстве Данфермлин была вскрыта. По одной из легенд, широко распространенных в эпоху сэра Вальтера Скотта, берцовые кости скелета были скрещены прямо под черепом. Это не соответствовало действительности – на самом деле ничего необычного обнаружено не было. Но легенды не рождаются на пустом месте. Совершенно очевидно, что кто-то был заинтересован связать Брюса с черепом и скрещенными костями, одним из символов масонов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОНАХИ-ВОИНЫ: РЫЦАРИ ХРАМА

Еще до своего роспуска орден рыцарей Храма был окружен экстравагантными мифами и легендами, мрачными слухами, подозрениями и суевериями. За столетия, прошедшие после исчезновения тамплиеров, окружавшая их атмосфера таинственности еще больше сгустилась, а настоящие загадки утонули в болоте подделок и мистификаций. На протяжении восемнадцатого и девятнадцатого веков некоторые масоны усердно старались доказать, что отдельные их ритуалы ведут свое происхождение от тамплиеров. Тогда же начали возникать неотамплиерские организации, которые тоже пытались

вести свою родословную от истинного ордена. В настоящее время существует не менее пяти организаций разного рода, заявляющих о том, что они являются прямыми потомками средневековых воинствующих монахов в белых мантиях. Несмотря на весь современный цинизм и скептицизм, даже для неспециалистов есть что-то завораживающее в этих живших 700 лет назад солдатах и мистиках, с их черно-белым знаменем и характерным красным крестом. Они проникли в наш фольклор и наши традиции; они будоражат наше воображение не только как крестоносцы, а как нечто гораздо более загадочное и необычное – искусные интриганы и закулисные деятели, обладатели огромных богатств, колдуны и волшебники, хранители тайного знания. время сослужило им такую службу, о которой они в своих последних суровых испытаниях не могли даже мечтать.

Но время также скрыло под покровом романтики имена и характеры людей, а также истинную сущность организации, которую они создали. Так, например, остаются вопросы, насколько ортодоксальными или еретическими были убеждения тамплиеров. Остаются вопросы относительно обоснованности тех обвинений, которые им предъявлялись. Остаются вопросы о внутренней деятельности ордена, о его грандиозных тайных замыслах, о проекте создания государства тамплиеров, о политике примирения христианства, иудаизма и ислама. Остаются вопросы о влияниях, которым подвергался орден, о «заражении» ересью катаров и о воздействии более ранних форм христианства, с которыми рыцари столкнулись на Святой Земле. Остаются вопросы, что случилось с богатствами, накопленными этими якобы бедными «воинами Христа» – богатствами, за которыми охотились короли и которые исчезли без следа. Остались вопросы о ритуалах тамплиеров и загадочном «идоле» с непонятным именем «Бафомет», которому они якобы поклонялись. Остались вопросы о тайном знании, которым, по слухам, владели, по крайней мере, высшие эшелоны ордена. Какова была природа этого знания? Было ли оно действительно «окультурным» – в том смысле, в каком были сформулированы обвинения инквизиции, то есть включало в себя запрещенную практику магии, непристойные и богохульные ритуалы? Или это знание было политического и культурного свойства, проникая, например, в источники христианства? Может быть, оно было научным и технологическим, охватывая такие области, как наркотики, яды, лекарства, архитектура, картография, навигация и торговые пути? Чем глубже мы изучаем тамплиеров, тем больше возникает подобных вопросов.

Как мы уже отмечали выше, история тамплиеров почти точно совпадает с историей феодального Кельтского королевства Шотландия, от эпохи Давида I до правления Брюса. На первый взгляд между шотландской монархией и военно-религиозным орденом, созданным на Святой Земле, больше нет ничего общего. Тем не менее между ними существовала определенная связь, обусловленная отчасти геополитикой средневекового мира, а отчасти трудноуловимыми факторами, которые не нашли должного отражения в хрониках. Вполне возможно, что в 1314 году эта связь проявилась в участии тамплиеров в битве при Баннокберне.

Появление тамплиеров

Согласно большинству источников, орден рыцарей Храма – Бедных рыцарей Храма Соломона – был создан в 1118 году, однако у нас есть серьезные основания предполагать, что к этому времени он уже существовал не менее четырех лет. Официальная цель тамплиеров – это защита пилигримов на Святой Земле. Тем не менее, дошедшие до нас факты свидетельствуют, что эта цель была лишь фасадом и что рыцари Храма вынашивали более амбициозные и грандиозные планы, в которые были

вовлечены цистерцианский орден, св. Бернар и граф Гуго Шампанский, один из первых покровителей и патронов как цистерцианцев, так и тамплиеров. В 1124 году граф сам стал тамплиером, а первым Великим Магистром ордена был один из его вассалов, Гуго де Пейен. Среди других отцов-основателей ордена был дядя св. Бернара Андре де Монбар.

Считалось, что до 1128 года – к этому моменту Давид I уже в течение четырех лет был королем Шотландии – орден тамплиеров состоял только из девяти рыцарей, хотя сохранившиеся документы свидетельствуют еще о нескольких членах. Помимо Гуго Шампанского, в их число входил Фульк Нерра – герцог Анжуйский, отец Жоффруа Плантагенета и дед Генриха II Английского. Тем не менее, поначалу число членов ордена было относительно невелико. Затем на Соборе в Труа орден получил монашеский устав – если можно так выразиться, эквивалент конституции – и стал официальным. Тамплиеры представляли собой абсолютно новое явление: «Впервые в христианской истории воины будут жить как монахи».

С 1128 года орден стал стремительно расширяться, причем не только за счет массового прилива новых членов, но и за счет крупных пожертвований, как денежных, так и в виде собственности. Через год тамплиеры владели землями во Франции, Англии, Шотландии, Испании и Португалии. В течение десяти лет их владения распространились на Италию, Австрию, Германию, Венгрию и Константинополь. В 1131 году король Арагона завещал им треть своих земель. К середине двенадцатого столетия орден Храма превратился в самую богатую и влиятельную организацию в христианском мире, за исключением папства.

В течение нескольких лет после Собора в Труа Гуго де Пейен и другие основатели ордена активно разъезжали по всей Европе, пропагандируя как сам орден, так и достоинства совместных владений в Палестине. Известно, что Гуго с братьями посетили и Англию, и Шотландию. «Англо-саксонские хроники» свидетельствуют, что Гуго встречался с Генрихом I, и что:

«...король принял его с большим почетом и преподнес богатые дары золота и серебра. Затем король послал его в Англию; и там он был принят всеми добрыми людьми, и они одаривали его; и в Шотландии было то же – И он звал людей в Иерусалим; и люди пошли с ним и за ним, числом гораздо большим, чем прежде».

Во время этого первого визита Филип де Харткорт подарил ордену прецепторию Шипли в Эссексе. Считается, что прецептория в Дувре (остатки ее церкви сохранились до наших дней) основана примерно в то же время.

Будучи Великим Магистром, Гуго де Пейен назначал магистров каждой из «провинций» ордена – так назывались анклав и владения тамплиеров в каждой стране. Первым Магистром Англии стал Гуго Д'Аржантен, о котором практически ничего не известно. Его сменил сначала молодой норманнский рыцарь Осто де Сент-Омер, возглавлявший провинцию в 1153–1154 годах, а затем Ричард де Гастингс. Во времена этих двух магистров тамплиеры осуществили одно из самых новаторских и смелых своих предприятий, перевод части Ветхого Завета на родной язык. Этот вариант Книги Судей принял форму рыцарского романа об Иисусе Навине и его храбрых рыцарях.

Отношения между тамплиерами и монархами тех земель, где орден имел свои владения, были непростыми. Во Франции, например, эти отношения даже в лучшие времена оставались натянутыми. В Испании же они сохранялись неизменно хорошими. В Англии орден тоже пользовался благосклонностью монархов. Как мы уже видели, Генрих I принял первых рыцарей Храма с

распростертыми объятиями, а Стефан, захвативший власть в 1135 году, был сыном графа Блуа, одного из руководителей первого крестового похода, и поэтому с особым одобрением относился к деяниям тамплиеров на Святой Земле. При его покровительстве Англию покрыла целая сеть прецепторий. Граф Дерби передал в дар ордену Бишам, граф Уорик выделил земли для прецепторий в самом Уорике, Роджер де Буиль предложил участок земли в Уиллоутоне, Линкольншир. Жена самого Стефана Матильда подарила тамплиерам участки в Эссексе и Оксфорде, которые превратились в две самые влиятельные прецепторий того периода, Темпл-Крессинг и Темпл-Коули. В эпоху правления Стефана тамплиеры также построили свой главный объект в Англии. «Старый Темпл» был расположен в Холборне и состоял из зданий прецепторий, церкви, огорода, фруктового сада и кладбища; все это было обнесено защитным рвом и, как полагают некоторые историки, стеной. Располагался он примерно в том месте, где сейчас находится станция метро в верхнем Холборне. Однако эта прецептория недолго оставалась главной резиденцией ордена Храма в Лондоне. К 1161 году рыцари уже обосновались в «новом Темпле»; сохранилось не только название этого места, но и оригинальная круглая церковь, а также несколько могил. Воротами на территорию ордена был «Barram Novi Templi», или Темпл-Бар, на пересечении Флит-стрит и Стрэнд. В период своего расцвета «новый Темпл» тянулся от Олдвича вдоль Стрэнд и до половины Флит-стрит, а затем к Темзе, где тамплиеры имели собственную пристань. Раз в год здесь проводилось собрание капитула, на котором присутствовал Великий Магистр Англии и другие высшие лица ордена в Британии, включая приоров Шотландии и Ирландии.

Генрих II продолжил традицию тесного сотрудничества английской монархии с тамплиерами, которые особенно активно пытались помирить его с Томасом Бекетом. Однако наиболее прочными эти связи стали во времена правления сына Генриха II, Ричарда Львиное Сердце. И действительно, он находился в таких близких отношениях с орденом, что его часто считают кем-то вроде почетного тамплиера. Он регулярно общался с рыцарями Храма, путешествовал на их кораблях, останавливался в их прецепториях. Когда, поссорившись с другими монархами, Ричард был вынужден бежать на Святую Землю, он сделал это в облике тамплиера и в сопровождении настоящих рыцарей ордена. Он принимал активное участие в тайных сношениях тамплиеров с их исламскими собратьями по религиозному фанатизму, хашишинами, или «ассасинами». Король также продал храмовникам Кипр, который на некоторое время стал их официальной резиденцией.

Однако орден к тому времени стал достаточно влиятельным и сильным, чтобы добиться уважения и дружбы короля Джона, брата Ричарда и его злейшего врага. Подобно Ричарду, Джон регулярно останавливался в лондонской прецептории, сделав ее временной резиденцией в течение последних четырех лет своего правления (1212-1216). Магистр Англии Аймерик де Сен-Мар был ближайшим советником Джона, и именно он уговорил короля в 1215 году подписать Великую хартию вольностей. Когда Джон поставил свою подпись под документом, Аймерик находился рядом. Он тоже подписал хартию и, следовательно, был назван одним из исполнителей воли Джона.

Официально основной сферой деятельности ордена Храма считалось Иерусалимское королевство. Европа должна была стать тыловой базой, источником людских и материальных ресурсов, а также каналом их транспортировки на Святую Землю. Поэтому тамплиеры никогда не забывали о «заморских территориях» – именно так они называли Ближний Восток. Их деятельность охватывала территорию от Египта до Константинополя. Ни одно решение руководителей крестоносцев и ни одно

событие на этих землях не обходились без участия ордена. В то же время тамплиеры – свидетельство тому их роль в подписании Великой хартии вольностей – принимали активное участие во внутренних делах большинства европейских монархий. В Англии они пользовались особыми привилегиями и правами. Так, например, магистр ордена занимал место в парламенте рядом с первыми дворянами королевства. Кроме того, орден Храма был освобожден от налогов, и металлические кресты тамплиеров, украшавшие их дома и владения в крупнейших английских городах, служили предупреждением сборщикам налогов. Образцы таких крестов с улицы тамплиеров в Лидсе можно увидеть в музее ордена св. Иоанна в Клеркенуэле. Внутри таких анклавов рыцари жили по своим собственным законам. Они обладали правом предоставлять убежище, как и всякая другая церковь. У них были собственные суды для рассмотрения местных преступлений. Они проводили свои ярмарки и базары. Они были освобождены от транзитных пошлин на дорогах, мостах и реках страны.

Владения тамплиеров в Англии были обширными и располагались на всей территории страны. Некоторые из них – правда, далеко не все – сохранили в своем названии Приставку «темпл», например, район Лондона Темпл Форчун, расположенный к северу от Голдерс-Грин. Считается, что там, где на Британских островах в географических названиях встречается префикс «темпл», когда-то находились владения тамплиеров. В настоящее время невозможно составить точный список владений ордена, но даже самые осторожные оценки дают нам минимум семьдесят четыре крупных объекта собственности, включая тридцать полноценных прецепторий, а также сотни более мелких – деревень, поселков, церквей и ферм. Иногда коммерческая деятельность ордена приводила к необходимости строить собственные города. Так, например, город Балдок, расположенный в Хартфордшире, неподалеку от Летчуэрта, был основан тамплиерами примерно в 1148 году. Его название происходит от Багдада.

Немалая часть современного Бристоль тоже когда-то принадлежала тамплиерам. И действительно, Бристоль был одним из основных портов ордена, откуда совершались регулярные рейсы в главную атлантическую базу тамплиеров, французскую крепость Ла-Рошель. В тайных архивах Генриха III упоминаются два судна храмовников: «La Templere» и «Le Buscard». Одна из самых доходных привилегий ордена – это право экспортировать произведенную в его владениях шерсть. Наряду с перевозкой пилигримов, экспорт шерсти приносил огромный доход, сравнимый с доходами от земель ордена. В 1308 году доходы от владений тамплиеров только в Йоркшире составили 1130 фунтов стерлингов. (В те времена средней величины замок можно было построить за 500 фунтов. Рыцаря с оруженосцем можно было нанять за 55 фунтов в год, а арбалетчика за 7 фунтов. Содержание лошади обходилось в 9 фунтов – дороже арбалетчика.)

В Ирландии владения тамплиеров были столь же многочисленны, хотя документальных свидетельств о них осталось меньше. В стране насчитывалось как минимум шесть прецепторий – одна в Дублине и не меньше трех на восточном побережье в графствах Уотерфорд и Уэксфорд. В Ирландии, как и в Англии, тамплиерам принадлежало большое количество поместий, ферм, церквей и замков. Прецептория Килсарен в графстве Лаут, к примеру, владела двенадцатью церквями и собирала десятину еще с восьми. На западном побережье располагалось по меньшей мере одно поместье – Темпл-Хаус в Слиго. Как мы убедимся позднее, вопрос о других объектах тамплиеров на западе Ирландии имеет ключевое значение.

Документы о владениях ордена в Шотландии крайне отрывочны и ненадежны. Отчасти это объясняется бурными событиями в королевстве в конце тринадцатого века, а отчасти намеренным сокрытием этих сведений. В стране действовали по меньшей мере две большие прецептории. Одна из них, Marculter, находилась неподалеку от Абердина. Другая, Balantrodoch – в переводе с гэльского «земля воинов» – была больше по размерам и представляла собой главную базу тамплиеров в Шотландии. Она расположена в окрестностях Эдинбурга и теперь называется Темпль. Однако информация о владениях тамплиеров в Шотландии основывается на показаниях только одного рыцаря, Уильяма де Мидлтона, которого допрашивала инквизиция. Он упомянул о Marculter и Balantrodoch, как о двух местах, где он лично проходил службу. Это не исключает существования и других прецепторий, где он не служил. Кроме того, у него были все основания «экономно расходовать правду». На самом деле в средневековых хрониках остались упоминания о владениях тамплиеров в Бервике (в те времена это была часть Шотландии) и в Листоне, неподалеку от Фолкерка. Свидетельства присутствия тамплиеров можно обнаружить совсем рядом с Аргайллом, а также еще как минимум в десяти районах Шотландии. Правда, теперь не представляется возможным выяснить, насколько велики были эти владения и что они собой представляли – прецептории, поместья или просто фермы.

Финансовое влияние тамплиеров

Благодаря своим обширным владениям, многочисленности, Дипломатическому и военному искусству орден Храма пригнул огромное политическое и военное влияние. Однако финансовая мощь тамплиеров была столь же велика, и их деятельность существенно повлияла на основы экономики той эпохи. Обычно историки связывают развитие экономических институтов Западной Европы с еврейскими ростовщиками, а также с крупными итальянскими торговыми домами и союзами. На самом деле доля евреев в ростовщичестве была неизмеримо меньше, чем доля тамплиеров, а орден Храма не только явился предшественником итальянских торговых домов, но выработал механизмы и процедуры, которые затем взяли на вооружение итальянские купцы. В сущности, основы современного банковского дела были заложены именно тамплиерами. В период своего расцвета орден распоряжался большей частью свободного капитала – если не всем капиталом – Западной Европы. Храмовники впервые ввели понятие источников кредитования, а также выделения кредита для развития и расширения коммерции. Фактически они выполняли все функции торгового банка двадцатого века.

Теоретически церковное право запрещало христианам заниматься ростовщичеством, то есть одалживать деньги под проценты. Вполне логично предположить, что этот запрет должен был применяться еще более строго к таким сугубо религиозным организациям, как орден Храма. Тем не менее тамплиеры ссужали деньги и взимали проценты в очень широких масштабах. В одном из документально подтвержденных случаев согласованный процент при просрочке долга составлял 60 процентов в год – на 17 процентов больше, чем разрешалось взимать ростовщикам-евреям. Строгие правила церковного права обходились при помощи уклончивых выражений, эвфемизмов и иносказания. Мы можем только догадываться, какие термины использовали сами тамплиеры, чтобы напрямую не говорить о «проценте» – документов той эпохи сохранилось очень мало. Однако получатели ссуд в своих бумагах, сопровождающих возвращение долга, не были связаны подобными ограничениями. Так, например, Эдуард I – один из множества возможных примеров – при возврате

ссуды ордену Храма говорит не только об основной сумме, но и о «проценте», что очень показательно.

Фактически английская монархия постоянно была в долгу у тамплиеров. Король Джон все время занимал деньги у ордена. Точно так же поступал Генрих III. Где-то в 1260–1266 годах он даже заложил тамплиерам алмазы английской короны, поскольку военные походы почти полностью опустошили его казну. Королева Элеонора лично привезла их в лондонскую прецепторию ордена. За много лет до того как трон перешел к Генриху, тамплиеры ссужали деньги будущему королю Эдуарду I. В первый год своего правления Эдуард оплатил 2000 расписок на общую сумму 28 189 фунтов.

Одной из самых важных сторон в финансовой деятельности ордена была организация платежей в удаленных местах без перевозки наличных денежных средств. В эпоху, когда путешествия являлись сомнительным предприятием, когда дороги никем не охранялись и путник постоянно подвергался опасности грабежа, вполне естественно, что люди крайне неохотно перевозили с собой ценности. Легенды о Робин Гуде красноречиво свидетельствуют об угрозе, которая неизменно нависала над богатыми купцами, торговцами и даже знатью. Чтобы противостоять этой угрозе, тамплиеры изобрели аккредитив. Человек мог внести определенную сумму, скажем, в лондонском Темпле и получить взамен своего рода расписку. Затем он спокойно ехал в другие районы Британии, в Европу или даже на Святую Землю. В пункте назначения достаточно было предъявить расписку, чтобы получить наличные деньги в любой валюте. Воровство и подделка таких аккредитивов пресекались сложной системой кодов, известной только тамплиерам.

Помимо предоставления ссуд и выдачи аккредитивов, орден, благодаря своей сети прецепторий, предлагал услугу По хранению ценностей. Во Франции парижский Храм выполнял роль королевского казначейства. В нем хранились богатства государства, а не только богатства тамплиеров; казначей ордена был также и королевским казначеем. Таким образом, все финансы французской короны находились под управлением ордена и зависели от него. В Англии влияние тамплиеров было не столь велико. Тем не менее, как уже отмечалось выше, во время правления короля Джона алмазы английской короны находились в лондонском Темпле, который при Генрихе II, Джоне, Генрихе III и Эдуарде I был одним из четырех главных королевских казначейств. В Англии тамплиеры также выступали в роли сборщиков налогов. Они не только собирали папские налоги, десятину и пожертвования, но были наделены большими полномочиями и внушали большой страх, чем современное Управление налоговых сборов. В 1294 году тамплиеры организовали обмен старых денег на новые. Они часто выполняли доверительные функции по управлению финансами и собственностью, а также выступали в качестве маклеров и уполномоченных по взысканию задолженности. Они брали на себя роль посредников в спорах, связанных с денежными штрафами, приданым, пенсиями и множеством других финансовых операций.

В пору наивысшего расцвета ордена Храма тамплиеров обвиняли в гордости, высокомерии, безжалостности, в невоздержанности и распущенности. Сравнение «пить как тамплиер» было весьма распространено в средневековой Англии. Несмотря на обет целомудрия, рыцари, похоже, распутничали с не меньшим энтузиазмом, чем пили. Однако несмотря на подобную невоздержанность, их репутация точных, честных и неподкупных в финансовых делах оставалась незабываемой. Можно было их не любить, но им можно было доверять. Тамплиеры с особой

строгостью относились к членам ордена, совершавшим нечестные поступки. В одном из таких случаях настоятель храма в Ирландии был уличен в растрате. Его посадили в комнату для покаяний в лондонском Темпле – это помещение, в котором нельзя даже лечь, можно увидеть и сегодня – и уморили голодом. Говорят, он умирал восемь недель.

Подобно современным швейцарским банкам, орден поддерживал несколько долгосрочных трастовых фондов для управления имуществом умерших или разорившихся людей. Поэтому неудивительно, что монархи и другие могущественные лица время от времени пытались прибрать к рукам эти громадные ресурсы. Так, например, Генрих II однажды потребовал от тамплиеров деньги, отданные им на хранение одним впавшим в немилость лордом. Ему ответили, что «доверенные им деньги они никому не отдадут без разрешения того человека, который поместил их на хранение в Храм».

«Самым большим достижением «бедных рыцарей...» была экономика. Ни один средневековый институт в такой степени не способствовал развитию капитализма». Однако богатство, которым тамплиеры так эффективно управляли, стало предметом неудержимой зависти монарха, жадность которого была сравнима с его беспардонностью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АРЕСТЫ И ПЫТКИ

К 1306 году орден Храма стал предметом особого внимания короля Франции Филиппа IV, известного под именем Филиппа Красивого. Филипп отличался непомерным честолюбием. Он строил грандиозные планы для своей страны и без всякой жалости уничтожал всех и все, что стояло у него на пути. Он уже организовал похищение и убийство папы Бонифация VIII; кроме того, ходили упорные слухи, что без его участия не обошлась и смерть – возможно, от яда – следующего папы, Бенедикта XI. В 1305 году Филипп посадил на папский престол свою марионетку, бывшего архиепископа Бордо Бертрана де Гота, который стал папой Климентом V. В 1309 году Филипп «похитил» сам папский престол, переведя его из Рима на французскую землю, в Авиньон, где папство превратилось в простой придаток французской короны. Результатом этого так называемого «авиньонского сидения» явились шестьдесят восемь лет – вплоть до 1377 года – раскола католической церкви и соперничающих пап. Получив контроль над папой, Филипп обеспечил себе свободу действий против тамплиеров.

Причин такого шага было несколько, и среди них немалую роль играла его личная неприязнь к храмовникам. Филипп просил присвоить ему звание почетного члена ордена – подобное звание было пожаловано Ричарду I, – но получил унижительный отказ. В июне 1306 года взбунтовавшаяся толпа вынудила его искать убежище в парижском Храме, где он воочию убедился в ошеломляющем богатстве и силе ордена. Филипп отчаянно нуждался в деньгах, и при мысли о сокровищах храмовников у него буквально «текли слюнки». Отношение короля к рыцарям Храма представляло собой опасную смесь зависти с обидой и жаждой мщения. И наконец, тамплиеры представляли – возможно, лишь в глазах короля – реальную угрозу стабильности его королевства. В 1291 году под ударами сарацин пала Акра, последний бастион крестоносцев на Святой Земле, и Иерусалимское королевство перестало существовать. Это лишило тамплиеров – лучше всех обученную, вооруженную и самую профессиональную военную организацию в западном мире – не только смысла существования, но и дома, что представляло собой еще большую угрозу для Филиппа.

Тамплиеры уже основали временную базу на Кипре, но планы их были более амбициозными. Неудивительно, что они мечтали о собственном независимом государстве – подобно Ordenstadt, которое было создано их дочерним орденом, тевтонскими рыцарями, на территории Пруссии и Прибалтики. Однако Ordenstadt располагалось на дальней границе христианской Европы, вне досягаемости от папы и любого мирского правителя. Более того, государство Тевтонского ордена было признано и получило официальный статус в качестве некой разновидности крестового похода против варварских племен северо-восточной Европы, против язычников пруссов, балтов и литовцев, против городов-государств на северо-западе православной (а значит, еретической) Руси, Пскова и Новгорода. Тамплиеры, и так уже пользовавшиеся значительным влиянием во Франции, нагребались создать свое государство в самом центре христианской Европы – в Лангедоке, который только в предыдущем столетии был окончательно аннексирован французской короной. У Филиппа перспектива создания государства тамплиеров у его южных границ – на эту территорию он претендовал сам – могла вызвать лишь негодование и тревогу.

Филипп тщательно продумал весь план. Частично благодаря шпионам, которых он внедрил в ряды тамплиеров, частично благодаря разоблачениям одного рыцаря-рenegата, он составил целый список обвинений. Вооружившись этими обвинениями, Филипп получил свободу действий; нанесенный им удар был внезапным, быстрым и сокрушительным. В процессе операции, достойной современной полицейской облавы, он разослал своим сенешалям и бейлифам по всей стране запечатанные приказы. На рассвете в пятницу, 13 октября 1307 года, все французские тамплиеры будут арестованы и заключены в тюрьму, на прецептории наложен королевский секвестр, а их имущество конфисковано. И хотя эффект внезапности, рассчитанный королем, превосходно удался, самый лакомый приз – легендарное богатство храмовников – от него ускользнул. Оно никогда не было найдено, и судьба знаменитого «сокровища тамплиеров» так и осталась тайной.

Но было ли наступление Филиппа Красивого действительно неожиданным, как полагал он и жившие после него историки? Есть серьезные основания полагать, что тамплиеры все же были заранее предупреждены. Известно, например, что незадолго до своего ареста Великий Магистр Жак де Моле собрал все книги и документы, касающиеся его ордена, и сжег их. Один из рыцарей, который покинул орден примерно в это же время, вспоминал, что парижский казначей назвал его поступок «очень благоразумным» и сказал, что кризис неминуем. Наконец, в этот же самый момент все командорства Франции обошел приказ, запрещающий давать какую-либо информацию об обычаях и ритуалах рыцарей.

Короче говоря, были ли тамплиеры предупреждены о надвигающихся событиях или же они сами обо всем догадывались, но они предприняли ряд вполне определенных мер предосторожности. Во-первых, многие рыцари скрылись, а те, кто дал себя арестовать, не оказали ни малейшего сопротивления, как будто они получили инструкции на этот счет. По крайней мере, не осталось никаких документальных свидетельств о том, что французские тамплиеры оказывали сопротивление королевским сенешалям. Во-вторых, есть основания предполагать организованное исчезновение целой группы рыцарей Храма, практически всех, принадлежавших к ближайшему окружению орденского казначея.

Учитывая такую подготовку, не стоит удивляться, что казна тамплиеров исчезла – вместе с большинством документов и архивов. Один из рыцарей на допросе, устроенном инквизицией,

показал, что казна была тайно вывезена из парижской прецептории незадолго до арестов. Тот же свидетель утверждал, что прецептор Франции покинул столицу вместе с пятьюдесятью лошадьми и отплыл – неизвестно, из какого порта – из страны на восемнадцати галерах, которые тоже исчезли без следа. Неизвестно, насколько достоверны эти слухи, но флот тамплиеров, похоже, ускользнул от короля. Корабли исчезли вместе со своим таинственным грузом, который тоже войдет в легенду.

Тем временем во Франции тамплиеров подвергают допросам, а во многих случаях и жестоким пыткам. Обвинения постоянно множилось, и от многих тамплиеров добились странных признаний. По стране начали циркулировать самые необыкновенные слухи. Говорили, что тамплиеры поклонялись богу по имени Бафомет. Во время тайных церемоний они падали ниц перед бородатой человеческой головой, которая с ними говорила и облакала их магической властью – так заявляли анонимные свидетели этих церемоний, которых никто и никогда больше не увидит. Над тамплиерами тяготели и другие, более туманные, обвинения: детоубийство, аборт, непристойные действия во время церемонии посвящения, гомосексуализм. Одно из выдвинутых против них обвинений выглядит особенно странно и Даже невероятно. Солдаты Христа, которые сражались с неверными и сотнями отдавали жизнь за веру, обвинялись в том, что они во время своих ритуалов отрицали Христа и отрекались от него, попирали ногами и плевали на крест.

Здесь нет места обсуждать справедливость этих обвинений. Вопросу суда над орденом, а также его виновности или невинности были посвящены целые тома. В данном случае достаточно лишь сказать, что тамплиеры, вне всякого сомнения, были «заражены» религиозной неортодоксальностью, если не откровенной ересью. Большинство других обвинений, выдвинутых против них, были явно выдуманы, сфабрикованы или являлись беззастенчивым преувеличением. Судя по протоколам инквизиции, из всех допрошенных и подвергнутых пыткам рыцарей в гомосексуализме признались только двое. Если среди членов ордена и встречались гомосексуалисты, то вряд ли их было больше, чем в других изолированных мужских сообществах, военных или монашеских.

Суды начались через шесть дней после первых арестов. Сначала обвинения выдвигались королевскими чиновниками. Однако Филипп, имея карманного папу, быстро заставил своего ставленника поддержать его всем весом авторитета папской власти. Судебные преследования, начатые французской короной, быстро распространились далеко за пределы Франции и были подхвачены инквизицией. Процессы не прекращались семь лет. То, что сегодня кажется незначительным и довольно туманным фрагментом средневековой истории, стало главным событием той эпохи, затмив собою события в далекой Шотландии, вызвав отклик во всем христианском мире и оставив след во всей западной культуре. Не следует забывать, что орден Храма был самым сильным, влиятельным, престижным и непоколебимым институтом своего времени – за исключением папства. К моменту акции Филиппа история ордена насчитывала уже почти двести лет, и он считался одним из столпов христианства на Западе. Для большинства современников он казался таким же непреложным, надежным и неизменным, как сама церковь. Поэтому быстрое разрушение этой системы потрясло сами основы, на которых зиждились взгляды и верования эпохи. Так, например, Данте в своей «Божественной комедии» говорит о своем потрясении, а также выражает сочувствие подвергавшимся гонениям «белым мантиям». Говорят, что суеверие, объявляющее пятницу 13 числа несчастливым днем, обязано своим существованием первым арестом короля Филиппа в пятницу, 13 октября 1307 года.

Орден Храма был официально распущен папским декретом 22 марта 1312 года, причем не было вынесено никакого окончательного вердикта о его вине или невинности. Тем не менее, во Франции на тамплиеров охотились на протяжении еще двух лет. В конце концов в марте 1314 года Великий Магистр ордена Жак де Моле и прецептор Нормандии Жоффруа де Шарнэ были сожжены на медленном огне на острове Сите на реке Сене. На этом месте сейчас можно видеть памятную табличку.

Инквизиция

Рвение, с которым Филипп преследовал тамплиеров, выглядит более чем подозрительно. Можно понять его стремление изгнать орден из своих владений, но желание уничтожить тамплиеров во всем христианском мире – это уже похоже на навязчивую идею. Может быть, он боялся мести ордена? Сомнительно, что королем двигали соображения морали. Маловероятно, что монарх, организовавший убийство одного из пап – а, возможно, и второго, – был озабочен чистотой веры. Что касается его преданности церкви, то он подчинил себе церковь. Филиппу не нужно было проявлять к ней лояльность. Он имел возможность сам определять границы этой лояльности. Как бы то ни было, Филипп уговаривал других монархов Европы присоединиться к нему в этом крестовом походе против тамплиеров. Однако его усилия имели ограниченный успех. В Лотарингии, которая тогда принадлежала Германии, тамплиеры находились под защитой герцога-губернатора. Некоторых членов ордена судили и объявили невинными, но большинство из них, по совету своего прецептора, сбрасывают себе бороды, надевают мирское платье и смешиваются с местным населением, которое – что очень важно – не выдало их.

В Германии тамплиеры открыто бросают вызов своим предполагаемым судьям, являясь в суд в полном вооружении и выражая решимость защищать себя. Напуганные судьи объявляют их невинными. Когда орден был официально ликвидирован, многие немецкие тамплиеры нашли убежище среди госпитальеров св. Иоанна и тевтонских рыцарей. В Испании рыцари Христа тоже оказали сопротивление своим преследователям и растворились среди членов других орденов, особенно ордена Калатрава. Был создан новый монашеский орден, Монтеса, преимущественно в качестве убежища для беглых храмовников.

В Португалии тамплиеров оправдывают, и они просто меняют имя, становясь рыцарями Христа. Под этим именем орден сохранился вплоть до шестнадцатого века, и их морские экспедиции оставили глубокий след в истории. (Рыцарем Христа был Васко да Гама, а Генрих Мореплаватель, корабли которого плавали под парусом с большим «лапчатым» красным крестом, был Великим Магистром ордена. Под таким же крестом три каравеллы Христофора Колумба пересекли Атлантику и открыли Новый Свет. Жена самого Колумба была дочерью бывшего Великого Магистра ордена, и великий мореплаватель имел доступ к документам и картам своего тестя.)

Не найдя должной поддержки своим усилиям на континенте, Филипп имел все основания рассчитывать на более тесное сотрудничество Англии – Эдуард II был его зятем. Однако поначалу Эдуард проявил несговорчивость. И действительно, в своих письмах он ясно дает понять, что считает выдвинутые против тамплиеров обвинения неправдоподобными, а также сомневается в честности их преследователей.

Так, например, 4 декабря 1307 года, меньше чем через месяц после первых арестов рыцарей Храма, он пишет королям Португалии, Кастилии, Арагона и Сицилии:

«Он [посланник, Филиппа] осмелился огласить перед нами...ужасные и отвратительные злодеяния, несовместимые с католической верой, приписываемые вышеупомянутым братьям, и пытался убедить нас в том, что мы должны арестовать всех этих братьев...»

В заключение он обращался к своим адресатам:

«...не обращайтесь внимания на клевету злобных людей, коими руководит, как мы считаем, не стремление к правде, а дух алчности и зависти...»

Однако десять дней спустя Эдуард получил от папы официальную буллу, санкционирующую и оправдывающую аресты. Документ обязывал короля к действию, но Эдуард выполнял папский указ с явной неохотой и показательным отсутствием рвения. 20 декабря он отправил приказ всем шерифам Англии, чтобы через три недели они взяли «десять или двенадцать проверенных людей» и арестовали всех тамплиеров на их территории. Следовало произвести допрос в присутствии как минимум одного надежного свидетеля и составить опись всего имущества, найденного во владениях тамплиеров. Самых рыцарей Храма нужно было взять под стражу, «но не помещать в суровую и ужасную тюрьму».

Английских тамплиеров держали в Тауэре Лондона, а также в замках Йорка, Линкольна и Кентербери. Кампания против храмовников разворачивалась неторопливо. Так, например, магистр Англии Уильям де ла Мор был арестован 9 января 1308 года и содержался в Кентерберийском замке вместе с двумя другими братьями; им позволили взять с собой достаточно много имущества, что обеспечивало сносный комфорт – если не роскошь. 27 мая он был отпущен, а два месяца спустя в его распоряжение передали доходы от шести владений ордена. Только в ноябре месяце на волне новых репрессий он был вновь арестован и теперь уже содержался в более суровых условиях. Но до этого времени у английских тамплиеров была масса возможностей скрыться от преследователей – раствориться среди мирян, найти убежище в других орденах или уехать из страны.

В сентябре 1309 года в Англию прибыли представители папской инквизиции, и арестованные тамплиеры были доставлены для допросов в Лондон, Йорк и Линкольн. В течение следующего месяца Эдуард – как будто он придумывал себе оправдание задним числом – написал своим представителям в Ирландии и Шотландии, приказывая, чтобы все еще не арестованные тамплиеры были взяты под стражу и помещены в замки Дублина и Эдинбурга. Из этих писем становится совершенно очевидным, что большое количество тамплиеров все еще находилось на свободе и что король знал об этом.

Между 20 октября и 18 ноября 1309 года в Лондоне были допрошены сорок семь тамплиеров, и им предъявили список из восьмидесяти семи обвинений. От обвиняемых не удалось добиться никаких признаний, за исключением того, что некоторые члены ордена заявляли о своем праве отпускать грехи, как это делают священники. Разочарованные инквизиторы решили прибегнуть к пыткам. Однако у странствующих эмиссаров папы не имелось ни собственных приспособлений, ни людей для применения пыток, и они были вынуждены официально обратиться к мирским властям. Это обращение поступило во вторую неделю декабря. Эдуард дал им разрешение только на «ограниченные пытки», однако и они не позволили получить никаких признаний.

14 декабря 1309 года – к этому времени прошло уже более двух лет после первых арестов во Франции и больше года после требования папы принять против английских тамплиеров более строгие меры – Эдуард вновь обратился с письмом к своим шерифам. До него дошли слухи, писал

король, что тамплиеры все еще «бродят среди мирян, распространяя ересь». И вновь ни сам король, ни его чиновники не проявили должной решительности. 12 марта 1310 года Эдуард писал шерифу Йорка: «Как понимает король, он [шериф] позволяет тамплиерам... вопреки приказу короля разгуливать на свободе, тогда как их следует держать внутри замка». Тем не менее, 4 января 1311 года Эдуард вновь пишет шерифу Йорка, обращая внимание, что несмотря на все его предыдущие распоряжения храмовники по-прежнему пользуются свободой передвижения. Пока шла это беспорядочная суэта вокруг арестованных рыцарей Храма, абсолютно ничего не предпринималось против тех тамплиеров, которым удалось избежать ареста. Рвение инквизиции привело к обнаружению и задержанию только девяти таких беглецов. Папа жаловался архиепископу Кентерберийскому и другим прелатам церкви, что большое количество тамплиеров полностью растворилось среди мирского населения, вступив в брак. Это не могло быть сделано без определенной помощи английских властей.

К этому времени к задержанным членам ордена уже были применены пытки. Однако в июле 1310 года инквизиторы составили документ, свидетельствующий об отсутствии каких бы то ни было успехов. Они выражали протест, утверждая, что им мешают правильно и эффективно применять пытки. Пытки, жаловались они, не характерны для английского правосудия, и даже получив неохотное согласие короля, они не находили понимания и помощи со стороны тюремщиков. Инквизиторы выдвигали несколько предложений, чтобы суды стали более эффективными. Среди прочих рекомендаций была и такая: арестованных тамплиеров следует переправить во Францию, где их подвергнут «правильным» пыткам люди, обладающие пониманием и опытом проведения подобных процедур.

6 августа 1310 года папа направил английскому королю 0 негодующее письмо, обрушиваясь на него за отказ разрешить настоящие пытки. В конечном итоге Эдуард капитулировал, и содержащиеся в лондонском Тауэре тамплиеры были переданы в руки инквизиции для – как это иносказательно называлось – «применения церковного права». Однако к успеху это не привело, поскольку в октябре месяце король был вынужден дважды повторять свой декрет.

Наконец, в июне 1311 года инквизиция нашла в Англии то, что так давно искала. Однако этим прорывом она обязана не пыткам уже содержащихся в тюрьме тамплиеров, а показаниям одного из беглых рыцарей Храма, лишь недавно задержанного в Сэлисбури, некоего Стефана де Штапельбрюгге. Стефан стал первым тамплиером в Англии, признавшим еретические обычаи ордена. Он сообщил, что во время церемонии посвящения ему показали распятие и приказали отрицать, что «Иисус был одновременно богом и человеком и что Мария была его матерью». Затем его якобы заставили плюнуть на крест. Стефан также признался во многих других обвинениях, которые предъявляли тамплиерам. «Ошибки» ордена, заявил он, происходят из области Agen во Франции.

Это последнее утверждение заставляет сомневаться в правдивости показаний Стефана. В двенадцатом и тринадцатом веках Agen был одним из очагов распространения ереси альбигойцев, или катаров, причем катары обитали в этом районе вплоть до 1250 года. Существуют убедительные свидетельства того, что тамплиеры были «заражены» – говоря церковным языком – идеями катаров и даже предоставили убежище тем из них, кому удалось ускользнуть от инквизиции. И действительно, один из самых известных и влиятельных Великих Магистров ордена, Бертран де Бланфор,

происходил из старинной катарской семьи. Более того, сам Agen входил в провинцию тамплиеров Прованс. Между 1248 и 1250 годами магистром Прованса был некто Ронселин де Фо. Затем, с 1251 по 1253 год, он исполнял должность магистра Англии. В 1260 году Ронселин вновь стал магистром Прованса и оставался на этом посту вплоть до 1278 года. Вполне возможно, что именно он перенес семена ереси катаров из своей родной Франции на английскую почву. Это предположение подкрепляется признанием, которое сделал на допросах инквизиции прецептор Аквитании и Пуату Жоффруа де Гонвиля. По его словам, неизвестные лица утверждали, что все грешные и порочные обычаи и нововведения были введены в ордене неким братом Ронселином, бывшим магистром ордена. Вполне вероятно, что речь идет о Ронселине де Фо.

За откровениями Стефана последовали – подозрительно быстро – признания двух других рыцарей. По их словам, бывший магистр Англии Бриан де Джей утверждал, что «Христос был не богом, а простым человеком». Признания одного из рыцарей, Джона де Стока, имели особое значение, поскольку он являлся казначеем храма в Лондоне. Эта была высшая невоенная должность ордена в Англии, а сам лондонский Храм одновременно служил королевской сокровищницей. Поэтому Джон де Сток был лично знаком как с Эдуардом I, так и с Эдуардом II. Кроме того, он был самым высокопоставленным тамплиером в Англии, от которого удалось добиться каких-либо признаний. Во время предыдущих допросов Джон де Сток отвергал все обвинения. Однако теперь он заявил, что при посещении храма Гарвей в Херефордшире Великий Магистр ордена Жак де Моле заявлял, что Христос был «сыном обычной женщины и его распяли за то, что он называл себя Сыном Божьим». По словам Джона Стока, Великий Магистр убеждал его на этом основании отречься от Иисуса. Инквизиторы спросили его, во что от него требовалось верить. Джон ответил, что Великий Магистр предписывал верить в «великого всемогущего Бога, который создал небо и землю, но не в Распятие». Это даже не ересь катаров, для которых Создателем всего сущего был дьявол. Эти взгляды могли подразумевать более или менее ортодоксальный иудаизм или ислам. Совершенно очевидно, что за долгие годы своей деятельности на Святой Земле тамплиеры имели возможность выпитать Многие идеи этих двух религий.

Инквизиция без промедления воспользовалась признаниями рыцарей. Через несколько месяцев большинство тамплиеров, содержащихся в тюрьмах Англии, сделали подобные признания. 3 июля 1311 года большая часть из них вернулась в лоно церкви, либо признавшись в конкретных преступлениях и отрекшись от них, либо произнеся общую формулу покаяния и согласившись принять наказание. К этому моменту процессы над тамплиерами превратились в некие «согласованные признания вины» или в «полюбовные сделки». В обмен на сотрудничество английские тамплиеры подверглись мягкому наказанию. В отличие от Франции, в Англии не было ни одного сожжения на костре. Вместо этого «раскаявшихся грешников» отправляли в монастыри, чтобы там они могли молиться о спасении своей души. Для их содержания были выделены немалые средства.

Тем не менее следует обратить внимание на одно интересное обстоятельство: все признания, полученные от тамплиеров в Англии, были сделаны престарелыми и слабыми рыцарями. Дело в том, что Англия никогда не была ни основным театром военных действий ордена, ни его основным политическим и экономическим центром, как Франция. Она служила своего рода «интернатом для престарелых и инвалидов». Состарившиеся или больные ветераны Святой Земли отправлялись, если

так можно выразиться, «на пенсию» в прецептории Англии. Когда начались гонения, многие из них были слишком слабы, чтобы уехать достаточно далеко от места своего заточения. «Они были такими старыми и слабыми, что даже не могли стоять», – свидетельствует один из нотариусов, которые вели записи на процессах. Именно этих рыцарей арестовали слуги Эдуарда, когда король, наконец, уступил давлению папы. Однако к этому времени более молодые и активные тамплиеры имели в своем распоряжении массу времени для бегства. И их ряды, как мы убедимся впоследствии, пополнялись беглецами из других стран.

Бегство от преследований

В средние века люди не разделяли нашей страсти к точной статистике. Когда хроникеры той эпохи говорят, к примеру, об армиях, они оперируют грубыми оценками, причем в пропагандистских целях эти оценки нередко бывают значительно преувеличенными. Цифры в тысячи и даже десятки тысяч человек часто просто придумывались – с поразительным пренебрежением не только к точности, но и к правдоподобию. Следовательно, у нас нет надежных свидетельств численности тамплиеров в любой из периодов истории ордена. Не уцелел ни один список (если таковой вообще существовал за пределами архивов самого ордена) владений тамплиеров – ни в Британии, ни в какой-либо другой стране. Как мы уже отмечали выше, в официальных документах и реестрах часто отсутствовали многие объекты – прецептории, поместья, земельные владения, дома, фермы и другая собственность, – которые, как свидетельствовали другие источники, принадлежали тамплиерам. Так, например, главные владения ордена в Бристоле и Бервике, в состав которых входили верфи и портовые сооружения, не упоминаются ни в одном официальном списке.

По свидетельству средневековых источников, ко времени начала репрессий орден насчитывал многие тысячи членов по всей Европе. Некоторые называют даже такую цифру, как двадцать тысяч, хотя из этого количества настоящие рыцари в тяжелом вооружении могли составлять не более 20 процентов. В то же время в средние века каждого рыцаря обычно сопровождала свита – оруженосец и не менее трех вооруженных пеших воинов. Сохранившиеся во Франции Документы свидетельствуют, что такая практика была принята и у тамплиеров. Таким образом, большая часть военной силы ордена состояла не из рыцарей.

Однако тамплиеры, что вполне можно ожидать от такого рода организации, также опирались на многочисленный Услуживающий персонал – чиновников, управляющих, клерков, капелланов, слуг, крестьян, ремесленников, мастеровых, – и совершенно непонятно, какое количество их включено в сохранившиеся записи. Существуют и другие аспекты деятельности тамплиеров, о которых вообще не осталось никаких документов, и в которых невозможны даже грубые оценки. Известно, к примеру, что тамплиеры обладали мощным флотом – он состоял не только из военных, но и торговых судов, – который проводил операции не только на Средиземном море, но и в Атлантике. Средневековые источники содержат многочисленные ссылки на порты и суда тамплиеров. Сохранились даже документы с подписями и печатями морских офицеров ордена. Тем не менее до нас не дошло никакой точной и конкретной информации о деятельности ордена на море. Не осталось записей о численности их флота и о том, что с ним случилось после роспуска ордена. Точно так же в одном из средневековых английских документов упоминается о женщине, принятой в ряды ордена в качестве «сестры», что позволяет предположить о каком-то женском отделении ордена. Но никаких пояснений на этот счет найдено так и не было. Даже та информация, которая содержалась в

официальных записях инквизиции, либо исчезла, либо сознательно замалчивалась.

Тщательное изучение английских архивов и документов инквизиции, а также подробное знакомство с работами других историков подвели нас к выводу, что в 1307 году в Англии военные силы тамплиеров насчитывали примерно 265 человек. В это число входило двадцать девять рыцарей, семьдесят семь пеших воинов и тридцать один капеллан. Если не учитывать капелланов и обслуживающий персонал, то количество воинов в рядах тамплиеров можно оценить как не менее 32, но не более 106. Только десять из них были арестованы и попали в документы инквизиции. Кроме того, под арестом находились еще три военных чина тамплиеров. Это значит, что порядка девяносто трех человек ускользнули из лап инквизиции и никогда не были найдены. В эту цифру не входят воины, скрывшиеся от преследований в Шотландии и Ирландии.

Население Европы в средние века было во много раз меньше, чем теперь, и поэтому небольшие по современным меркам цифры в ту эпоху выглядели гораздо внушительнее. Не следует также забывать, что эффективность средневековых армий – возможно, даже в большей степени, чем в наше время, – определялась не численным превосходством, а выучкой. В 1898 году в Судане в битве при Омдурмане 23 тысячи английских и египетских солдат нанесли поражение более чем 50-тысячному войску дервишей, уничтожив около 15 тысяч врагов и потеряв при этом меньше 500 человек. В операции, которая стала основой сценария фильма «Зулус», в 1879 году 139 британских солдат сдерживали натиск 4000 зулусов, убив более 400 воинов противника; потери британцев составили 25 человек. При осаде Мальты в 1565 году менее тысячи рыцарей ордена св. Иоанна и их союзников разгромили 30-тысячную турецкую армию, уничтожив 20 тысяч воинов противника. В средние века неравенство в силах усиливалось за счет тяжести вооружения и лошадей, строгости дисциплины и искусной тактики, которые заменяли огневую мощь последующих эпох. На Святой Земле во время крестовых походов дюжина рыцарей в тяжелом вооружении на одетых в броню лошадях – эквивалент современного танкового соединения – без труда рассеивала две или три сотни сарацин. Массированная атака сотни таких всадников могла сокрушить двух-трехтысячное войско противника.

Следовательно, присутствие в Британии девяносто трех таких опытных воинов, как тамплиеры, следует рассматривать как существенный военный фактор. Профессиональная дисциплина, современное вооружение и боевой опыт позволяли им успешно противостоять наемникам и приданным на службу крестьянам, составлявшим основу армий во всех европейских войнах.

Именно такая военная кампания проводилась в то время в Шотландии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ФЛОТА ТАМПЛИЕРОВ

Поначалу Эдуард II отказывался преследовать тамплиеров на территории своего королевства. Когда внешнее давление – со стороны Филиппа Французского, инквизиции и папы – вынудило его перейти к действиям, действия эти были медлительными и вялыми. Это относительное – по сравнению с другими европейскими странами – равнодушие распространялось также на Шотландию и Ирландию. В Ирландии тамплиерам принадлежало как минимум шестьдесят объектов, из которых не менее шести представляли собой полноценные прецептории. Точно установлена принадлежность ордену четырех замков; возможно, этот список следует дополнить еще семью. По нашим оценкам, для управления этой собственностью и ее содержания требовалось не менее девяноста человек, причем

шестьдесят шесть должны были иметь отношение к военной структуре ордена.

3 февраля 1308 года – почти через четыре месяца после начала арестов во Франции и через полтора месяца после первых арестов в Англии – преследования тамплиеров начались и в Ирландии. Всего были взяты под стражу и доставлены в Дублин около тридцати членов ордена – примерно треть от общей численности тамплиеров в стране. Похоже, никаких особых жестокостей в Ирландии не было. Не осталось свидетельств о кострах и казнях. Магистр Ирландии был отпущен под залог, а с его подчиненными обошлись сравнительно мягко. Не сохранилось также свидетельств того, что ирландских тамплиеров отправляли для покаяния в монастыри. Таким образом, в Ирландии к 1314 году на свободе оставались основные силы ордена – часть тамплиеров избежала ареста, а часть после допросов была отпущена.

Учитывая длительную отсрочку активных преследований тамплиеров Ирландии была масса времени и возможностей, чтобы принять меры предосторожности. И они явно воспользовались этими возможностями. Когда их земли были захвачены, а имущество описано, не обнаружилось практически никакого оружия. Как сообщал один историк, «было крайне удивительно найти обиталища военного ордена настолько плохо вооруженными». В главном владении тамплиеров, в Клонтарфе, нашли только три меча. В Килклогане обнаружили лишь два копья, железный шлем и лук. Именно в это время Эдуард II жаловался, что ирландское оружие поступает в Шотландию. Таким образом, тамплиеры Ирландии не только избежали ареста, но и спасли свое вооружение и имущество.

Сбежавшие тамплиеры

5 октября 1309 года – ровно через два года после первых арестов храмовников во Франции – Эдуард приказал своим чиновникам «арестовать всех тамплиеров Шотландии, которые еще находятся на свободе, и держать их под надежной охраной». Арестовать удалось только двух рыцарей, правда, один из них оказался магистр Шотландии Уолтер де Клифтон. Однако к 1309 году положение Эдуарда не позволяло ему обеспечить выполнение своих декретов в Шотландии, поскольку большая часть страны находилась в руках Брюса. В марте того же года Брюс был объявлен «правителем по праву крови» и с «согласия своего народа избран королем». Во время выхода декрета Эдуарда он руководил военными Действиями в Аргайлле. В конце этого года под его контролем находилось две трети Шотландии, а английские гарнизоны в Перте, Данди и Банфе снабжались только морем.

Занятый партизанской войной против Эдуарда, Брюс не собирался исполнять указы английского короля. Будучи отлученным от церкви, он не обращал внимания и на папские буллы, которые, как мы уже убедились, все равно не имели законной силы в Шотландии. В этих обстоятельствах Брюс мог только приветствовать приток беженцев, которые были профессиональными воинами. А они, в свою очередь, были готовы встать на его сторону.

Не осталось никаких документальных свидетельств судьбы двух арестованных в Шотландии тамплиеров. Возможно, их отпустили. Тем не менее на допросе они показали, что некоторые их собратья «бросили свои привычки» и скрылись «за морем». С другой стороны, суд на тамплиерами Шотландии проводил не кто иной, как епископ Сент-Эндрусский Ламбертон. Как мы уже убедились, Ламбертон ловко вел сложную двойную игру, но его симпатии были на стороне Брюса. Он вполне мог выступать в качестве вербовщика для человека, которого считал законным королем своей страны. Беглые тамплиеры действительно могли скрыться за морем, но с таким же успехом они

могли обогнуть Шотландию и присоединиться к армии Брюса в Аргайлле. И вообще им необязательно было бежать морским путем.

Пополнить ряды армии Брюса могли не только тамплиеры Шотландии. В Англии тоже насчитывалось большое количество рыцарей, которым удалось избежать ареста. Они должны были куда-то направиться. Вполне разумно предположить, что, по крайней мере, некоторые из них держали путь в Шотландию. Их примеру могли последовать и тамплиеры Ирландии. И действительно, один из английских тамплиеров на допросе недвусмысленно заявил, что его братья скрылись в Шотландии. Вопрос, таким образом, заключается не в том, искали ли английские храмовники убежища в Шотландии, а сколько было таких рыцарей.

Их количество могло доходить до девяноста трех, и, вполне вероятно, к ним присоединились беглецы из Франции и других стран континентальной Европы. Как отмечалось выше, французские тамплиеры были заранее предупреждены о готовящемся ударе и имели возможность принять некоторые меры предосторожности. Так, например, исчезла казна парижской прецептории, а вместе с ней и несколько высокопоставленных прелатов ордена; предположительно они уплыли морем на восемнадцати судах. То, что в стране остался Великий Магистр и другие высшие лица ордена, вовсе не означает, что они не были готовы к арестам и что их застали врасплох. Просто они до самого последнего момента не оставляли надежды переломить судьбу, которая в конечном итоге оказалась сильнее их. Они рассчитывали защитить орден, опровергнув все выдвинутые против него обвинения, и восстановить его былое положение и влияние.

Не следует забывать о том, что, несмотря на то, что первый удар Филиппа по французским тамплиерам был внезапным и быстрым, последовавший за ним процесс растянулся надолго. До официального роспуска ордена пройдет еще пять лет ожесточенных юридических споров, переговоров, интриг, политической игры и всеобщего возбуждения, а до казни Жака де Моле семь лет. На протяжении всего этого времени большое количество тамплиеров оставалось на свободе, перемещаясь по всей Европе. У них была масса возможностей разрабатывать планы, координировать свои действия, организовывать пути отступления и найти безопасное убежище.

Как свидетельствуют многочисленные грамоты, во Франции насчитывалось 556 полноценных прецептории тамплиеров, а также огромное количество более мелких Падений. Численность членов ордена во Франции составляла не менее 3200 человек, в числе которых было 350 рыцарей и 930 пеших воинов – всего 1280 человек. В документах инквизиции упоминается только о 620 тамплиерах, принимавших участие в судебных разбирательствах. Если пользоваться приведенным выше соотношением, то воинов среди арестованных было около 250. Это значит, что минимум 1030 активных членов военной организации ордена оставались на свободе – их не смогли ни арестовать, ни поймать, ни даже найти.

Определенное количество тамплиеров, конечно, осталось во Франции. И хотя цифры наверняка преувеличены, в одно время ходили слухи, что среди холмов в окрестностях Лиона скрываются более 1500 беглых тамплиеров – неприятная перспектива как для инквизиции, так и для французского короля. Однако несмотря на то, что многие тамплиеры не покинули Францию, довольно значительная их часть искала убежища за границей. Так, например, известно, что вскоре после первых арестов в Англию прибыл магистр Оверна Имберт Бланке – вероятно, с советами английским братьям, как себя вести во время грядущих судебных преследований. В конечном итоге

Имберт был арестован и помещен в тюрьму в Англии, но условия содержания здесь были гораздо более мягкие, чем у его собратьев во Франции. В апреле 1313 года его перевели из лондонского Тауэра в архиепископство Кентерберийское для покаяния. Через месяц ему назначил пенсию сам Эдуард II. Должно быть, в Англию, помимо Имберта, прибыли и другие тамплиеры, но их не арестовывали вообще. Некоторые просто переплыли Ла-Манш. Другие, по всей вероятности, избрали путь через Фландрию, которая благожелательно относилась к ордену и поддерживала морские пути на Британские острова. На протяжении последующих семи лет Англия становилась все более неподходящим укрытием для беглецов с континента, и они – вместе со своими ирландскими и английскими братьями – стали стремиться на север. Там, куда не доставала рука папы и инквизиции, они могли рассчитывать на неприкосновенность.

Флот тамплиеров и маршруты его бегства

Любой массовый исход рыцарей, и особенно если они захватили с собой богатства ордена, не мог обойтись без флота тамплиеров – того самого флота, который загадочным образом исчез и о котором почти ничего не известно. И действительно, только флот может дать ответы на вопросы, касающиеся последних дней ордена. Кроме того, именно флот способен объяснить присутствие тамплиеров в Аргайлле. Все, что касается флота ордена, – это поистине неизведанная земля.

К середине тринадцатого века флот тамплиеров из необходимости превратился в их главное богатство. Для храмовников, а также их дочернего ордена рыцарей св. Иоанна было гораздо дешевле перевозить людей, лошадей и имущество на собственных кораблях, чем арендовать суда у местных купцов. Более того, флот мог использоваться для перевозки посторонних людей и товаров, а также пилигримов – в этом случае он становился солидным источником дохода. Флот тамплиеров ежегодно перевозил в Палестину 6000 пилигримов из своих портов в Испании, Франции и Италии. Суда ордена обладали преимуществом перед другими, поскольку обычно путешествовали в сопровождении военных галер. Кроме того, можно было быть уверенным, что орден «не продаст своих пассажиров в рабство в одном из мусульманских портов, как это делали некоторые купцы». Не занятые обычной работой суда тамплиеров в больших количествах перевозили такие товары, как ткани, специи, красители, фарфор и стекло. Как уже отмечалось выше, тамплиеры получили право на экспорт шерсти.

Орден вел такую активную коммерческую деятельность, что купцы и торговцы Марселя еще в 1234 году стремились вытеснить тамплиеров и госпитальеров из своего порта. С этого времени в порту разрешалось находиться по одному судну каждого ордена, которые могли совершать лишь по Два рейса в год; им разрешалось брать на борт столько груза, сколько они могут увезти, но не более 1500 пассажиров. Тем не менее подобные меры не могли сдержать морские операции обоих орденов. Они просто стали использовать другие порты.

В целом флот тамплиеров был нацелен на деятельность в бассейне Средиземного моря – обеспечивать приток людей и товаров на Святую Землю, а также доставлять товары с Ближнего Востока в Европу. В то же самое время их флот действовал и в Атлантике. Тамплиеры вели активную торговлю с Британскими островами и, вполне вероятно, с балтийскими городами Ганзейского союза. Поэтому прецептории ордена Храма в Европе, и особенно в Англии и Ирландии, располагались на морском побережье или на берегах судоходных рек. Главным атлантическим портом тамплиеров была Ла-Рошель, которая также имела хорошее сухопутное сообщение со

средиземноморскими портами. Так, например, ткани из Британии доставлялись судами тамплиеров в Ла-Рошель, затем по суше перевозились в средиземноморский порт, например, Кольюр, вновь погружались на корабли ордена и доставлялись на Святую Землю. Таким образом удавалось миновать опасный Гибралтарский пролив, который обычно контролировали сарацины.

Те обитатели парижского Храма, которым удалось ускользнуть от Филиппа, вряд ли бежали из столицы по суше, потому что окрестности Парижа патрулировались верными королю людьми. (Два тамплиера, которые пытались скрыться на севере, были схвачены в Шомоне на верхней Марне, как раз в тот момент, когда они собирались покинуть территорию Франции.) Добраться по суше до Ла-Рошели было бы невероятно трудно – практически невозможно. Однако несмотря на то, что главным портом тамплиеров считалась Ла-Рошель, орден держал флотилию из малых судов на Сене. По берегам реки на всем пути от Парижа до побережья располагались прецептории ордена, числом не менее двенадцати, в том числе одна в Руане и одна неподалеку от современного Гавра. Более того, орден Храма был освобожден от транзитных пошлин, и их суда не осматривались. Таким образом, за несколько месяцев до первых арестов и люди, и сокровища могли без особого труда быть доставлены на крупные суда, отплывающие из Ла-Рошели или любого другого морского порта. Даже после начала арестов и преследований основные пути бегства тамплиеров, скорее всего, проходили по реке и морю, а не по суше.

Но куда могли направиться тамплиеры из морских портов на побережье Франции? Не следует забывать, что на этот счет не сохранилось никаких документальных свидетельств – и этот факт показателен сам по себе. Если бы Филипп захватил и конфисковал суда тамплиеров, об этом обязательно имелись бы записи. Даже если официальные документы подвергались цензуре или сознательно утаивались, до нас дошли бы слухи. Такое событие просто невозможно было держать в секрете.

Аналогичным образом высадка тамплиеров в Испании или Португалии не могла остаться незамеченной. Совершенно очевидно, что французские храмовники были бы с радостью приняты своими испанскими и португальскими братьями. Они могли рассчитывать на радушный прием на Мальорке, где ордену принадлежал город и порт Полленса и другие обширные владения, а король Хуан II был дружественно настроен к ним. Однако морские порты Испании и Португалии в то время представляли собой крупные города и торговые центры с активной деловой жизнью и многочисленным населением. Учитывая тот шум, который вызвали первые аресты тамплиеров, представляется маловероятным, чтобы суда ордена причалили в таком порту, как Пальма, и об этом не осталось никаких исторических свидетельств. Кроме того, сами тамплиеры не могли позволить, чтобы к ним было привлечено всеобщее внимание.

Таким образом, остается три наиболее вероятных маршрута для флота тамплиеров. Об одном из них иногда упоминают историки – конечная точка этого пути лежит где-то в исламском мире, либо в районе Средиземного моря, либо на атлантическом побережье северной Африки. Однако обстоятельства свидетельствуют против этой версии. Во-первых, в 1307 году тамплиеры все еще надеялись оправдаться и опровергнуть все выдвинутые против них обвинения. Искать убежище среди неверных – это равносильно признанию в ереси и предательстве. Более того, неправдоподобность такого сценария подтверждается тем обстоятельством, что упоминаний о том, что тамплиеры нашли убежище среди мусульман, нет ни у одного исламского историка. А ведь это

был бы прекрасный пропагандистский ход. И действительно, когда небольшие анклав тамплиеров в Испании и Египте в поисках спасения принимали ислам – хотя бы номинально, – мусульманские писатели нажили на этих эпизодах неплохой капитал. Вряд ли они стали бы молчать, если бы флот тамплиеров вместе с сокровищами ордена перешел на их сторону.

Иногда высказываются предположения, что флот тамплиеров мог найти убежище в Скандинавии. Два допрошенных в Шотландии члена ордена утверждали, что их собратья скрылись за морем, и это дало некоторым историкам основание предположить, что они направились в Данию, Швецию или, что более вероятно, в Норвегию. Такую возможность нельзя полностью отбрасывать, но она маловероятна. Население Скандинавии в те времена было малочисленным, и поэтому беглецам было бы трудно остаться незамеченными в пустынной местности. У тамплиеров здесь не было ни прецепторий, ни баз для операций, ни политических или торговых связей и с монархами, и с населением. После официального роспуска ордена в 13Ю году в Скандинавии они могли подвергнуться аресту точно так же, как и в других странах. Кроме того, о появлении тамплиеров должны были остаться какие-то записи.

Тем не менее суровость скандинавской природы – в конце концов, там было не хуже, чем в регионах, колонизированных Тевтонским орденом, – сама по себе могла служить определенной защитой. Она могла выглядеть даже привлекательной, если бы ей не было альтернативы. Но альтернатива была. Это Шотландия – страна, с которой тамплиеры уже поддерживали теплые отношения, страна, признанный король которой был отлучен от церкви и, что более важно, страна, которая отчаянно нуждалась в союзниках, и особенно в опытных воинах. Неизвестно, искали ли тамплиеры для себя идеального убежища, но вряд ли они могли найти более удачное место, чем Шотландия.

Флот Эдуарда, базировавшийся на восточном побережье Англии, надежно блокировал известные торговые пути из Фландрии в шотландские порты Абердин и Инвернесс. Суда тамплиеров, двигаясь на север от Ла-Рошели или устья Сены, не могли рисковать, заходя в Ла-Манш и Северное море. Они также не имели возможности пересечь Ирландское море, которое надежно блокировалось английским флотом, базировавшимся в Эре и в Каррикфергусе в заливе Белфаст-Лох. Тем не менее, один важный путь был свободен – от северного побережья Ирландии, включая устье реки Фойл в Лондондерри, до владений Брюса в Аргайлле, Кинтайра и пролива Джура. Близкий друг и союзник Брюса Ангус Ог Макдональд владел островами Айлей, Джура и Колонсей, которые охраняли прямой путь между северо-востоком Ольстера и юго-западом Шотландии. Именно этим маршрутом Брюсу доставляли оружие и амуницию.

Если большое количество тамплиеров из континентальной Европы и флот ордена (или его часть) действительно нашли убежище в Шотландии, попасть в страну они могли только по этому маршруту – из Донегола через реку Фойл, северо-восточное побережье Ольстера и залив Джура. Но как флоту тамплиеров удалось попасть сюда, не заходя в Ирландское море и избежав встречи с судами англичан?

В настоящее время мы склонны считать Ирландию одним из Британских островов с центром в Дублине и главными портами на восточном побережье (за исключением Двух на юге), на берегу Ирландского моря и поближе к Британии. Это справедливо также и для семнадцатого столетия, но только не для Средневековья и предшествовавших ему исторических эпох. Во времена Брюса

основные торговые пути из Ирландии вели не в Англию, а на континент. Следовательно, Дублин и другие города на востоке не могли сравниться по своей значимости с бухтами на южном побережье Страны в графствах Уэксфорд, Уотерфорд и Корк. Однако еще более важным был запад Ирландии – в настоящее время его считают малонаселенным и заброшенным захолустьем – с двумя крупным портами, Лимериком и Голуэем. В средние века Лимерик и Голуэй были процветающими городами, которые активно торговали не только с Францией, но и с Испанией и северной Африкой. На некоторых старых картах Ирландия располагалась ближе к Испании, чем к Англии. Торговые пути, которые шли из Голуэя в Испанию и в такие портовые города Франции, как Бордо и Ла-Рошель, были оживленными и хорошо известными. Из Голуэя торговый путь продолжался на север, вдоль побережья Доненгойла, мимо устья реки Фойл и современного Лондондерри на западное побережье Шотландии. Именно таким маршрутом могли передвигаться суда беглых тамплиеров. Это безопасный, удобный и знакомый путь, и у английского флота не было возможности перерезать его. Как отмечалось выше, историки считают, что современные географические названия на Британских островах, имеющие приставку «темпл», указывают на места, где раньше располагались владения тамплиеров. Кроме того, мы уже упоминали о том, что активная морская и торговая деятельность тамплиеров вынуждала их строить свои главные сооружения на морском побережье или на берегах судоходных рек. Так, например, *Magyculter* в Шотландии располагался на реке Ди, а *Balantrodoch* и храм в Листоне – на берегу залива Ферт-оф-Форт. В Англии храм в Торнтоне был построен на реке Тайн, Уэстердейл на реке Эск, Факсфлит на реке Хамбер; портовые сооружения имелись в Лондоне, Дувре и Бристоле. Ирландские документы, в основном, отличаются большей краткостью, а многие из них были утеряны или уничтожены во время бурных событий последующих веков. На западе Ирландии, где до двенадцатого века большинство населения говорило на гэльском языке, таких документов могло вообще не существовать. Относящиеся к Ирландии свидетельства, дошедшие до нашего времени, мало чем отличаются от того, что было найдено в других частях Британских островов: прецептории и владения тамплиеров располагались на морском побережье или на судоходных реках. Однако эти документы указывают на концентрации собственности ордена на восточном побережье, от Ольстера до их главной базы Клонтарф в Дублине и далее через Килклогган и Темплбрайан к Корку. Единственным известным исключением был Лимерик, где орден также имел обширные владения.

А что же на западе? Об этом ничего никогда не говорилось, поскольку никто, похоже, ничего не знал. Тем не менее мы обнаружили не менее семи мест на северо-западном побережье Ирландии, которые не упоминаются ни в одном документе, но, судя по всему, принадлежали тамплиерам. На территории современного Донегола мы нашли Темплкрон неподалеку от острова Аран и Темплхаус на полуострове Малин. В окрестностях Гринкастла на реке Фойл расположен Темплкаван. На некотором расстоянии от залива Донеган находятся Темплхаус, Темплрашин и Темплкарн. Еще дальше от побережья расположен Темплдуглас. Возможно, собственность ордена была и в Лиффорде, в современном графстве Тайрон, к северу от Страбана. Ни одно из этих мест, похоже, не имело никакого религиозного значения ни в дохристианскую, ни в христианскую эпоху, и именно этим можно объяснить приставку «темпл». В большинстве этих мест можно найти развалины средневековой часовни. Все в этих развалинах указывает на их былую принадлежность тамплиерам. Они не фигурируют в документах из-за своей изолированности от основных центров того (а в

некоторых случаях и нашего) времени. Церковные и мирские правители той эпохи – папа в Авиньоне, Филипп в Париже и Эдуард в Лондоне – могли даже не знать об их существовании. Тем не менее, это были характерные для тамплиеров сооружения, которые служили портом захода судов и охраняли торговые пути.

Из всего этого можно сделать вывод, что флот тамплиеров, ускользнув от короля Филиппа, скорее всего направился на запад и обогнул северное побережье Ирландии. Вполне вероятно, что по пути он сделал несколько остановок, беря на борт оружие, амуницию и, возможно, других беглецов. Добравшись до реки Фойл, беглецы могли чувствовать себя в безопасности – эта территория контролировалась союзниками Брюса. От устья реки Фойл и западного побережья Ольстера существовал надежный и проверенный путь, по которому под покровительством и защитой Ангуса Ог Макдональда в Аргайлл доставлялось оружие. Таким образом, суда, оружие и амуниция, а также воины и, возможно, казна тамплиеров вполне могли попасть в Шотландию, существенно усилив позиции Брюса.

Легенды о спасении тамплиеров

Историк середины девятнадцатого века, специализировавшийся на тамплиерах, писал об их спасении чуть более определенно, чем это можно было подтвердить документально:

«Тем не менее многие [тамплиеры] оставались на свободе и успешно избежали ареста, уничтожив все признаки их прежней профессии, а некоторые из них тайно бежали в дикие горные районы Уэльса, Шотландии и Ирландии».

В конце того же столетия другой историк утверждал:

«Тамплиеры... возможно, нашли убежище в небольшой армии отлученного от церкви короля Роберта, чей страх обидеть французского монарха, без сомнения, был вытеснен желанием заполучить несколько тяжеловооруженных всадников».

В 1972 году современный историк был еще более точен в своих оценках:

«В Шотландии избежали ареста все братья, за исключением двух. Искушенные политики, они вполне могли найти укрытие в партизанской армии Брюса – король Роберт так никогда официально не признал роспуск ордена».

Масонские историки и писатели высказываются еще более точно и определенно:

«... говорят, что, покинув орден, они встали под знамена Роберта Брюса и сражались вместе с ним в битве при Баннокберне ... Легенды утверждают, что после битвы, при Баннокберне ... Брюс в награду за оказанные услуги сформировал из тамплиеров новую организацию».

И еще одна цитата:

«В 1309 году, когда начались преследования, на суд инквизиции в Холируд явились только два рыцаря; остальные были законным образом приняты в армию Брюса, которая выступала навстречу англичанам».

Неизвестно, основываются ли подобные утверждения – особенно последние два, взятые из масонских источников, – на достоверной информации или на мифах. Как бы то ни было, а в Шотландии существует множество легенд о спасении тамплиеров. На самом деле можно выделить, по крайней мере, две разновидности этих легенд.

Одна из них возникла раньше – или просто раньше была обнаружена историками благодаря деятельности известного масона восемнадцатого века барона Карла фон Хунда. Он был создателем

масонской системы, которая получила название «Строгое послушание» и ставила своей целью возрождение ордена тамплиеров. По этой легенде, прецептор Оверна Пьер Д'Омон вместе с семьей рыцарями и двумя другими прецепторами в 1310 году бежал из Франции сначала в Ирландию, а через два года переправился в Шотландию – если быть точным, то на остров Малл. На острове Малл они якобы объединились с другими тамплиерами, предположительно бежавшими из Англии и Шотландии и руководимыми прецептором по имени Джордж Харрис, бывшим офицером ордена в Каберне и Хэмптон-Корте. Под объединенным руководством Пьера Д'Омона и Джорджа Харриса было принято решение сохранить орден. Список великих магистров, составленный бароном фон Хундом, делает Пьера Д'Омона преемником Жака де Моле.

В третьей части книги мы подробно рассмотрим правдоподобность этих заявлений, а также исторический контекст, в котором они возникли и в котором они должны рассматриваться. Мы также остановимся на вопросе доверия к самому Хунду и к источнику, из которого он якобы почерпнул эту информацию. В данный момент достаточно просто прокомментировать некоторые детали «Строгого послушания».

Некоторые из этих деталей не только неправдоподобны, но и явно неверны. Так, например, «Строгое послушание» называет Пьера Д'Омона прецептором Оверна. На самом деле прецептором Оверна был не Пьер Д'Омон, а Имберт Бланке, который, как мы видели, сбежал в Англию в 1306 году и был там арестован. Более того, неправдоподобно и само утверждение, что беглые тамплиеры могли найти убежище на острове Малл. В это время островом Малл владел Александр Макдугалл Лорн, союзник Эдуарда и злейший враг Брюса. Даже после поражения от Брюса у него на острове осталось множество сторонников, которые не стали бы молчать о тайной деятельности тамплиеров.

С другой стороны, существовали два региона, принадлежавшие союзникам Брюса, где беглые тамплиеры действительно могли найти убежище или хотя бы сделать остановку в пути. В одном из таких мест располагался замок с сильным гарнизоном, хранившим верность Брюсу, и в нем в период военных неудач некоторое время скрывался сам Брюс. Оба места занимали стратегическое положение на важном морском пути между Ольстером и базами Брюса в Аргайлле. Это мыс Малл-оф-Кинтайр и мыс Малл-оф-Оуэй.

Таким образом, «Строгое послушание» может ошибаться в деталях, но о происхождении этих неправильных представлений догадаться нетрудно. По признанию самого Хунда, он получил эту информацию из шотландских источников. За прошедшие четыре с половиной столетия детали вполне могли подвергнуться искажению. Еще больше они исказились в процессе пересказа и перевода на другой язык. Если современный англичанин путает остров Малл с мысом Малл-оф-Кинтайр или мысом Малл-оф-Оуэй, то что ГОВОРИТЬ о немецком дворянине восемнадцатого века, который ничего не знал о географии Шотландии и столкнулся с отрывочной и туманной информацией, представленной даже не на его родном языке. Тем не менее, несмотря на все ошибки, общее направление «Строгого послушания» все же правдоподобно. Особенно примечательным в нем является утверждение, что беглые тамплиеры сначала направились в Ирландию. Оно, как мы могли убедиться, звучит в высшей степени правдоподобно, и включать его в выдуманную историю не было никакого смысла.

Вторая легенда о спасении тамплиеров появилась во Франции примерно в 1804 году, через полстолетия после версии Хунда. Во времена правления Наполеона некий Бернар-Раймон Фабр-

Палапра опубликовал документ, якобы датированный 1324 годом, десятью годами позже казни Жака де Моле. Если верить этому документу, то незадолго до смерти Жак де Моле оставил инструкции по сохранению ордена. Своим преемником на посту Великого Магистра он назначил одного из оставшихся на Кипре тамплиеров, уроженца Палестины по имени Джон Марк Лармениус. На основе так называемой «Хартии Лармениуса» Фабр-Палапра создал (или сделал публичным) отличную от масонской неорыцарскую организацию, Древний и Суверенный Военный Орден Иерусалимского Храма, которая существует и поныне. По заявлениям – правда, непроверенным – ее нынешних членов опубликованная в 1804 году «Хартия Лармениуса» была известна еще за сто лет до этого, в 1705 году, и возрождение ордена следует отсчитывать от этой более ранней даты.

Сами мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть подлинность «Хартии Лармениуса». Для нас представляет интерес одно из содержащихся в ней заявлений: «И, наконец, я... говорю: да будут прокляты шотландские тамплиеры, покинувшие ряды ордена». Это гневное высказывание очень любопытно и в чем-то даже разоблачительно. Если «Хартия Лармениуса» не является фальшивкой и действительно датируется тринадцатым веком, то это проклятие подтверждает факт существования беглых тамплиеров в Шотландии. Эти беглецы находились в оппозиции к Лармениусу и его окружению, которые рассчитывали очиститься от всех выдвигаемых против ордена обвинений и вернуться в лоно церкви. Но если «Хартия Лармениуса», что более вероятно, появилась на свет позже – в восемнадцатом или девятнадцатом столетии, – то в ней выражено неприятие версии Хунда и «Строгого послушания». Или других источников, утверждавших о сохранении ордена тамплиеров в Шотландии.

Независимо от доли истины, которая содержится в этих легендах, не вызывает никаких сомнений тот факт, что некоторые тамплиеры прибыли в Шотландию, тогда как другие, уже находившиеся в стране, сумели избежать ареста. Вопрос заключается в том, сколько рыцарей осталось на свободе. Хотя точные цифры тоже не имеют особого значения. Дело в том, что тамплиеры – независимо от их числа – были искусными воинами, самыми лучшими воинами своей эпохи, признанными знатоками военного искусства. Королевство Шотландия отчаянно сражалось за свою независимость, за сохранение своей национальной самобытности и культуры. Более того, страна находилась вне власти папы, а ее король был отлучен от церкви. В таких обстоятельствах Брюс был бы рад любой помощи, а такая помощь, которую могли предложить тамплиеры, была более чем желанной. Опытные ветераны могли обучить шотландское войско, внедрить строгую дисциплину и противопоставить воинское искусство более многочисленному и лучше вооруженному противнику. Очень важным был их опыт стратегического планирования и снабжения. Вряд ли мы когда-нибудь Узнаем, действительно ли они были той самой «свежей силой», которая решила исход битвы при Баннокберне. Но это и не обязательно. Вполне достаточно, если несколько Рыцарей возглавляли этот отряд – эффект воздействия на английскую армию остался бы точно таким же.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КЕЛЬТСКАЯ ШОТЛАНДИЯ И ЛЕГЕНДЫ О ГРААЛЕ

Если после сражения при Баннокберне в Аргайлле действительно существовал анклав тамплиеров, которые затем влились в клановую систему, то этот район должен был служить им средой обитания, причем близкой по духу. В определенном смысле это могло даже считаться возвращением домой. Вне всякого сомнения, тамплиеры были «легендой своего времени». В Шотландии, и особенно в

Аргайлле, существовали другие легендарные предшественники, с которыми идентифицировался орден в глазах населения. И действительно, Аргайлл предлагал легендарный контекст, в который легко вписывались тамплиеры.

В конце двенадцатого века в Западной Европе появился первый из так называемых романов о Граале. К началу четырнадцатого века – времени правления Брюса и гонений на тамплиеров – мода на романы о Граале все еще сохранялась, что привело к появлению огромного количества похожих произведений. Идея рыцарства, пропагандируемая этими романами, переживала пору своего расцвета. Христианские правители сознательно стремились к высоким образцам Парсифаля, Гавейна, Ланселота и Галахада – или, по крайней мере, старались создать подобный образ в глазах своего народа. Так, например, Эдуард I стремился представить себя как современного Артура – вплоть до того, что устраивал рыцарские турниры «Круглого стола». За день до битвы при Баннокберне, когда две армии готовились к решающему сражению, Брюс и английский рыцарь вступили в смертельный поединок – своего рода дуэль, воспеваемая в рыцарских романах.

Романы о Граале, осуждаемые церковью во всех европейских странах, пользовались особой популярностью в Шотландии. Не следует забывать о том, что Брюс стремился возродить Шотландию как кельтское королевство, традиции которого уходили бы к Давиду I и Далриаде. Романы о Граале содержали существенный кельтский элемент, кельтские обычаи и легенды, не встречавшиеся в более поздней литературе норманнской Англии или континентальной Европы.

В той форме, в которой они дошли до наших дней, романы о Граале представляют собой смешанный жанр, отражающий сложный процесс взаимного обогащения культур. Как было отмечено в нашей предыдущей работе, в них содержится важный иудаистско-христианский материал, заключенный в сложную драматическую форму или скрытый за ней. Однако этот материал был привит на основу типично кельтских саг и легенд. Задолго до того как в литературе появился Грааль – явно христианское заимствование, – существовали кельтские поэмы и сказания, описывающие поиски таинственного священного объекта, наделенного магическими свойствами, заброшенный замок с уродливым или немощным королем, а также бесплодную землю, страдающую от того же недуга, что и ее правитель. Поэтому некоторые современные ученые проводят четкую границу между «христианским Граалем» более поздних и хорошо известных романов и «языческим Граалем» их предшественников. И действительно, существовала путаница между волшебной чашей первых произведений и загадочным «Граалем» более поздних романов, что привело к описанию Грааля как чаши, кубка, потира или сосуда.

На основу из древних кельтских саг – о волшебной чаше, о бесплодной земле и опасном замке – была наложена иудаистско-христианская структура, в результате чего возникли произведения, получившие название романов о Граале. Показательно, что эта иудаистско-христианская структура неоднократно ассоциировалась с тамплиерами. Так, например, самый значительный и известный из всех романов о Граале. «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, изображает тамплиеров как «стражей Грааля» и говорит, что они принадлежали к «семье Грааля». Вольфрам также утверждает, что услышал историю о Граале от «Kyot de Provence», которого можно идентифицировать как Киота Провансальского, секретаря и поклонника тамплиеров. Еще более примечателен тот факт, что второй по значимости после произведения Вольфрама роман о Граале, «Перлесваус», содержит явные ссылки на орден, причем не только в описании рыцарей в белых мантиях с красным крестом,

охранявших святыню, но и в самом духе произведения, в пропагандируемых им ценностях.

«Перлесваус» насыщен подробным и точным описанием оружия и доспехов, военных приемов и разнообразных ран. Эта работа явно принадлежит перу не трубадура, а воина. Влияние тамплиеров в романе ощущается очень сильно, и многие полагают, что неизвестный автор сам был тамплиером. В таких произведениях, как «Парцифаль» и «Перлесваус», читатель сталкивается с соединением двух различных традиций, иудаистско-христианской и кельтской. И связующим звеном, если можно так выразиться, для этих двух традиций прямо или косвенно выступали тамплиеры.

Ко времени правления Брюса кельтские традиции, кельтская мистика и ценности тамплиеров слились в единый и нередко странный сплав. Так, например, широко известен кельтский «культ головы» – древние кельты верили, что душа находится в голове, и поэтому головы поверженных противников следует отрезать от туловища и хранить. И действительно, отрезанная голова теперь считается одним из признаков древней кельтской культуры. Наиболее явно эта традиция проступает в легенде о Вране Блаженном, голова которого в соответствии с обычаем была похоронена за пределами Лондона лицом к Франции и служила защитным талисманом. Она не только оберегала город от нападения, но также обеспечивала плодородие окружающих земель и защищала всю Англию от бедствий. Другими словами.

она выполняла практически те же функции, что и Грааль в более поздних романах. Впоследствии отголоски этой легенды проступили в образе так называемого «зеленого человека», бога растительного царства и плодородия.

В то же время у тамплиеров был собственный культ головы. Среди выдвинутых против них обвинений – и в нем признались на допросах некоторые рыцари – было поклонение загадочной голове, которую иногда называли «Бафомет». Более того, когда 13 октября 1307 года слуги короля пришли в парижский Храм, они обнаружили там серебряную раку в форме головы, в которой находился женский череп. На раке была табличка «Caput LVIII» – «Голова 58т». На первый взгляд это может показаться совпадением. Однако в списке обвинений, выдвинутых инквизицией против тамплиеров 12 августа 1308 года, мы читаем следующее:

«Item, что в каждой провинции у них имелись идолы, в особенности головы...

Item, что они поклонялись этим идолам...

Item, что они говорили, будто голова могла их спасти...

Item, что [она могла] сделать их богатыми...

Item, что она заставляла цвести деревья...

Item, что она заставляла землю давать урожай...»

Эти свойства головы в точности – как будто они были застенографированы – соответствуют чарам, которые приписываются в рыцарских романах Граалю, а также голове Брана Блаженного в кельтских легендах и мифах. Таким образом, становится очевидным, что романы о Граале и тамплиеры, несмотря на их преобладающую христианскую ориентацию, вобрали в себя важные элементы кельтской традиции. Эти элементы, кажущиеся загадочными и ужасными в наши дни, могли задеть какую-то атавистическую струну в том Кельтском королевстве, которое стремился воссоздать Брюс.

Несмотря на то что в кельтских прототипах романов о Граале отсутствует сам Грааль – по крайней мере, под этим именем, – они содержат в себе другие компоненты более поздних произведений. Сам Грааль появился в эпической поэме Кретьена де Труа «Персеваль, или Сказка о Граале», написанной

в последней четверти двенадцатого века. «Парци фаль» Вольфрама фон Эшенбаха и анонимный «Перлссуаус», датируемые четвертью века позднее, основываются на материале и источниках информации, неизвестных Кретьену де Труа. Тем не менее эти произведения, а также другие романы о Граале в той или иной степени являются наследниками этой поэмы.

О Кретьене де Труа известно мало, и столь же мало информации можно извлечь из посвящений его работ, а также из их текстов. Точно известно, что Кретьен работал под покровительством аристократических дворов, в основном Шампани и Фландрии. Эти дворы были тесно связаны друг с другом, а также имели отношение к неортодоксальным религиозным воззрениям, включая еретическое учение ката ров. Оба двора поддерживали тесные связи с тамплиерами. И действительно, за три четверти века до Кретьена де Труа граф Шампанский играл ключевую роль в создании ордена. Первый Великий Магистр тамплиеров Гуго де Пейен был вассалом графа Шампанского и явно действовал в соответствии с его инструкциями. Впоследствии сам граф, расторгнув свой брак, был принят в ряды ордена и таким образом стал (забавный парадокс) вассалом своего вассала.

Большая часть первых произведений де Труа посвящена различным членам двора, и особенно графине Шампанской Марии. Однако его вариант легенды о Граале, написанный в 1184 – 1190 годах, имеет посвящение Филиппу Эльзасскому, графу Фландрскому. Кретьен де Труа открыто говорит, что история о Граале была рассказана ему Филиппом, который затем подсказал, какой сюжет можно вокруг этого выстроить.

К сожалению, Кретьен де Труа умер, не закончив поэму. Однако и в том, что он успел написать, содержится много интересных моментов. Так, например, он впервые приводит название столицы короля Артура – Камелот. Кроме того, Де Труа постоянно называет Персеваля «сыном вдовы», и это имя впоследствии будет позаимствовано Вольфрамом фон Эшенбахом и другими авторами романов о Граале, а позже перейдет во франкмасонство. Смысл этого имени, понятный во времена Кретьена де Труа, впоследствии был утрачен.

Для наших целей важнее обратить внимание на кельтские элементы поэмы, информация о которых черпалась не из известных английских или валлийских источников. Разумеется, эти источники тоже принимались во внимание. Более того, Кретьен де Труа активно пользуется ими. Так, например, он опирается на «Историю королей Британии» Гальфрида Монмутского, полулегендарное произведение, написанное примерно в 1138 году, в котором впервые появляется король Артур. Де Труа также широко использует такие древние предания, как «Peredur» и другие сказания валлийского эпоса Мабиногиона. Однако некоторые аспекты поэмы не имеют ничего общего с этими традиционными источниками, и эти аспекты можно определить как чисто шотландские. Совершенно очевидно, что у Кретьена де Труа был свой, независимый источник сведений о Шотландии, и специалисты утверждают, что именно из Шотландии он почерпнул ключевые элементы географии и топографии поэмы.

Так, например, герой поэмы де Труа «Персеваль де Галуа» предположительно был родом из Уэльса. Однако во времена Кретьена де Труа название «Галуа» относилось к уроженцам шотландского Голуэя. В поэме Кретьена рыцари Грааля защищают «les pors de Galvoie» – ворота Галуа. Именно в границах этой территории они действуют. Исследователи романов о Граале пришли к выводу, что «Галуа» – это, скорее всего, Голуэй.

У Гальфрида Монмутского есть ссылки на «Castellum Puellanim», который в более поздних романах о Граале – но не в поэме Кретьена де Труа, – превращается в знаменитый "Опасный замок". В 1338 году переводчик и комментатор Роберт Брюнн писал, что «Castellum Puellarum» – это реальный замок, расположенный в Карлавероке в Галуэе. Как заметил один из современных биографов Кретьена де Труа, Роберт Рюнн «мог просто повторять известное предание, поскольку в юности был знаком с будущим королем Робертом Брюсом». Как бы то ни было, Карлаверок расположен всего в десяти милях от Аннана, места проживания семьи Брюса, которую в 1124 году Давид I сделал лордами Аннандеила. Замки Аннан и Карлаверок часто называли «воротами в Голуэй». Несмотря на то что Кретьен де Труа прямо не говорит о «Castellum Puellamm», или «Опасный замок», он упоминает о «Roche de Cangum», название которого, по утверждению одного из специалистов, «происходит от украшений Карлаверока». Примечательно, что в поэме Кретьена де Труа именно в этом месте рыцари «охраняют ворота в Галуа».

В поэме де Труа второй резиденцией короля Артура после Камелота называется «Cardoeil». До 1157 года столицей Шотландии был Карлайл, который во времена написания «Англосаксонских хроник» носил название «Cardeol», впоследствии трансформировавшееся в «Carduil». Кретьен также упоминает некое церковное владение «Mont Dolorous». Считается, что это аббатство Мелроз в Роксбургштише, основанное в 1136 году и во времена де Труа известное как «Mons Dolorosus». Именно в нем два столетия спустя было похоронено сердце Брюса.

Из этих и других подобных фактов становится очевидным, что Кретьен де Труа, чей роман о святом Граале появился первым, пересадил типично христианскую идею на почву из гораздо более древнего материала, часть которого явно связана с Шотландией. Но почему поэт, пользовавшийся покровительством дворов Шампани и Фландрии, так явно сосредоточился на Шотландии, в то время как иудаистско-христианская надстройка поэмы имеет совсем другие корни?

Кретьен де Труа заявлял, что узнал историю о Граале от Филиппа Эльзасского, графа Фландрийского, который затем предоставил ему полную свободу действий. Известно, что связи Филиппа с Шотландией были очень тесными. Будучи правителем Фландрии, он вел обширные дела с Шотландией и хорошо знал эту страну, ее народ и ее традиции. В двенадцатом столетии связи между Шотландией и Фландрией сознательно укреплялись. Во времена правления Давида I (1124-1153) и Малькома IV (1153-1165) проводилась целенаправленная политика привлечения эмигрантов из Фландрии в Шотландию. Новоприбывшие размещались в больших организованных анклавах в верхнем Ланкашире, верхнем Клаидсдейле, на западе Лотиана и севере Морее. По свидетельству одного из историков, «фламандские поселения представляли собой систематическую попытку создать в верхнем Клаидсдейле и Морее новую аристократию, в пику старой аристократии и церкви». Мы уже упоминали о том, что современные историки считают, что семья Брюса имеет фламандские, а не норманнские корни. Такое же происхождение имеют и другие влиятельные шотландские фамилии, например, Баллиол, Кэмпбелл, Камерон, Комин, Дуглас, Грэм, Гамильтон, Линдсей, Монтгомери, Сетон и Стюарт. Некоторые из этих фамилий уже встречались в нашей книге. Эти, а также другие семьи, впоследствии займут еще более важное место в нашем повествовании.

Целью расселения фламандцев в Шотландии было создание в стране городских центров. Фландрия уже превратилась в урбанизированный и промышленный регион с такими крупными городами, как Брюгге и Гент, из которых торговые пути протянулись к Рейну, Сене и Британским островам. В

состав Фландрии также входили территории Булони и Кале. Шотландская монархия нуждалась в доходах, которые можно было получить с городских налогов, и смотрела на Фландрию как на модель урбанистического развития. Поэтому фламандских поселенцев активно привлекали в страну, чтобы они создавали городские поселения по типу существовавших на их родной земле. Высоко ценились также их сельскохозяйственные навыки, ткацкое искусство и опыт в торговле Шерстью.

Тесные связи между Шотландией и Фландрией, установившиеся во времена Давида I и Малькома IV, продолжали укрепляться в эпоху правления наследника Малькома Уильяма «Льва». Когда Уильям в 1173 году предпринял вторжение в Англию, его войско было усилено отрядом фламандцев, и этот отряд послал ему Филипп Эльзасский. В военном искусстве, как и в городском строительстве, шотландцы учились у фламандцев. В 1302 году бюргеры фламандского города Courtrai подняли восстание. Используя так называемое построение «schilltrom», – воины образовывали квадрат, упирались тупыми концами пик в землю, а острия выставляли наружу – они смогли нанести поражение многочисленной и сильной французской армии. Впервые в Западной Европе бюргерам из Courtrai удалось разбить считавшуюся непобедимой тяжелую кавалерию. Брюс извлек урок из этого сражения. Именно «schilltrom» он успешно применял во время битвы при Баннокберне, пока на сцене не появились «свежие силы», склонившие чашу весов в его пользу.

Шотландия и Фландрия оказывали друг на друга заметное влияние. В результате наплыва фламандских поселенцев шотландские города приобрели типично фламандские черты, а элементы древних кельтских традиций, в свою очередь, проникли во Фландрию, проявившись (помимо прочего) в романах о Граале. Оформившись и начав развиваться как жанр, эти романы были привезены в Шотландию, где их кельтские элементы были тут же обнаружены и оценены.

Теперь трудно себе представить, насколько близкой по духу оказалась Шотландия – обитель короля Артура и беллетризованных тамплиеров – для изгнанников из ордена Храма. Она была, если можно так выразиться, «подготовлена» для их прибытия. Представляя себя как «настоящих» рыцарей Грааля, они могли оказать поддержку Брюсу в его военных кампаниях и получить теплый прием как благородные спасители. Где еще они могли найти климат, столь благоприятный для спасшихся членов ордена, которые желали секуляризоваться, интегрироваться в общество и одновременно сохранить себя? Где еще они могли чувствовать себя недосягаемыми для своих преследователей?

Именно такое предположение выдвигается в поэме четырнадцатого века «Смерть Артура»: «Он (Мордред) собрал легионы грязных чужаков... наемников, пиктов и язычников, а также опытных рыцарей из Ирландии и Аргайлла, объявленных вне закона».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ШОТЛАНДИЯ И ТАЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАСЛЕДИЕ ТАМПЛИЕРОВ В ШОТЛАНДИИ

Одно из заблуждений официальной науки – это строгое и временами искусственное разграничение «истории» и «мифа». В соответствии с таким разделением «историей» считается только подтвержденный документами факт – данные, которые могут быть подвергнуты скрупулезному научному анализу, которые выдержат разнообразные проверки, и, следовательно, отнесенные в категорию того, что «действительно имело место». В этом смысле «история» состоит из имен, дат,

сражений, договоров, политических движений, конференций, революций, изменений в обществе и других подобных «объективно различимых» явлений. «Миф» же отбрасывается как случайный и не имеющий отношения к истории. «Миф» относится к области фантазии, поэзии и выдумки. «Миф» – это приукрашенный или фальсифицированный факт, искажение истории, нечто такое, что должно быть безжалостно отброшено. Считается, что прежде чем откроется правда о прошлом, необходимо разделить «историю» и «миф».

Однако для людей, которые изначально создавали то, что через много лет назовут «мифом», такого разграничения не существовало. В период своего создания – и на протяжении многих последующих веков – «Одиссея» Гомера, описывающая, скорее всего, выдуманное путешествие одного человека, считалась исторически не менее достоверной, чем «Илиада», посвященная такому «действительному» событию, как осада Трои. События, описанные в Ветхом Завете – например, когда расступились волны Красного моря или когда Господь вручил Моисею Скрижали Завета, – многими современными людьми воспринимаются как «миф», однако и теперь найдется немало тех, кто верит в их реальность. Кельтские саги, относящиеся к Кухулину и «рыцарям» Красной Ветви, многие века считались исторически достоверными, но и сегодня мы не можем с уверенностью сказать, так ли это на самом деле. Возможно, это в той или иной мере приукрашенные исторические события, а возможно, чистая выдумка. Приведем более свежий пример. Известно, что тот «Дикий Запад» Соединенных Штатов середины девятнадцатого века, который нашел отражение сначала на страницах дешевых приключенческих романов, а потом и в голливудских фильмах, не имеет ничего общего с реальностью. Тем не менее Джесси Джеймс, Билли Кид, Дикий Билл Хикок, Док Холл и братья Ирп реально существовали. Легендарная перестрелка в ОК Корраль действительно имела место, хотя и не в той форме, в какой мы привыкли ее себе представлять. До недавнего времени «мифы», окружавшие таких исторических персонажей и такие события, были практически неотделимы от «истории». Так, например, в период «сухого закона» такие люди, как Элиот Несс, с одной стороны, и Джон Диллинджер и «Легс» Даймонд – с другой, представляли себя персонажами исторически достоверного вестерна о мужественных блюстителях закона и благородных разбойниках. При этом они творили новую «историю», которая в свою очередь обросла «мифами».

В зависимости от того, насколько сильно они будоражат фантазию и насколько прочно они застревают в сознании людей, исторические события и персонажи постепенно превращаются в миф. В случаях с королем Артуром и Робин Гудом миф полностью вытеснил историческую основу, на которой он был построен. В случае с Жанной Д'Арк историческая реальность не исчезла полностью, но оказалась на заднем плане, тогда как на первый план выдвинулись преувеличения, украшения и чистый вымысел. В наше время – по отношению, например, к Че Геваре, Джону Кеннеди или Мэрилин Монро, Джону Леннону или Элвису Пресли – историческую «реальность» еще можно обнаружить среди элементов мифа, но уже невозможно полностью отделить от них. Более того, именно эти элементы мифа делают историческую «реальность» интересной для публики.

Можно возразить – и это нередко делается, – что вся письменная история представляет собой определенную разновидность мифа. Любое историческое исследование ориентируется на потребности, взгляды и ценности того времени, в котором оно появилось, а не той эпохи, к которой оно относится. Любое историческое исследование непременно избирательно: оно охватывает одни элементы и опускает другие. Любое историческое исследование – только лишь благодаря своей

избирательности – выделяет одни факты и игнорирует другие. Поэтому оно до определенной степени предвзято, и в силу этой предвзятости оно фальсифицирует «реальные события». Если современные средства массовой информации по-разному интерпретируют события, случившиеся только вчера, то прошлое оставляет еще больший простор для всякого рода толкований.

По этой причине послевоенное поколение писателей – от Карлоса Фуэнтеса и Габриеля Гарсиа Маркеса в Латинской Америке до Грэма Смита, Питера Акройда и Десмонда Хогана в Англии и Ирландии – настаивало на переоценке того, что мы называем «историей». Для таких романистов история состоит не только из внешних и доказуемых «фактов», но также из психологического контекста, в который встроены эти факты – ведь именно с учетом этого контекста они будут интерпретироваться следующими поколениями. Для этих писателей настоящей историей является духовная жизнь людей, культуры и цивилизации, включающая в себя не только внешние факты, но и преувеличения, украшения и толкования, свойственные мифам. Югославский писатель Иво Андрич, лауреат Нобелевской премии 1961 года, настаивает, что историку необходимо распознать «правду лжи». Андрич подчеркивает, что эта «ложь» людей и культуры – гипербола, преувеличение, украшение, даже откровенная фальсификация и выдумка – не обязательно является беспричинной. Наоборот, в ее основе лежат скрытые потребности, желания, мечты, нужда или сверхкомпенсация; и в этой своей фальши она становится если не правдой, то информативным элементом, содержащим ключи к пониманию правды. И в той степени, в какой эта ложь служит выявлению коллективного самосознания или самоидентификации, она создает новую правду – или то, что становится правдой. Проиллюстрируем описанный Андричем процесс – процесс, в котором сплетаются «правда» и «ложь», «история» и «миф», создавая новую историческую реальность, – простым, но тем не менее показательным примером.

В 1688 году протестантское население города Лондондерри, больше вследствие паники, чем реальной необходимости, захлопнуло ворота перед военным отрядом католиков, посланным Яковом II для несения гарнизонной службы в городе. Этот акт неповиновения вызвал вполне предсказуемую реакцию короля, и город оказался в осаде, что не входило в намерения ни одной из сторон. С точки зрения европейской истории осада Лондондерри представляет собой мелкий и незначительный эпизод, не сравнимый с теми военными операциями, которые проходили в это десятилетие на континенте. Кроме того, эта осада ничего не решала и ничего не определяла. С военной точки зрения в ней не было никакой необходимости. Однако на более тонком уровне это столкновение оказалось чрезвычайно важным. Оно послужило толчком к формированию подходов, ценностей и взглядов. Эти подходы, ценности и взгляды затем трансформировались в события.

Протестанты и католики отреагировали не на то, что «действительно произошло», а на свое представление об этих событиях. Мнения протестантов и католиков в Ирландии окончательно разошлись. В строгом соответствии с этими мнениями люди начали действовать, и эти действия определили все события внутри Ирландии на протяжении следующего века. А когда в 1798 году в католической части Ирландии вспыхнул мятеж, курс и течение этого восстания определялись не событиями осады Лондондерри, случившимися более ста лет назад, а мифами, которыми были окружены эти события. Таким образом, мифы создали новую историю. А история – в данном случае восстание 1798 года – стала источником новых мифов. Эти новые мифы, в свою очередь, предшествовали новым поворотам так называемой истории, которые тоже вызывали к жизни

следующие мифы. Кульминацией этого процесса стала современная Северная Ирландия, где реальный конфликт – это не столько конфликт религий, сколько конфликт мифов, конфликт различных толкований истории.

Битва при Бленхейме (в 1704 году, всего через пятнадцать лет после осады Лондондерри) была действительно крупным и, можно сказать, решающим сражением. Она коренным образом изменила расстановку сил в Европе и повернула весь ход европейской истории. Однако в представлении людей Бленхейм – это величественный замок в Оксфордшире, который также является местом рождения Черчилля. Осада Лондондерри, восстание 1798 года, а также многие другие такие же полумифические и полуисторические вехи в истории оказались неразрывно связаны с настоящим. Их отмечают, вспоминают, воссоздают, превращают в ритуалы. Поэтому они по-прежнему обладают способностью формировать взгляды и ценности, определять национальную принадлежность и разделять общество. Такова сила мифа. И такова связь мифа с тем, что мы называем историей.

История состоит не только из фактов и событий. Она также состоит из взаимоотношения фактов и событий, из интерпретации, нередко образной, этих взаимоотношений. А при любой интерпретации в игру обязательно вступает мифический элемент. Таким образом, миф не является чем-то отдельным от истории. Наоборот, это неотъемлемая часть истории.

Миф о тамплиерах

С первых дней существования ордена тамплиеры преподносили себя как миф, эксплуатировали этот миф и зарабатывали на нем капитал. Загадка и тайна, окутывавшая их происхождение, позволила им окружить себя такой же таинственностью. Эта таинственность подчеркивалась не только покровительством самых знатных особ, но и писателями, например, Вольфрамом фон Эшенбахом, а также светилами церкви, такими как св. Бернар. Тамплиерам было очень легко стать в глазах современников «прижизненной легендой», и они не предпринимали никаких усилий, чтобы остановить этот процесс. Наоборот, они активно содействовали ему. Среди всех библейских текстов они постоянно цитировали Иисуса Навина и Маккавеев, представляя себя современным олицетворением армии, которая разрушила стены Иерихона и которая едва не нанесла поражение Риму буквально за несколько лет до наступления христианской эры. Они способствовали тому, чтобы их образ ассоциировался с романами о Граале, в которых они являются «хранителями» таинственного предмета или сущности, известной под именем Святого Грааля.

Через завесу таинственности, окружающую орден Храма, проступают вполне определенные намеки и образы. Это армия Иисуса Навина, Маккавеев и рыцари Грааля, смешанные с другими историческими и(или) легендарными предшественниками – лордами Шарлеманя, рыцарями «Круглого стола» короля Артура, а на Британских островах и Красной Ветви Ольстера. Воинская доблесть была не единственным достоинством, которое подчеркивалось всей окружавшей тамплиеров таинственностью. Тамплиеры, появляющиеся в «Перлесваусе», это не только воины, но и люди, посвященные в тайное знание. Данный факт очень показателен, поскольку рыцари Храма изо всех сил старались создать себе образ магов, колдунов, волшебников, чародеев, алхимиков и мудрецов, владеющих тайными секретами.

Именно этот образ в конечном итоге сформировался в умах современников, подсказав врагам ордена пути его уничтожения.

Но даже после исчезновения ордена мифотворческий процесс не прекратился, оставаясь

неотделимым от исторической реальности. Действительно ли последний Великий Магистр ордена Жак де Моле перед тем, как его сожгли на медленном огне, проклял папу и французского короля, предсказав, что не пройдет и года, как они последуют за ним и предстанут перед Господом? Правда это или нет, но и папа, и Филипп Красивый в течение года умерли при подозрительных обстоятельствах. Сегодня достаточно просто приписать их смерть действиям скрывшихся от преследований рыцарей или последователей ордена, члены которого отлично разбирались в ядах, но средневековый ум с радостью хватался за возможность видеть во всем действие сверхъестественных сил. Французская монархия стала считать себя проклятой, и проклятие де Моле висело над ней, словно дамоклов меч. Считалось, что это проклятие висит над французским тронном независимо от смены династий. Поэтому в 1793 году после казни на гильотине короля Людовика XVI паутиной мифов и легенд оказалось опутано еще одно историческое событие. Утверждают, что один из французских масонов вскочил на эшафот, окунул руку в кровь короля, показал ее толпе и воскликнул: «Жак де Моле, ты отмщен!»

Во время существования ордена тамплиеры сами окружали себя завесой легенд и мифов. После исчезновения они порождали новые легенды, новые мифы, которые другими людьми затем превращались в «исторический факт». Впоследствии мы увидим, что одним из самых эффективных превращений подобного рода стало франкмасонство. Но были и другие, более ранние проявления этой закономерности – проявления, ставшие основой самого масонства. И действительно, едва только орден был уничтожен, как он возродился вновь, подобно птице Феникс, из пламени собственного погребального костра и вновь скрылся под таинственным обликом.

На протяжении четверти века после роспуска ордена Храма возникло множество неотамплиерских орденов, и они продолжали возникать еще несколько столетий. Так, например, в 1348 году Эдуард III Английский основал орден Подвязки, состоявший из двадцати шести рыцарей, разделенных на две группы по тринадцать человек. Орден Подвязки существует и сегодня, являясь одним из самых почетных рыцарских орденов в мире. Во Франции Иоанн II основал почти идентичную организацию, орден Звезды. Однако просуществовал он гораздо меньше, чем орден Подвязки, – все его члены погибли в 1356 году в битве при Пуатье. В 1430 году герцог бургундский Филипп основал орден Золотого Руна. В 1469 году король Франции Людовик XI основал орден св. Михаила. Его членами были такие известные личности, как Клод де Гиз, Шарль де Бурбон, Франсуа де Лоррейн, Федерико де Гонзага и Луи де Невер. Командиры и офицеры этого ордена скоро появятся и в нашем повествовании, в главе о шотландской гвардии.

Разумеется, все эти ордена были не такими многочисленными, как орден тамплиеров, и обладали гораздо меньшими возможностями. Они не оказали какого-либо заметного влияния на ход истории. У них не было ни земли, ни прецедентов, ни собственности, ни доходов. Будучи привязаны к тому или иному монарху или влиятельному лицу, они не обладали и автономией. Несмотря на то что членами орденов являлись преимущественно воины, эти организации нельзя было назвать военными в строгом смысле слова. Так, например, они не давали никакой военной подготовки, в них не было воинской иерархии, они не являлись едиными воинскими подразделениями ни в мирное, ни в военное время. В конечном счете членство в них стало вопросом престижа, а не реальной власти; это был лишь знак королевского покровительства, сообщество придворных. Их воинские звания и должности постепенно стали такими же метафорическими, как, например, в Армии спасения. Тем не

менее с самого начала в своих обычаях и ритуалах они стремились подражать тамплиерам.

Это наследие ордена Храма было по большей части геральдическим, однако существовало и другое наследие, которое не только изменило лицо европейского католицизма, но и добралось до самых отдаленных уголков мира – до Америки на западе и Японии на востоке. В 1540 году бывший солдат Игнатий Лойола, напуганный наступлением протестантизма, возродил идею тамплиеров о монахах-воинах, солдатах Христа. Он создал свое собственное воинство. Однако в отличие от тамплиеров воины Лойолы должны были сражаться в своих крестовых походах не мечом (хотя они не возражали, чтобы другие сражались по их указу), а словом.

Так возникла организация, которую Лойола называл «Отряд Иисуса», пока папа, недовольный явно милитаристским оттенком слова «отряд», не переименовал ее в «общество». Военная структура и организация иезуитов, широкая сеть «провинций» и суровая дисциплина, по признанию самого Лойолы, были позаимствованы у тамплиеров. И действительно, иезуиты действовали не только как дипломаты и послы, но и как военные советники и специалисты в области артиллерии. Подобно тамплиерам, орден Иезуитов номинально подчинялся только церкви, однако и они часто сами устанавливали себе законы. В 1773 году при обстоятельствах, очень напоминающих запрет ордена Храма за 461 год до этого, папа Клемент XVI «на тайных основаниях» распустил орден Иезуитов. В 1814 году запрет на деятельность ордена был снят. Но и сегодня иезуиты во многих отношениях остаются замкнутой организацией и нередко конфликтуют с папой, которому они, предположительно, принесли клятву верности.

Рыцарские ордена и иезуиты являются наследниками тамплиеров (каждый в своей области), которые в конечном итоге забыли свое происхождение или сознательно отреклись от него. Однако в Шотландии сохранились более последовательные продолжатели дела тамплиеров, которые были признаны таковыми и передавали это наследие через кровные узы. Во-первых, тайные соглашения и искусные маневры привели к тому, что владения ордена в Шотландии остались нетронутыми, сохранились как отдельные образования и управлялись, по крайней мере некоторое время, самими лишенными духовного сана тамплиерами, – а впоследствии их потомками. Собственность тамплиеров в Шотландии не была расчленена и поделена между новыми владельцами, как это произошло в других местах. Наоборот, она перешла в доверительное управление, как бы дожидаясь возвращения хозяев.

Кроме того, в Шотландии возникла целая сеть связанных между собой семейств, которые обеспечивали сохранение и передачу обычаев и традиций. Тому, что подлинные традиции тамплиеров сохранились в Шотландии, мы обязаны содействию этих семей и военному формированию, находившемуся под их покровительством, – шотландской гвардии, которая являлась самой близкой к своему оригиналу неотамплиерской организацией. Более того, через шотландскую гвардию и через те семьи, сыновья которых пополняли ее ряды, новые силы прибывали в Шотландию из континентальной Европы. Эта энергия – первоначально выражавшаяся через разнообразные «эзотерические» дисциплины, искусство каменной кладки и архитектуру – будет подпитывать остатки традиций ордена и вдыхать в них новую жизнь. Таким образом, на пепелище старого военно-религиозного ордена будет сохраняться искра традиций, и эта искра со временем разгорится и станет организацией, из которой выкристаллизуется современное масонство.

Земли тамплиеров

В 1312 году, через месяц после официального роспуска ордена Храма папой, все земли, прецептории и другие владения, принадлежавшие ордену, были переданы их давним союзникам и конкурентам, госпитальерам. На Святой Земле госпитальеры проявляли не меньшую склонность к коррупции, тайным сделкам, интригам и личной выгоде, жертвуя при этом интересами королевства крестоносцев. Подобно тамплиерам и тевтонским рыцарям, госпитальеры занимались банковскими операциями, торговлей, а также другой разнообразной деятельностью, которая далеко выходила за рамки их первоначального предназначения как монахов-воинов. Тем не менее в Европе, и особенно в отношениях с папским престолом, госпитальеры проявляли удивительную осторожность. Они охраняли себя от любой еретической «заразы», от любых проступков, которые могли стать причиной для их преследований. Не представляли они угрозы и для европейских монархов.

Не вызывает сомнений, что госпитальеры были не менее высокомерны и деспотичны, чем тамплиеры и тевтонские рыцари. Но их благотворительная деятельность и непоколебимая лояльность к Риму с лихвой компенсировали то жестокое впечатление, которое они о себе оставляли. Вследствие этого они, в отличие от конкурировавших с ними орденов, пользовались уважением и папы, и общества. Незадолго до 1307 года даже ходили слухи о возможном «очищении» тамплиеров посредством их объединения с госпитальерами в единый орден. С 1307 по 1314 год, когда шли суды над храмовниками, против тевтонских рыцарей были выдвинуты похожие обвинения, и они, испугавшись преследований, перевели свою штаб-квартиру из Венеции в Мариенбург – на территории современной Польши, – который находился вне досягаемости папы и мирских властей. Госпитальеры счастливо избежали печальной судьбы обоих своих соперников.

Однако переход собственности тамплиеров к ордену госпитальеров не был таким простым, как это может показаться на первый взгляд. В некоторых случаях прошло без малого тридцать лет, прежде чем госпитальеры вступили во владение пожалованной им собственностью, а за такой долгий срок эти объекты обычно приходили в негодность и разрушались, и использовать их можно было только после существенных капитальных вложений. Два раза – в 1324 и 1334 годах – приоры ордена св. Иоанна даже обращались к английскому парламенту, чтобы он подтвердил их права на земли тамплиеров. Только в 1340 году они получили права на лондонский Темпль. Во многих случаях интересы госпитальеров вступали в противоречие с интересами местных лордов, которые сопротивлялись передаче земель ордену св. Иоанна, стремясь получить назад владения, которые стоили двести лет назад были пожалованы ордену Храма их предками. Нередко эти вельможи оказывались достаточно могущественными и если не выигрывали спор, то надолго затягивали его в бесконечных судебных тяжбах.

Так обстояли дела в Англии. В Шотландии процесс был еще более запутанным и скрытным. Вероятно, наиболее показательным можно считать не то, о чем говорили, а то, о чем предпочитали молчать. Так, например, через шесть месяцев после битвы при Баннокберне Брюс издал указ, в котором подтверждались права госпитальеров на всю их собственность в королевстве. В нем нет никаких указаний на то, что случилась с землями и собственностью тамплиеров, хотя все земли и вся собственность должны были перейти в руки госпитальеров еще за два года до этого. Госпитальеры просто получили подтверждение неприкосновенности своих владений. Интересно, что ни госпитальеры, ни корона, ни лорды не делали попыток предъявить права на владения тамплиеров. Не осталось ни одного документа о том, что кто-то получил собственность тамплиеров или даже

пытался получить ее. При жизни Брюса такой собственности могло не быть вообще – настолько глуха окружающая этот вопрос завеса молчания.

В 1338 году, через девять лет после смерти Брюса, Великий Магистр госпитальеров потребовал список всех владений рыцарей Храма, которые отошли к его ордену. Каждый глава регионального или национального отделения ордена должен был представить перечень владений тамплиеров, находящихся на его территории. В прошлом веке в библиотеке ордена св. Иоанна в Валетте был найден документ, в котором цитируются строки ответа приора Англии Великому Магистру. После перечисления значительного количества владений тамплиеров, перешедших в руки ордена, приор пишет:

«Что касается земель, строений... церквей и других владений тамплиеров в Шотландии, то там не осталось ничего ценного... все они разрушены, сожжены и полностью уничтожены вследствие непрекращающихся многолетних войн».

Таким образом, в 1338 году госпитальеры все еще не прибрали к рукам собственность тамплиеров в Шотландии. С другой стороны, нельзя исключать и каких-то незаконных действий. Несмотря на то что владения тамплиеров не упоминаются ни в каких операциях госпитальеров, короны или знати, часть их тем не менее была продана – без каких-либо упоминаний в официальных реестрах. Так, например, сохранились сведения о том, что еще до 1329 года один из должностных лиц ордена св. Иоанна, некто Родульф Линдсей, продал земли тамплиеров, принадлежавших Храму в Листоне. Тем не менее эта сделка не отмечена ни в одном из документов или архивов ордена. От чьего имени в таком случае действовал Линдсей? Чьим представителем он был?

Сделка Линдсея была не единственной, которая запутала для историков вопрос о судьбе земель тамплиеров в этот период. В результате ясной картины так и не удалось получить.

«Неизвестно, каким образом собственность тамплиеров передавалась госпитальерам; похоже, это был трудный и постепенный процесс, и существуют свидетельства того, что даже в середине четырнадцатого века госпитальеры сталкивались с препятствиями при попытке вступить во владение собственностью тамплиеров».

Тот же исследователь делает вывод: «В истории военных орденов в Шотландии нет более туманного периода, чем четырнадцатый век».

Тем не менее определенная картина все же вырисовывается: после 1338 года госпитальеры стали прибирать к рукам собственность тамплиеров в Шотландии, однако до 1338 года ни одно владение ордена Храма не перешло в их руки – за исключением приведенного выше случая – и нигде не сохранилось никаких документальных свидетельств такой передачи. Более того, после перехода к госпитальерам земли тамплиеров сохранялись в неприкосновенности. Их не разделяли на части и не объединяли с другими владениями госпитальеров. Наоборот, эти земли получили особый статус и управлялись как обособленные образования. Обращались с ними так, как будто орден св. Иоанна не владел ими, а просто выступал в роли агента или доверительного управляющего. Даже в конце шестнадцатого столетия не менее 519 мест в Шотландии были указаны госпитальерами как «*Terrae Templariae*», то есть как обособленное и отдельно управляемое имущество тамплиеров!

И действительно, в процессе передачи земель тамплиеров в Шотландии было нечто необычное – нечто такое, на что не обратили никакого внимания историки, и что обеспечило ордену тамплиеров, если так можно выразиться, посмертное существование. В Шотландии на протяжении более двух

столетий – с начала четырнадцатого века до середины шестнадцатого – тамплиеры, похоже, действительно слились с госпитальерами. В этот период часто встречаются упоминания об одном объединенном ордене – «Ордене рыцарей св. Иоанна и Храма».

Это очень странная ситуация, вызывающая к жизни множество вопросов. Может быть, госпитальеры предвидели будущие гонения на тамплиеров и взяли в доверительное управление – возможно, в результате какого-то тайного соглашения – собственность ордена Храма? Или в Шотландии орден св. Иоанна принял в свои ряды достаточное количество беглых тамплиеров, чтобы они могли управлять своими землями?

Возможны оба варианта, и они не являются взаимоисключающими. Что бы ни произошло на самом деле, совершенно очевидно, что земли тамплиеров получили особый статус, никак не отраженный в официальных документах. И процесс этот продолжался. В 1346 году магистр госпитальеров Александр Сетон председательствовал на судебном заседании, регулярно проводившемся в бывшей прецептории тамплиеров. К этому времени данное владение наконец перешло в руки госпитальеров. Тем не менее оно все еще находилось под особым управлением и обладало особым статусом как имущество тамплиеров. Сохранились два документа, подписанные Александром Сетоном. Их содержание указывает на то, что спустя четыре года после роспуска ордена Храма «суды тамплиеров» все еще продолжали существовать.

Такие же «суды тамплиеров», сохранившие свое название, сохранились еще на протяжении двух столетий. Здесь мы вновь сталкиваемся с тем, что орден св. Иоанна хотя и получил право управления владениями храмовников, но по каким-то причинам, о которых предпочитали умалчивать, не имел возможности законно ассимилировать их. И вновь мы сталкиваемся с предположением о невидимом присутствии тамплиеров, которые держались в тени и ждали возможности вновь заявить о себе и законным образом вернуть собственность. Похоже, вся Шотландия – монархия и богатые землевладельцы – вступила с ними в тайный сговор для осуществления этого плана.

Таинственный рыцарь Дэвид Сетон

В начале девятнадцатого столетия известный специалист в области генеалогии и антиквар по имени Джеймс Мейдмент обнаружил монастырскую книгу записей – реестр сделок с землей, – относящуюся к «Terrae Templariae», входившим в состав земель ордена св. Иоанна, и датированную 1581 – 1596 годами. Помимо двух известных прецепторий тамплиеров, в ней упоминались еще три другие – Олдлистен, Денни и Танкертон. Кроме того, там были перечислены свыше 500 объектов собственности тамплиеров – от полей и огородов, мельниц и ферм до замков. В список входили даже четыре города. Воодушевленный своим открытием, Мейдмент продолжил исследования. Его окончательный перечень хранится в виде рукописи в Национальной библиотеке Шотландии и включает 579 владений тамплиеров!

Что же случилось со всей этой землей? Каким образом она перешла к другим владельцам и почему любые упоминания об этом исчезли из исторических хроник? Часть ответов на эти вопросы может быть найдена в архивах семьи, которая была одной из самых знатных и влиятельных семей Шотландии во времена Брюса. Это семейство Сетонов.

Сэр Кристофер Сетон был женат на сестре Брюса. Он присутствовал при убийстве Комина Брюсом и собственноручно убил дядю Комина, который предпринял попытку вмешаться. Кроме того, он присутствовал на коронации Брюса в Сконе в 1306 году. В битве при Метвене он был захвачен в

плен и – по приказу Эдуарда I – казнен. Такая же судьба постигла его брата, сэра Джона Сетона. Оба были казнены вместе с братом Брюса Нейлом. В 1320 году сын Кристофера Сетона Александр вместе с представителями других видных шотландских фамилий, таких как Сен-Клеры, подписал Арбротскую декларацию.

На протяжении следующих четырех столетий Сетоны играли важную роль во внутренних делах и внешней политике Шотландии. Поэтому не удивительно, что еще один Сетон, Джордж, в 1896 году составил исчерпывающую хронику своей семьи. В этом монументальном томе под названием «История семьи Сетонов» автор перечисляет всех своих многочисленных предков, от самых скромных до выдающихся и знаменитых. Он также называет других представителей семьи, которые не попали в стандартные родословные. Некоторые из них были скромными ремесленниками и бюргерами. Среди этого густого леса генеалогических деревьев можно найти одну особенно загадочную и важную запись:

«1560 г. Когда рыцари Храма при содействии великого магистра сэра Джеймса Сэндилендса были лишены своих наследственных прав, они создали новую организацию во главе с главным приором Шотландии Дэвидом Сетоном (племянником лорда Сетона?). Эта трансформация упоминается в забавной сатирической поэме того периода.

Дэвид Сетон умер за границей и, говорят, был похоронен в церкви шотландского монастыря в Ратисбоне (в настоящее время Регенсбург недалеко от Нюрнберга)».

В поэме содержится открытый намек на тамплиеров, и это тем более удивительно, если обратить внимание на дату ее написания. Утверждается, что через два с половиной столетия после официального роспуска ордена тамплиеры все еще действуют в Шотландии и переживают новый кризис. Но кто такой Дэвид Сетон? И кем был сэр Джеймс Сэндилендс?

Биографию последнего проследить достаточно просто. Он родился в 1510 году и был вторым сыном мелкопоместного дворянина. Отец Сэндилендса дружил с Джоном Ноксом, который после возвращения в Шотландию из Женевы поселился в фамильном поместье в Колдере. Несмотря на дружбу отца со сторонником протестантской реформы, юный Джеймс Сэндилендс незадолго до 1537 года вступил в ряды ордена св. Иоанна. В 1540 году он попросил у короля Якова V охранную грамоту, чтобы отправиться на Мальту и получить там от Великого Магистра ордена официальное подтверждение своего права наследовать родовую прецепторию Torphichen после смерти ее нынешнего настоятеля Уолтера Линдсей. В 1541 году права Сэндилендса были должным образом подтверждены Великим Магистром госпитальеров Хуаном Д'Омедесом. Вернувшись домой с Мальты, честолюбивый молодой человек затем направился в Рим, чтобы права на обещанную синектуру были подтверждены еще и папой.

Пять лет спустя, в 1546 году, умер Линдсей. В 1547 году Великий Магистр официально признал Сэндилендса приором Torphichen. В шотландском парламенте он был известен как лорд Сент-Джон и сидел на почетном месте. В 1557 году он вернулся на Мальту и был вовлечен в длительный и довольно глупый спор с мнимым родственником, тоже членом ордена, по вопросу о документально подтвержденном знатном происхождении. Спор вылился в публичный скандал, унизивший обоих, и вскоре мнимый родственник был арестован. В 1558 году Сэндилендс вернулся в Шотландию. Здесь он вместе с отцом активно поддерживал Реформацию и боролся против королевы-регентши Марии де Гиз, старшей сестры Франсуа, герцога де Гиза, и Карла, кардинала Лотарингского, которая в 1558

году сочеталась браком с королем Яковом V.

Поначалу может показаться загадкой, как мог Сэндилендс поддерживать протестантскую реформу и выступать против истинно католического правителя, одновременно оставаясь лояльным членом католического военного ордена. Тем не менее ему удалось примирить эти противоположные тенденции, причем мотивы, которыми он руководствовался, вскоре стали совершенно очевидными. В 1560 году указом шотландского парламента представительство папы в стране было упразднено, и права ордена св. Иоанна на прецепторию Torphichen аннулированы. Как приор ордена госпитальеров Сэндилендс был обязан вернуть короне всю собственность, находившуюся под управлением ордена. Вместо этого он отрекомендовал себя новому монарху, шотландской королеве Марии, как «...нынешний владелец поместья и прецептории Torphiche... которые никогда не принадлежали никакому капитулу или монастырю, за исключением ордена Рыцарей Иерусалима и храма Соломона».

Уплатив огромную сумму в 10 тысяч крон плюс ежегодную ренту, Сэндилендс выторговал себе право вечного владения собственностью, которой раньше он управлял в интересах госпитальеров. Как часть этой сделки он также получил наследственный титул барона Torphichen.

С предприимчивостью, достойной современного яппи, Сэндилендс обвел вокруг пальца госпитальеров, использовав их земли в своих собственных целях и получив огромную выгоду от этой сделки. Именно об этой махинации, или о ее некоторых аспектах, рассказывает упоминавшаяся выше сатирическая поэма. Дело в том, что земли, которые присвоил себе Сэндилендс, были не только владениями госпитальеров, но и частью имущества ордена Храма.

В 1567 году Сэндилендс присутствовал на коронации Якова VI, ставшего впоследствии Яковом I Английским. Умер он в 1579 году, а его наследником стал внучатый племянник, который родился в 1574 году, тоже именовался Джеймсом Сэндилендсом и получил титул второго барона Torphichen. Однако у молодого человека вскоре возникли финансовые затруднения, и он был вынужден продать все унаследованные земли. К 1604 году они перешли в руки Роберта Уильямсона, который одиннадцать лет спустя продал их лорду Томасу Биннингу, впоследствии графу Хаддингтону. Потом земли несколько раз переходили из рук в руки, пока, наконец, в начале девятнадцатого столетия их остатки не купил Джеймс Мейдмент.

Если жизнь сэра Джеймса достаточно легко проследить и задокументировать, то личность Дэвида Сетона представляется гораздо более загадочной. Сомнения возникают не только относительно того, кем он был, но и существовал ли такой человек вообще. Единственное письменное свидетельство его существования – это упомянутая выше поэма, которая побудила Джорджа Сетона в 1896 году включить его в генеалогическое древо семьи. Тем не менее ученые со всей серьезностью отнеслись к строчкам поэмы, считая их свидетельством чего-то такого, что люди и история старательно пытались скрыть.

Сетоны принадлежали к числу самых знатных и влиятельных фамилий Шотландии, на протяжении трех столетий играя важную роль в истории страны. Однако нельзя с достоверностью сказать, какое место на генеалогическом древе занимает таинственный Дэвид Сетон. Родословная 1896 года предполагает – и это вполне правдоподобно, – что он был внуком Джорджа, шестого лорда Сетона, который унаследовал титул в 1513 году и умер в 1549 году.

Сэндилендс, как отмечалось выше, был противником Марии де Гиз и не одобрял ее брака с Яковом

V. Он выступал против династического союза, связывающего Стюартов с европейским Лотарингским домом и его младшей ветвью, домом де Гизов. Джордж Сетон принадлежал к противоположному лагерю. В 1527 году он женился на некоей Элизабет Хей, от которой у него было два сына. Старший унаследовал его титул и стал седьмым лордом Сетоном; он был близким другом шотландской королевы Марии. Однако в 1539 году Джордж Сетон женился второй раз. Его невестой была Мария дю Плесси, приехавшая в Шотландию в свите Марии де Гиз. Брак с ней означал для Сетона установление тесных связей с королевским двором. Мария дю Плесси родила Сетону еще троих детей, Роберта, Джеймса и Марию. Мария Сетон стала фрейлиной королевы Марии Шотландской и вошла в легенды и баллады как одна из «трех Марий», в 1558 году сопровождавших королеву во Францию на свадьбу с дофином, впоследствии королем Франциском II. О Роберте и Джеймсе Сетоне почти ничего не известно, за исключением того, что последний умер примерно в 1562 году, а первый год спустя был еще жив. У обоих вполне могли быть дети, и специалисты в области генеалогии пришли к выводу, что Дэвид Сетон, вероятно, является сыном одного из братьев. Таким образом, он мог быть внуком шестого лорда Сетона и племянником седьмого.

Если Дэвид Сетон так неуловим, откуда же черпал информацию составитель родословной 1896 года? Нам известно лишь об одном печатном источнике, работе историка девятнадцатого века Уитворта Портера, который имел доступ к архивам госпитальеров в Валетте. В 1858 году Портер соблаговолил упомянуть лишь о том, что Дэвид Сетон «якобы был последним приором Шотландии, но покинул ряды ордена вместе с большей частью шотландских братьев в 1573-1573 годах». Он также добавляет, что Сетон умер в 1591 году – через десять лет после даты, указанной в генеалогии 1896 года, и был похоронен в церкви шотландских бенедиктинцев в Ratisbone. Портер также цитирует упоминавшуюся выше сатирическую поэму, заменив слово «Храм» на термин «Орден».

Совершенно очевидно, что даже в восемнадцатом столетии это был крайне деликатный вопрос. «Храм» звучит абсолютно недвусмысленно, а под «Орденом» можно понимать не только тамплиеров, но и госпитальеров, что в контексте тогдашних событий выглядит более убедительно. Может быть, составитель родословной 1896 года сознательно изменил текст поэмы? Если да, то почему? Если искажения имели место, то они с большей вероятностью могли появиться в ранней версии. Замена «Ордена» на «Храм» ничего не давала. Однако замена «Храма» на «Орден» снимала подозрения с рыцарей св. Иоанна в том, что они прятали в своих рядах тамплиеров.

Вопрос так и остался бы открытым, если бы не обнаружилась еще более ранняя версия поэмы, отпечатанная в 1843 году, за пятнадцать лет до того, как ее процитировал Портер. Она пришла не из архивов Валетты, а из шотландских источников. Эти источники будут рассмотрены нами несколько позже. Здесь следует отметить лишь тот факт, что текст поэмы издания 1843 года точно повторяет цитату, приведенную составителем родословной Сетонов 1896 года. В ней речь идет о Храме.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ШОТЛАНДСКАЯ ГВАРДИЯ

Кем бы ни был Дэвид Сетон и что бы ни случилось с тамплиерами, которые покинули орден вместе с ним, в те времена уже существовал институт шотландской знати, заявивший о себе как о хранителе традиций и наследнике тамплиеров. Этот институт даже мог частично совпадать с неуловимой организацией Сетона. Так это или нет, но он сохранил по крайней мере некоторые традиции тамплиеров и, хотя и косвенно, перенес их в более поздние образования, такие как масонство. Эта

организация, будучи исключительно шотландской, тем не менее, базировалась во Франции. Таким образом она подготовила убежище, в котором укрылись во Франции последние Стюарты, а также проложила дорогу якобитскому масонству – ориентировавшейся на тамплиеров разновидности масонства, – которое объединилось вокруг них.

В течение нескольких лет после битвы при Баннокберне Шотландия и Франция, объединенные общей ненавистью к Эдуарду II, еще больше укрепили свои военные связи. В 1326 году Брюс и французский король Карл IV подписали важный договор, обновляющий их «старую дружбу». Этот альянс укрепился во время Столетней войны. Так, например, в самый трудный момент французский дофин, впоследствии Карл VII, собирался бежать в Шотландию, и непременно сделал бы это, если бы не появление Жанны Д'Арк, изменившее ход событий. Шотландские солдаты играли ключевую роль во всех военных операциях Жанны, включая знаменитую осаду Орлеана, а епископом Орлеанским в тот период был шотландец Джон Киркмайкл. Главный штандарт Жанны – прославленное белое знамя, вокруг которого объединялась вся ее армия – было разрисовано шотландцем, а среди ее военачальников под Орлеаном был сэр Джон Стюарт и два брата Дугласа.

После ярких триумфов Жанны Франция, хоть и праздновавшая победу, была истощена и раздираема внутренними распрями. Порядку в стране угрожали банды демобилизованных наемников – опытных солдат, оставшихся без войны. Не имея других источников к существованию, многие из этих солдат стали разбойниками и опустошали сельскую местность, угрожая разрушить только что установившийся и еще хрупкий общественный порядок. Поэтому бывший дофин, ставший теперь Карлом VII, создавал регулярную армию. К этому времени госпитальеры сосредоточили все свои ресурсы на морских операциях в Средиземном море. Армия Карла стала первой регулярной армией в Европе после тамплиеров и первой после Римской империи, принадлежавшей конкретному государству, а если точнее, то конкретному трону.

Новая французская армия, созданная Карлом VII в 1445 году, состояла из пятнадцати рот («compagnies d'ordonance») численностью 600 человек каждая – всего 9000 человек. Среди них почетное место принадлежало шотландской роте, обладавшей особым статусом и считавшейся элитой армии. Она занимала явно привилегированное положение среди всех подразделений и на всех парадах шла первой. Командир роты шотландцев носил звание «главный командир роты французской кавалерии». Это неуклюжее звание было более чем почетным. Оно давало огромную власть и влияние на поле боя, при дворе и во внутренней политике.

Однако до создания регулярной армии и шотландской роты было сформировано еще более привилегированное и элитное подразделение, состоящее из шотландцев. В кровавой битве при Вернье шотландские полки продемонстрировали исключительное мужество и готовность к самопожертвованию. Почти все шотландцы погибли вместе со своим командиром Джоном Стюартом, графом Бьюкеном, а также другими дворянами, в числе которых были Александр Линдсей, сэр Уильям Сетон, графы Дуглас, Мюррей и Мар. Через год в ознаменование этого подвига было сформировано специальное шотландское подразделение, предназначенное для охраны французского короля. Сначала этот отряд состоял из тринадцати тяжеловооруженных всадников и двадцати лучников – всего тридцать три человека. Охрана неотлучно находилась при короле, вплоть до того, что даже спала в его опочивальне.

Элитное подразделение состояло из двух отрядов, «Garde du Roi» и «Garde du Corps du Roi» –

королевской гвардии и королевских телохранителей. Все вместе они известны под именем шотландской гвардии. В 1445 году, когда была сформирована регулярная французская армия, численность шотландских гвардейцев в несколько раз увеличилась. В 1474 году эта численность наконец была окончательно установлена – семьдесят семь гвардейцев плюс их командир и двадцать пять телохранителей со своим командиром. С поразительным постоянством офицеры и командиры шотландской гвардии становились членами ордена св. Михаила, отделение которого впоследствии было создано в Шотландии.

В сущности, шотландские гвардейцы представляли собой новую тамплиерскую организацию, причем в гораздо большей степени, чем чисто рыцарские ордена Подвязки, Звезды или Золотого Руна. Подобно тамплиерам, гвардия имела цель своего существования, в первую очередь военную, политическую и дипломатическую. Подобно тамплиерам, шотландская гвардия предлагала военную подготовку и имела военную иерархию, а также давала возможность участвовать в сражениях, чтобы приобрести опыт и овладеть воинским искусством. Подобно тамплиерам, гвардия действовала как самостоятельное воинское подразделение – именно так действуют в настоящее время элитные батальоны. Несмотря на то, что они не имели земли и не могли сравниться по численности с тамплиерами, шотландские гвардейцы все же были достаточно многочисленны, чтобы играть решающую роль в тех сражениях, которые проходили в то время в Европе. От тамплиеров они отличались в первую очередь отсутствием какой-либо религиозной составляющей, а также тем, что они давали клятву верности не папе, а французскому королю. Однако религиозные воззрения самих тамплиеров были неортодоксальными, а их подчинение папе почти что номинальным. Преданность шотландских гвардейцев французской короне также была не такой абсолютной, как могло показаться на первый взгляд – в этом у нас еще будет возможность убедиться. Подобно тамплиерам, шотландские гвардейцы проводили собственную политику, разрабатывали свои планы и защищали самые разные интересы.

На протяжении полутора веков шотландцы занимали уникальное положение во французском государстве. Они действовали не только на поле брани, но и на политической арене, выступая в качестве придворных и советников во внутренних делах, эмиссаров и послов в международных отношениях. Командиры шотландской гвардии обычно занимали и должность королевского камергера, а также совмещали несколько других постов, не только почетных, но и выгодных. Неудивительно, что жалованье их было для того времени необычайно высоким. В 1461 году капитан гвардии получал 167 ливров в месяц, то есть более 2000 в год. Это соответствовало примерно половине дохода от дворянского поместья. Таким образом, офицеры шотландской гвардии имели возможность жить в достатке и роскоши.

Подобно тамплиерам, ряды которых пополнялись из аристократии того времени, шотландская гвардия набирала своих офицеров и командиров среди самых знатных и благородных семейств Шотландии, игравших важную роль на протяжении всей истории страны и остающихся на слуху в наше время – Кокбернов, Каннингемов, Гамильтонов, Хей, Монтгомери, Сетонов, Сен-Клеров и Стюартов. С 1531 по 1542 год в шотландской гвардии служили три Стюарта, один из которых был капитаном. С 1551 по 1553 год в гвардии было не менее пяти представителей семейства Монтгомери, причем один из них занимал должность капитана, и четверо Сен-Клеров. В 1587 году, во времена таинственного Дэвида Сетона, в отряде насчитывалось четыре Сетона, три Гамильтона, два Дугласа

и один Сен-Клер. Совершенно очевидно, что шотландская гвардия служила не только французскому трону, но и тем семьям, которые направляли туда своих представителей. В сущности, это подразделение являло собой сочетание ритуалов перехода и полигона для молодых шотландских дворян – здесь они постигали азы воинского искусства, политики, придворной жизни, усваивали манеры и нравы другого государства и, вполне возможно, некоторые ритуалы и традиции. В личной беседе с нами один из здравствующих членов семьи Монтгомери рассказывал о том, что он сам и его родственники по-прежнему гордятся тем, что их предки служили в шотландской гвардии. Кроме того, он сообщил, что в семье существовал некий частный полумасонский и полурыцарский орден, в который имели право вступить все члены семьи Монтгомери мужского пола. По его словам, орден был основан во времена существования шотландской гвардии и назван орденом Храма.

Теоретически шотландские гвардейцы хранили верность французскому трону, а если точнее, то династии Валуа, которая в тот период занимала этот трон. Однако легитимность самих Валуа в те времена яростно оспаривалась многочисленными и могущественными претендентами. Самым главным из них был Лотарингский дом и его младшая ветвь, дом де Гизов. И действительно вся история семнадцатого века построена на кровавой вражде этих двух соперничавших династий. Дом де Гизов и Лотарингский дом были полны решимости сместить Валуа – по возможности политическими методами, а при необходимости с помощью убийства – и самим утвердиться на троне. К 1610 году как минимум пять французских монархов умерли либо насильственной смертью, либо в результате отравления, а Лотарингский дом и дом де Гизов истощились в результате многочисленных убийств.

В этой междоусобной войне важная роль принадлежала шотландской гвардии. Положение ее было двусмысленным. С одной стороны, номинально они были преданы королям из династии Валуа, у которых они были личными телохранителями и составляли основу армии. С другой стороны, для них было бы невозможным не иметь связей с Лотарингским домом и домом де Гизов. Мы уже упоминали о том, что в 1538 году Мария де Гиз вышла замуж за Якова V Шотландского, в результате чего образовалась прочная связь между этими династическими домами. Когда на трон взошла дочь Марии де Гиз, то оказалось, что в жилах шотландского монарха течет кровь Стюартов, а также де Гизов. К этому факту аристократы из шотландской гвардии вряд ли могли остаться равнодушными. В 1547 году Генрих II, французский король из династии Валуа, повысил их статус и добавил привилегий. Тем не менее шотландская гвардия нередко активно – и не всегда тайно – поддерживала соперников Генриха из Лотарингского дома. Так, например, в 1548 году юная Мария Стюарт в возрасте шести лет приезжала во Францию в сопровождении шотландских гвардейцев. Десять лет спустя подразделение шотландской гвардии находилось на острие атаки армии герцога де Гиза Франсуа в сражении, сделавшем его национальным героем, когда он выбил англичан из порта Кале, долгое время служившего предметом ожесточенного спора между двумя странами.

Среди шотландских семей, отпрыски которых пополняли ряды гвардии, была, как мы уже видели, семья Монтгомери. В 1549 году в подразделении одновременно служили пять человек по фамилии Монтгомери. На протяжении почти двадцати лет, с 1543 по 1561 год, отрядом шотландской гвардии командовал сначала Джеймс Монтгомери, затем Габриэл Монтгомери, а потом опять Джеймс. В июне 1559 года произошло одно из самых драматичных событий в истории шестнадцатого столетия, навеки вписавшее Габриэла де Монтгомери, его семью и всю шотландскую гвардию в анналы

истории. Вольно или невольно именно он нанес решающий удар по Лотарингскому дому и де Гизам. Среди других торжеств по случаю бракосочетания двух его дочерей Генрих II Французский планировал провести грандиозный рыцарский турнир, на который была приглашена знать со всей Европы. Король был известен своей страстью к рыцарским поединкам и намеревался лично принять участие в турнире. Собравшиеся поглазеть на великолепное зрелище простой люд и дворяне видели, как он вносит себя в списки. Сначала король должен был драться с герцогом Савойским, а затем с Франсуа, герцогом де Гизом. Третий поединок зрители считали самым безопасным, поскольку соперником Генриха выступал его старый друг и преданный слуга, капитан шотландской гвардии Габриэл Монтгомери. Поскольку ни один из противников не был выбит из седла, Генрих посчитал, что переломленных в стычке копий недостаточно. Несмотря на протесты свиты, он потребовал второй схватки, и Монтгомери согласился. Всадники понеслись навстречу друг другу, и их копья, как и положено, переломились. Но Монтгомери «не отбросил сломанное древко», которое ударило в шлем короля; от этого удара открылось забрало шлема, и зазубренный кусок дерева вонзился в голову Генриха над правым глазом.

Все были в ужасе. Полдюжины преступников были обезглавлены, и им нанесли такие же, как у короля, раны, которые лекари принялись поспешно изучать, пытаясь найти наилучший метод лечения. Их усилия ни к чему не привели, и Генрих – после одиннадцати дней мучений – скончался. Многие стали высказывать подозрения, но действия Монтгомери не могли быть не чем иным, как случайностью, и ему не предъявили официального обвинения в смерти короля.

Тем не менее здравый смысл подсказал ему, что нужно оставить пост капитана шотландской гвардии, и Монтгомери удалился в свои владения в Нормандии. Впоследствии в Англии он перешел в протестантскую веру. Вернувшись во Францию, Монтгомери затем стал одним из военных лидеров протестантов во время религиозных войн. Он был захвачен в плен и казнен в Париже в 1574 году.

Смерть Генриха II привлекла к себе такое внимание и вызвала столько слухов в первую очередь потому, что была предсказана. На самом деле она была предсказана дважды: сначала за семь лет известным астрологом Лукой Гаурико, а четыре года спустя Нострадамусом, который опубликовал первый из своих знаменитых сборников предсказаний.

Многочисленные строки предсказаний Нострадамуса нашли отклик в душах многих людей и буквально витали над турнирным ристалищем. Смерть Генриха выглядела убедительным доказательством способности Нострадамуса «предвидеть будущее» и сделала его ведущим прорицателем Европы в глазах не только современников, но и далеких потомков. Тем не менее мы, как и некоторые другие исследователи, полагаем, что смерть французского короля от руки Габриэла де Монтгомери была вовсе не случайностью, а частью изощенного плана. В свете открывшихся в наше время фактов «пророчество» Нострадамуса было вовсе не пророчеством, а неким планом действий – возможно, закодированной инструкцией или сигналом. Но кому и от кого? Либо Лотарингскому дому и де Гизам, либо от них, поскольку от их имени выступал Нострадамус, являвшийся, как представляется теперь, их тайным агентом. Если это действительно так, то Габриэл де Монтгомери должен был быть его сообщником или, по крайней мере, инструментом, которого специально выбрали для осуществления плана, чтобы никто не мог обвинить его в преступных намерениях.

Разумеется, смерть Генриха была на руку Лотарингскому дому и дому де Гизов. Однако несмотря на

все более наглые попытки извлечь из нее пользу, им не удалось это сделать так, как они рассчитывали. Все следующее десятилетие во Франции царил анархия, пока враждующие фракции – Валуа и Лотарингский дом – плели интриги и открыто боролись за трон. В 1563 году был убит герцог де Гиз Франсуа. Шотландская гвардия все более открыто поддерживала интересы Стюартов, совпадавшие с интересами Лотарингского дома. Вследствие этого росло недоверие к шотландцам со стороны Валуа, и в конце концов сын Генриха II, Генрих III, отказался выделять средства на их содержание. Впоследствии шотландская гвардия была восстановлена, но она уже никогда не смогла занять прежнего положения.

В Шотландии и во Франции развязка наступила практически одновременно. В 1587 году королева Шотландии Мария Стюарт была казнена по приказу своей родственницы Елизаветы I. В 1588 году сын Франсуа де Гиза, новый герцог де Гиз, и его брат, кардинал де Гиз, были убиты в Блуа по приказу Генриха III. Через год сам Генрих был убит сторонниками Лотарингского дома и де Гизов. И только при Генрихе IV, которого признавали обе враждующие партии, во Франции установилось некое подобие порядка.

Однако к этому моменту Лотарингский дом и де Гизы лишились двух поколений энергичных и харизматичных, но в то же время безжалостных молодых людей. Династия Валуа пострадала еще больше: она была полностью уничтожена и больше не вернулась на французский трон. На протяжении следующих двух веков Францией правили Бурбоны.

Что касается шотландской гвардии, то после восстановления ее численность была значительно сокращена, и к 1610 году гвардейцы потеряли все свои привилегии, превратившись в обычное подразделение французской армии. В семнадцатом веке две трети личного состава шотландской гвардии были не шотландцами, а французами. Тем не менее, они сохранили воспоминания о былой славе. В 1612 году гвардейцами командовал герцог Йоркский, будущий король Англии Карл I. Интересно отметить, что в 1624 году в списках личного состава подразделения значились три Сетона, одного из которых звали Дэвид. В 1679 году он получил чин бригадира. Сама шотландская гвардия сохранилась до 1747 года, когда подразделение принимало участие в войне за австрийское наследство и отличилось в битве при Лауфельде. Таким образом, шотландская гвардия, несмотря на то что значение ее со временем ослабевало, была по сути своей новой тамплиерской организацией. Кроме того, она служила важным средством передачи традиций. Дворяне, служившие в гвардии, являлись наследниками оригинальных традиций тамплиеров. Они послужили каналом, при помощи которого эти традиции вернулись во Францию и укоренились там, чтобы через два столетия принести плоды. В то же время контакты с Лотарингским домом и домом де Гизов позволили им познакомиться с другим массивом «эзотерических» традиций. Часть этих традиций проложила себе дорогу в Шотландию вследствие брака Марии де Гиз с Яковом V, а часть через семьи, члены которых служили в шотландской гвардии. В результате такого сплава образовалось ядро будущего ордена – франкмасонов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РОССЛИН

Примерно в трех милях от Эдинбурга раскинулась деревенька Росслин. Она состоит из единственной улицы с рядом магазинчиков и двумя пабами в конце. Деревня начинается у края крутого ущелья – долины реки Эск. В семи милях от этого места, там, где сливаются северный и

южный рукава реки Эск, расположена бывшая прецептория тамплиеров Balantrodoch, которая теперь называется просто Темпль.

Долина Северного Эска – это загадочное, населенное призраками место. С крутых склонов на путника смотрят вырезанные из мшистых скал древние языческие головы. Ниже по течению в пещере за водопадом можно обнаружить нечто, напоминающее еще одну гигантскую голову с запавшими глазами – либо разрушенное временем творение человеческих рук, либо результат игры природных сил. Тропинка, идущая через долину, петляет между многочисленных каменных развалин и проходит мимо вырезанного в скале каменного окна. Позади окна находится настоящий лабиринт туннелей, в котором могут укрыться сотни человек и вход в который доступен только посвященному: чтобы попасть в лабиринт, нужно сначала спуститься в колодезь.

На самом гребне ущелья примостилось необычное и мрачное сооружение, часовня Росслин. Первое впечатление, которое она производит, – это собор в миниатюре.

Нельзя сказать, что часовня уж очень мала. Но она настолько перегружена готической резьбой и пышными замысловатыми украшениями, что выглядит усеченной частью чего-то более грандиозного, например, фрагментом Шартрского собора, перенесенным на вершину холма в Шотландии. Часовня передает ощущение оборванной роскоши, как будто ее создатели, вложив удивительное искусство и дорогие материалы в постройку, внезапно прекратили работы.

Именно так и произошло. У них кончились деньги. По первоначальному замыслу часовня Росслин должна была стать частью более грандиозного сооружения, полноценного собора во французском стиле. В связи с отсутствием денег проект не был реализован. Из западной стены выступают массивные каменные плиты, ожидая, что строительство будет продолжено, но этого так и не случилось.

Внутреннее убранство часовни – это воплощенный в камне горячечный бред, буйство резных образов и геометрических фигур, переплетающихся и нагроможденных одна на другую. Войдя в часовню, оказываешься в окружении, которое можно охарактеризовать как изложение в камне понятия «эзотерика».

Как и следовало ожидать, с часовней Росслин связаны всевозможные тайны и легенды. Самая известная из этих легенд относится к необычной колонне в восточной части постройки, которая в наше время носит название «Колонна подмастерья». Вот как звучит эта легенда в записи 1774 года. «... в семье Росслин есть предание, передающееся от отца к сыну. Чертежи этой прекрасной колонны были присланы из Рима или откуда-то еще. Мастер-каменотес не стал браться за изготовление колонны, не взглянув на образец, с которого были сняты, эти чертежи. Поэтому он отправился за границу, в Рим или другой город, а в его отсутствие подмастерье – неизвестно, что побудило его к этому, – изготовил колонну в том виде, в каком она предстает перед нами сейчас. По возвращении мастер, увидев превосходно законченную работу, узнал, чьих это рук дело, и в приступе зависти убил ученика».

Над западным входом в часовню расположена вырезанная из камня голова юноши с раной на правом виске. Говорят, что это голова убитого подмастерья. Напротив находится голова бородатого мужчины – это убивший его мастер. Справа можно увидеть еще одну голову, на этот раз женскую. Ее называют «вдовствующей матерью». Таким образом, становится очевидным, что неизвестный талантливый юноша был – если использовать знакомое всем масонам выражение – «сыном вдовы».

Как мы уже отмечали выше, точно так же называли Персеваля, или Парцифаля, в романах о Граале. Масонские коннотации часовни Росслин и ее символика вряд ли являются совпадением, поскольку она была построена семьей, которая – возможно, в большей степени, чем другие семьи Британии, – ассоциируется с масонством. Это Сен-Клеры, или Синклеры – именно таково современное произношение их фамилии.

Сэр Уильям Синклер и часовня Росслин

Как мы уже видели, знатные шотландские фамилии, такие как Гамильтоны, Монтгомери, Сетоны и Стюарты, на протяжении нескольких поколений отправляли своих сыновей служить в шотландскую гвардию. Так же поступали и Синклеры. В конце пятнадцатого века в гвардии служили одновременно три Синклера. В середине шестнадцатого столетия – во времена Габриэла де Монтгомери – в подразделении числилось не менее четырех Синклеров. Всего с 1483 года и до гибели Марии Стюарт в 1587 году списки личного состава шотландской гвардии подтверждают службу десяти членов этой шотландской семьи. Была еще и французская ветвь этой семьи, норманнские Сен-Клеры, игравшие важную роль во французской политической жизни той эпохи.

В то время как одни члены семьи Синклеров поступали на военную и дипломатическую службу на континенте, другие находили себе место на родине, где семья обладала серьезным политическим влиянием еще со времен Брюса. В начале четырнадцатого века Уильям Синклер был епископом Данкелда. Вместе с епископом Глазго Уишартом и епископом Сент-Эндрусским Ламбертоном, епископом Айлса Марком и епископом Морья Дэвидом он входил в пятерку ведущих шотландских прелатов, объединившихся вокруг Брюса и его дела. Племянник епископа, которого тоже звали Уильям, был вассалом Брюса и одним из его лучших друзей. После смерти Брюса именно сэр Уильям Синклер вместе с сэром Джеймсом Дугласом отправился с сердцем монарха на Святую Землю, чтобы найти свою смерть в Испании.

В конце четырнадцатого века, за сто лет до Колумба, другой Синклер предпринял еще более отчаянную экспедицию. В 1395 году сэр Генри Синклер, граф (или, как его иногда называют, «принц») Оркни, вместе с венецианским купцом Антонио Зено попытался пересечь Атлантику. Он достиг берегов Гренландии, где, по утверждению брата Зено, тоже путешественника, в 1391 году тот обнаружил монастырь; исследования недавнего времени дают основания предположить, что он мог добраться и до континента, который впоследствии был назван Новым Светом. По некоторым источникам, его маршрут лежал в Мексику. Если это действительно так, то неудивительно, почему в 1520 году ацтеки идентифицировали высадившегося в Мексике Кортеса не только с богом Кетцалькоатлем, но и со светловолосым, голубоглазым и белокожим человеком, который якобы появлялся на этих землях задолго до него.

Внук «принца» Генри сэр Уильям Синклер тоже проявлял активность в морских делах. Муж племянницы сэра Джеймса Дугласа и зять самого сэра Джеймса в 1436 году был назначен адмиралом Шотландии, а впоследствии стал еще и канцлером. Однако наибольшую известность, которая навсегда связала его с масонством и эзотерическими традициями, он приобрел на ниве архитектуры. Именно при содействии сэра Уильяма в 1446 году в Росслине был заложен фундамент большой коллегиальной церкви. В 1450 году церковь была формально посвящена св. апостолу Матфею, и строительство началось. Пока шли работы по возведению церкви, главой семьи стал другой Уильям Синклер – возможно, племянник основателя Росслина. Он поступил на службу в шотландскую

гвардию и со временем добился высокого положения.

Строительство часовни Росслин заняло сорок лет. Оно было завершено в 80-х годах пятнадцатого века сыном сэра Уильяма, Оливером Синклером, близким другом лорда Джорджа Сетона, с которым они дали друг другу клятву верности. Оливер Синклер так и не продолжил возведение оставшейся части церкви, вероятно, потому – как выяснилось не так давно, – что ресурсы семьи были отвлечены на другие цели. Внук сэра Уильяма, которого тоже звали Оливер, сделал военную карьеру; он был близким другом и дворцовым экономом Якова V. В 1542 году он командовал шотландской армией в сражении при SolveyMoss и попал в плен. Присягнув на верность англичанам, он был отпущен, но, похоже, не сдержал слова. В 1545 году вышел приказ о его аресте, и с этих пор его имя исчезает со страниц истории. Возможно, он скрылся в шотландской глубинке или за границей.

Брат Оливера Генри Синклер был епископом Росса. В 1541 году его назначили аббатом Илвиннинга – это место будет иметь большое значение для масонов. В 1561 году он получил должность тайного советника при дворе Марии Шотландской. Неудивительно, что он поддерживал тесные связи с Лотарингским домом и де Гизами и проводил много времени в Париже. Младший брат Генри и Оливера Джон также стал епископом. Он тоже был членом Тайного совета и в 1565 году сочетал браком королеву Шотландии Марию с Генри Стюартом, лордом Дарили.

Таким образом, в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях Синклеры находились в самой гуще политической жизни Шотландии. Они вращались в тех же кругах, что Сеттоны и Монтгомери. Точно так же они были близки к королевскому дому Стюартов, посылали своих представителей в шотландскую гвардию и поддерживали тесные связи с Лотарингским домом и де Гизами в Европе. Отношения с Лотарингским домом и де Гизами у них были еще более близкими благодаря французской ветви семьи. В то же время Синклеры – в гораздо большей степени, чем другие знатные шотландские семьи, – постепенно присоединялись к течению, которое будущие масоны будут считать своими корнями.

Фундамент часовни Росслин был заложен в 1446 году, но работы по ее возведению начались лишь через четыре года. Это достоверно известные и документально подтвержденные факты. Вся остальная информация – вполне правдоподобная и никем не опровергнутая – основывается на более поздних источниках, датированных полутора, а в некоторых случаях тремя и более веками позднее.

По этой информации, сэр Уильям Синклер, ведя подготовку к строительству часовни, привез каменщиков и других ремесленников из континентальной части Европы. Сам город Росслин предположительно построен как место жительства новоприбывших. Предание также гласит, что «... в 1441 году король Шотландии Яков II назначил Сен-Клера покровителем и защитником шотландских каменщиков. Должность эта была наследуемой, и после его смерти примерно в 1480 году наследники проводили ежегодные собрания в Килвиннинге... назначение глав гильдий оставалось прерогативой королей Шотландии, пока Яков VI, став королем Англии, не отменил этот порядок».

Важно помнить, что в этом контексте слово «каменщик» не имеет никакого отношения к масонству. Оно относится исключительно к профессиональной гильдии строителей и каменотесов. Эти люди не были простыми ремесленниками, неграмотными и необученными чернорабочими. Однако они также не были и философами-мистиками, которые в свободное от работы время встречались в укромных местах, проводили тайные обряды с использованием паролей и многозначительных рукопожатий,

обсуждали загадки космоса. По терминологии, которая возникла гораздо позже, эти люди считались практиками «ремесленного масонства» – другими словами, занимались практическим применением математики и геометрии к искусству архитектуры.

Таким образом, назначение сэра Уильяма Синклера главой гильдии каменщиков просто указывает на его познания в строительном деле, а возможно, и в математике и геометрии, которые ассоциировались с архитектурой. Само по себе это очень необычно. Как правило, лорд, монарх, муниципалитет или любой другой заказчик нанимал целую команду архитекторов и каменщиков, которые выполняли всю работу самостоятельно. Глава этой группы, которого называли «управляющим работами», разрабатывал чертежи на основе простейших геометрических принципов, и вся последующая работа велась по этому плану. Управляющий работами заказывал деревянные шаблоны по своим чертежам, и каменщики использовали эти шаблоны при возведении стен.

Однако в Рослине сэр Уильям Синклер, похоже, сам разработал проект и сам выступал в качестве «управляющего работами». В начале восемнадцатого века пасынок одного из Синклеров – у него был доступ к семейным документам и архивам, которые сгорели при пожаре в 1722 году, – писал: «... он [сэр Уильям Синклер] задумал построить дом для богослужений самого необычного вида, и для того, чтобы сделать это с должным великолепием и красотой, он привез ремесленников из других районов и стран... и в самом конце работа была чрезвычайно искусной. Сначала он приказал нарисовать чертежи по восточным образцам; плотники сделали резьбу по этим рисункам и отдали ее каменщикам, чтобы те повторили ее в камне».

Таким образом, сэр Уильям явно обладал гораздо большими знаниями и навыками, чем типичный дворянин того времени, и его назначение «покровителем и защитником шотландских каменщиков» было не просто почетным. Как указывают другие документы, на эту должность человека назначал король, но в согласовании участвовали и сами каменщики или, по крайней мере, утверждали его. Одна из таких грамот гласит: «Лэрды Рослина всегда были нашими покровителями и защищали наши привилегии». Более поздний документ, датированный концом семнадцатого века, сообщает: «Лэрды Рослина были великими архитекторами и покровителями строительства на протяжении многих поколений. Они обязаны принимать слово каменщиков, тайный знак, по которому они узнают друг друга во всем мире...»

В 1475 году, когда возведение Рослина еще не было завершено, каменщикам Эдинбурга была пожалована грамота, в которой их сообщество признавалось гильдией, и этой гильдии давалось право устанавливать правила ремесла. Это обычное для Средних веков объединение впоследствии получило название «Корпорация часовни св. Марии» – в честь места, где была утверждена грамота. Однако несмотря на свою обыденность, оно приобрело особый смысл для масонов последующих эпох. Впервые появившись в Шотландии, франкмасонство вначале было сосредоточено вокруг ложи, которая получила название «Ложи № 1», или «ложи часовни св. Марии».

Вслед за этой образовывались и другие подобные корпорации, но следующий документ появился лишь столетие спустя. В 1583 году советник Якова V (впоследствии Якова I Английского) Уильям Шоу получил от короля должность управляющего работами и «Верховного надзирателя каменщиков». Копия устава, написанная его собственной рукой в 1598 году, хранится по сей день в старейшей книге протоколов ложи часовни св. Марии в Эдинбурге. Назначение Шоу, разумеется, не предполагало никакого вызова статусу Синклеров или узурпации их привилегий. Это было

внутреннее дело самих каменщиков, и стремление решать свои дела самим стало одним из основополагающих принципов масонства. С другой стороны, назначение Шоу было исключительно внешним, делая его чиновником в королевском административном аппарате – вроде неперменного секретаря в наши дни. Таким образом, он выполнял функцию своего рода посредника или омбудсмана между каменщиками и короной.

Срок пребывания в должности Шоу закончился в 1602 году. Примерно в это же время вышел еще один важный документ, известный под названием «Хартии Сен-Клера». В нем содержится жалоба на то, что «...наша гильдия сильно пострадала от покровителя, защитника и надзирателя, который допустил множество несправедливостей». Из этого можно сделать вывод, что Синклеры, несмотря на передававшуюся по наследству должность, были равнодушными и нерадивыми – если не хуже. Тем не менее в хартии подтверждается верность Уильяму Синклеру и его наследникам как надзирателям, покровителям и арбитрам гильдии и ее членов. Подписи под этим заявлением говорят о том, что в это время уже существовали ложи в Эдинбурге, Данфермлине, Сент-Эндрусе и Хаддингтоне.

В 1630 году появилась вторая «Хартия Сен-Клера». Она повторяла положения предыдущей хартии и развивала их. Подписи под ней свидетельствовали об образовании новых лож в Данди, Глазго, Эре и Стерлинге. Таким образом, этот документ является явным свидетельством растущего распространения лож и в то же время процесса усиливающейся их централизации. Кроме того, очень важным здесь является подтверждение давних связей между каменщиками и Синклерами, независимо от небрежности последних. Из этого можно сделать вывод, что сотрудничество семьи с гильдией основывалось либо на общем знании, либо на традиции, которая укоренилась так глубоко, что не подлежала изменению. Кроме того, можно прийти к заключению, что в начале семнадцатого столетия и каменщики, и Синклеры считали желательным продлить свое сотрудничество. К этому времени каменщики добились определенного влияния, которое – это было понятно всем современникам – должно было только расти. Сотрудничество с ними, по причинам, которые станут понятны позднее, было очень престижным. Никто, в том числе и другие известные шотландские семьи, не осмеливался покушаться на права Синклеров или присвоить их себе. Сетоны, Гамильтоны, Монтгомери и другие семьи, включая Стюартов, оказались вовлечены в зарождающееся масонство. И действительно, в документе, датированном 1658 годом, некто Джон Милн, «мастер ложи в Сконе, по желанию его королевского величества посвятил Якова VI в цеховые мастера франкмасонов».

Почетное место, тем не менее, по-прежнему оставалось за Синклерами.

Росслин и цыгане

Синклеры были не только наследными покровителями и защитниками каменщиков. В шестнадцатом столетии они также приобрели известность как защитники и покровители цыган, которые «пользовались благосклонностью и защитой семьи Росслин еще в первой четверти семнадцатого века». В Шотландии всегда жестоко преследовали цыган, а во времена Реформации эти преследования усилились. В 1574 году шотландский парламент издал указ, что всех задержанных цыган следует сечь плетью, выжигать на щеке или ухе клеймо или отрезать правое ухо. В 1616 году был принят еще более суровый закон. К концу семнадцатого столетия цыган в массовом порядке депортировали в Вирджинию, на Барбадос и Ямайку.

Однако в 1559 году сэр Уильям Синклер был верховным судьей при дворе королевы Марии.

Несмотря на то, что его усилия не были особенно успешными, он все же пытался противодействовать суровым законам, направленным против цыган. Говорят, что однажды он воспользовался своим высоким положением, вмешался в судебное дело и спас какого-то цыгана от виселицы. С тех пор цыгане каждый год останавливались в поместье Синклера, который с готовностью предоставлял им убежище. Каждый май и июнь они собирались в полях неподалеку от замка Росслин и устраивали свои представления. Говорят, что сэр Уильям Синклер даже отдал в их распоряжение две башни замка, чтобы цыгане могли укрыться в них, когда оказываются поблизости. Эти башни стали известны под именами «Робин Гуд» и «Литтл Джон». Название башен говорит само за себя, поскольку «Робин Гуд и Литтл Джон» – это любимая пьеса английских и шотландских цыган, которую они разыгрывали на майских представлениях. Как и сами цыгане, пьеса была запрещена указом шотландского парламента от 20 июня 1555 года, в котором говорилось, что «никому не позволено изображать Робин Гуда, Литтл Джона, короля «пира дураков» и королеву Мая».

Цыгане издавна считались ясновидящими. К началу семнадцатого столетия это качество все чаще приписывалось масонам. Одно из самых первых и самых известных упоминаний о масонстве появляется в поэме Генри Адамсона из Перта «Дни муз». В поэме содержатся такие часто цитируемые строки:

«Ибо мы братья Розового Креста,
Мы владеем Словом Мастера и вторым зрением,
Грядущее мы можем предсказать...»

Это первое из всех известных предположений, что масоны наделены «сверхъестественными способностями». Данные способности явно совпадают с теми, что приписывались цыганам, а общим знаменателем между цыганами и масонством был сэр Уильям Синклер.

Для эволюции и развития франкмасонства важнее тем не менее тот факт, что цыгане приезжали в Росслин давать представления. Один известный специалист, однако, утверждает, что труппы, каждый май и июнь собиравшиеся в Росслине, были вовсе не цыганскими, а «на самом деле представляли собой сообщества бродячих актеров». Цыгане или нет, но факт остается фактом: в доме верховного судьи Шотландии они регулярно исполняли запрещенную законом пьесу.

Зачем же ее запретили? Отчасти, конечно, из-за самого сюжета, который рассказывал о легендарном «разбойнике» и считался «подрывным». Отчасти это произошло потому, что суровый протестантизм кальвинистского толка, который пропагандировался в Шотландии Джоном Ноксом, объявил весь театр «аморальным» – точно также, как пуритане Кромвеля в Англии сто лет спустя. Но главная причина становится понятной из текста самого запрещающего указа: «Никому не позволено изображать Робин Гуда, Литтл Джона, короля «пира дураков» и «королеву Мая». На самом деле глава «пира дураков» – это легендарный брат Тук, а «королева Мая» больше известна под именем подружки Робин Гуда. Оба этих персонажа изначально отличались от тех образов, в которых их превратили более поздние легенды. В средневековой Англии и Шотландии Робин Гуд был лишь «во вторую очередь» благородным разбойником. В основном его воспринимали как волшебного персонажа, наследника древнего кельтского и саксонского бога растительности и плодородия, так называемого «зеленого человека». В народном фольклоре его также называли «Зеленым Робинном», «Робинном из Зеленого леса» и «Робинном Весельчаком». У Шекспира в «Сне в летнюю ночь» он

появляется под именем Пака, который в ночь летнего солнцестояния считается покровителем изобилия, любви и брака.

В сущности, легенда о Робин Гуде – это ловкий трюк, при помощи которого древние языческие обряды, связанные с плодородием, пробивали себе дорогу в сердце номинально христианской Британии. Каждый год в мае месяце устраивался веселый языческий праздник. Все обряды сосредоточивались вокруг «майского дерева», традиционного символа древней богини любви и плодovitости. На Иванов день каждая девушка деревни становилась «королевой Мая». Многих уводили в лес, где их лишали девственности молодые парни, которые играли роль Робин Гуда, или Робина Весельчака, а в это время брат Тук, или король «пира дураков», совершал обряд, «благословляя» сплетенные в объятиях парочки в пародии на официальное бракосочетание. Благодаря такому распределению ролей границы, разделяющие театральный маскарад и древний обряд, окончательно размывались. Майский праздник представлял собой настоящую оргию. Через девять месяцев по всей Англии собирался ежегодный урожай новорожденных. Это были те самые «дети Робина», от которых произошли такие фамилии, как Робинсон или Робертсон.

Таким образом, в условиях того времени пьеса «Робин Гуд и Литтл Джон» – та самая пьеса, которая каждый год в мае и июне месяце разыгрывалась в Росслине цыганами или бродячими актерами, и персонажами которой были разнузданный король «пира дураков» и напоминающая Венеру «королева Мая» – не была обычным драматическим представлением, к которому мы привыкли сегодня. Совсем наоборот, это был языческий ритуал или изображение языческого ритуала, которое христиане любого толка – как кальвинисты, так и сторонники римско-католической церкви – воспринимали не иначе как постыдный и греховный. Именно такой смысл вкладывался в слово «театр» сельским населением в те далекие времена. Поэтому неудивительно, что мрачные и лицемерные пуритане-законники в Шотландии шестнадцатого и Англии семнадцатого века ханжески возмущались подобным «театром».

Показательно, что Синклеры не только разрешали такие театральные действия, но приветствовали их и брали под свое покровительство. Росслин был для них не только идеальной средой. Вполне возможно, что он был построен специально для них. Доминантная идея часовни, скрывающаяся под пышными христианскими покровами, является откровенно языческой и кельтской. В ее убранстве чаще всего встречается изображение «зеленого человека» – человеческая голова с растущей изо рта, а иногда и из ушей виноградной лозой, которая расползается по всем стенам. И действительно, в часовне Росслин на вас отовсюду смотрит «зеленый человек», выглядывая из похожих на лианы завитков, которые он сам же и породил. Его голова – создает впечатление, что тела у нее никогда не было, – напоминает те головы, которым якобы поклонялись тамплиеры, или отрубленные головы из древних кельтских обрядов, служившие талисманами плодородия и изобилия. Таким образом, часовня Росслин обращается и к тамплиерам, и к древнему Кельтскому королевству, которое стремился возродить Брюс.

В часовне Росслин наблюдается смешение важных и зачастую разнородных элементов. Остатки традиций далекого прошлого сочетались с новаторскими и даже опережавшими свое время идеями. Причиной этого могло быть продуктивное взаимодействие между Синклерами, работавшими под их покровительством каменщиками и пользовавшимися их защитой цыганами или бродячими актерами. Сплав этих элементов явился важным шагом на пути формирования франкмасонства. Однако для

этого еще предстояло ассимилировать и другие элементы, например старинное рыцарское наследство тамплиеров, а также добавить совершенно новые, но не менее важные.

Таким образом, для сельского населения понятие «театр» ассоциировалось с такими представлениями, как «Робин Гуд и Литтл Джон». Однако в городских центрах Британии существовал и другой театр, более похожий на тот, к которому мы привыкли, и в большей степени готовый занять законное место в культурной традиции. Это был миракль, или мистерия, которая впервые появилась еще в двенадцатом столетии, а наивысшего расцвета достигла в четырнадцатом и пятнадцатом веках. Беря за основу мессу, миракль являл собой некую комбинацию драмы и карнавала. Большинство мираклей были организованы в циклы, четыре из которых живы и поныне. Это циклы Йорка, Честера, Уэйкфилда и еще один, который иногда связывают с Ковентри. Перемещаясь из церквей на рыночные площади, эти циклы в дни праздников стремились вовлечь все население города в воссоздание и проигрывание в лицах библейских историй. Эпизоды Священного Писания – убийство Авеля, Ной с его ковчегом, Рождество Христово и даже распятие – изображались в упрощенных и легко воспринимаемых драматических формах. «На сцене» нередко появлялся сам Иисус. Пороки – обычно они изображались в виде комичного дьявола – подвергались жестокому бичеванию. Иногда в представлении поднимались актуальные вопросы и высмеивались современные источники зла. Представления давались на больших повозках, похожих на современные карнавальные платформы. Эти повозки располагались в различных частях города, и зрители передвигались из одного места в другое, как между остановками на крестном пути. Актеры могли быть членами различных гильдий – кожевников, штукатуров, корабельных плотников, переплетчиков, кузнецов, торговцев, мясников, конюхов – и каждая гильдия несла ответственность за изображение определенного библейского эпизода. В известной статье, опубликованной в 1974 году, преподобный Невилл Баркер Крайер показал, что миракли являлись важным источником ритуалов, впоследствии привившихся в масонстве, придавая беспорядочному материалу драматическую структуру и форму. Разумеется, гильдии «действующих» каменщиков проявляли особую активность в разыгрывании мистерий. Поскольку основная часть их работы была связана с постройкой церквей, аббатств и других религиозных объектов, они поддерживали особенно тесные связи с духовенством. Это привело к тому, что каменщики лучше других гильдий были знакомы с литургическими приемами и принципами драматизации, а также с библейскими текстами. Реформация существенно урезала программу строительства культовых зданий, и у каменщиков появилась возможность совершенствовать свое искусство ритуальной драмы, постепенно вырабатывая собственные ритуалы, которые все больше и больше отступали от строгого католицизма.

Как отмечалось выше, каждая гильдия города отвечала за представление конкретной части библейского текста, за определенные эпизоды Священного Писания. В некоторых случаях распределение эпизодов носило более или менее случайный характер. Так, например, довольно трудно найти в Библии отрывки, которые имели бы отношение к перчаточникам. С другой стороны, определенные библейские истории напрямую связаны с каменщиками. Более того, близость каменщиков к духовенству позволяла выбирать и даже монополизировать те эпизоды, которые они хотели изобразить. Преподобный Крайер предполагает, что нечто подобное происходило в действительности. Гильдии каменщиков постепенно присвоили себе право представления отрывков,

которые имели непосредственное отношение к их профессии, таких, как возведение Храма Соломона. Таким образом, основная мистерия более позднего франкмасонства – убийство Хирама Абифа – впервые была разыграна каменщиками в миракле.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МАСОНСТВО: ГЕОМЕТРИЯ БОЖЕСТВЕННОГО

Сами масоны испытывают глубокие сомнения относительно своего происхождения. За четыре столетия официального существования ими были предприняты многочисленные попытки выяснить свои корни. Масонские писатели сочинили бесчисленное количество книг, пытаясь проследить историю ордена. Некоторые из этих произведений были не просто ложными, но и откровенно комическими в своей экстравагантности, наивности и стремлении выдать желаемое за действительное. Другие оказались не только правдоподобными, но и открыли новые направления в исторических исследованиях. Тем не менее в конечном итоге каждый исследователь приходил к неопределенности, и зачастую в их работах количество вновь появившихся вопросов значительно превышало количество найденных ответов. Одна из проблем состояла в том, что сами масоны нередко искали одну прямую линию наследования, неизменные традиции, сохранившиеся с дохристианских времен до наших дней. На самом деле масонство больше похоже на клубок пряжи, запутанный разыгравшимся котенком. Оно состоит из многочисленных узелков, которые необходимо распутать, чтобы выявить его разнообразные корни.

Легенда утверждает, что масонство – по крайней мере, в Англии – происходит от саксонского короля Ательстана. Говорят, что сын Ательстана присоединился к уже существовавшему братству каменщиков, сам увлекся этим ремеслом и благодаря своему положению добился «свободного» статуса для своих братьев. В результате признания короля в Йорке было организовано сообщество каменщиков и выработан устав, который впоследствии стал основой английского масонства.

Впоследствии историки масонства тщательнейшим образом исследовали это предание и пришли к единодушному мнению, что не существует практически никаких свидетельств его истинности. Но даже если бы эта легенда была правдой, она не дает ответов на большинство главных вопросов. Откуда взялись масоны, которым якобы покровительствовал король Ательстан и его сын? Где они научились своему ремеслу? Что в нем было такого особенного? Почему защищать их должен был сам король?

Некоторые масонские писатели искали ответы на эти вопросы с помощью так называемых «масонов с озера Комо». По их мнению, в последние годы Римской империи существовала некая школа архитекторов, посвященных в таинства, которые позднее получают название масонских мистерий. Когда Римская империя пала, расположенная на озере Комо школа исчезла, тайно передавая свои знания следующим поколениям. Во времена раннего средневековья эти люди проникли в различные европейские столицы, в том числе и ко двору Ательстана.

Ни одно из этих двух предположений не выглядит неправдоподобным. В эпоху правления Ательстана явно существовал определенный план строительства, доказательством которому служит город Йорк. Возможно, это была самая амбициозная из всех подобных программ в Европе того времени, и она могла предполагать использование каких-то новых или заново открытых технических или технологических знаний. Более того, были найдены экземпляры Библии, датируемые эпохой саксонской Англии, в которых Господь описывался как архитектор – типично масонское

представление. Есть также свидетельства существования архитектурной школы на острове озера Комо в последние годы Римской империи. Вполне возможно, что знания, накопленные в этой школе, были сохранены и впоследствии распространены по всей Европе.

Однако ни Ательстан и его сын, ни масоны с озера Комо не могут дать ответа на один из самых главных вопросов: откуда в позднем масонстве появился элемент иудаистской традиции, пропущенной через фильтр ислама? Собрание основных масонских легенд – включая, разумеется, строительство Храма Соломона – основывается исключительно на материале Ветхого Завета, каноническом и апокрифическом, а также на иудаистских и исламских комментариях к нему. Стоит подробнее остановиться на самой важной из этих легенд, на убийстве Хирама Абифа.

Рассказ о Хираме содержится в тексте Ветхого Завета. Хирам упоминается в двух книгах, в третьей книге Царств и второй книге Паралипоменона. В третьей книге Царств (глава 5,1-6) мы читаем: «И послал Хирам, царь Тирский, слуг своих к Соломону, когда услышал, что его помазали в царя наместо отца его; ибо Хирам был другом Давида во всю жизнь. И послал также и Соломон к Хираму сказать.– «И вот я намерен построить дом имени Господа-. Итак прикажи нарубить для меня кедров с Ливана-.»»

Затем следует подробное описание сооружения Храма строителями Соломона и Хирама. Обязанность набирать людей для производства работ лежала на Адонираме – представляется, что это один из вариантов произношения имени Хирам. После завершения строительства Храма царь Израильский решил увенчать его двумя бронзовыми колоннами и другими украшениями. В третьей книге Царств (глава 7,13– 15) говорится:

«И послал царь Соломон и взял из Тира Хирама, сына одной вдовы из колена Неффаилова. Отец его, Тирянин, был медник... И пришел он к царю Соломону, и производил у него всякие работы. И сделал он два медных столба...»

Во второй книге Паралипоменона (глава 2, 3 – 14) содержится несколько иное описание: «И послал Соломон к Тираму, царю Тирскому, сказать...: «Вот строю я дом имени Господа... Итак пришли мне человека, умеющего делать изделия из золота, и из серебра, и из меди, и из железа, и из пряжи пурпурового, багряного и яхонтового цвета, и знающего вырезать резную работу, в месте с художниками, какие есть у меня...» И отвечал Хирам, царь Тирский...: «Итак я посылаю тебе человека умного, имеющего знания, Хирам-Авия, сына одной женщины из дочерей Дановых – а отец его Тирянин – умеющего делать изделия из золота и из серебра, из меди, из железа, из камней и из дерев... и вырезать всякую резьбу, и исполнять все, что будет поручено...»

В своем описании главного строителя Храма Соломона Ветхий Завет довольно схематичен. Однако масоны, основываясь на других свидетельствах и/или придумывая собственные, дополняют отсутствующие детали и развивают их в нечто такое, что превратится – в контексте традиционной религии – в полноценную и замкнутую теологическую систему. Этот рассказ, окончательно оформившись, содержит некоторые вариации, касающиеся мелких деталей – подобно разночтениям в различных Евангелиях, – но общее направление сохраняется неизменным, от ложи к ложе, от ритуала к ритуалу, от века к веку.

Главное действующее лицо предания – это Хирам Абиф, а если быть более точным, то Адонирам. Имя «Адонирам» явно происходит от еврейского слова «Адонай», то есть Владыка. Точно так же «кайзер» и «царь» ведут свое происхождение от имени «Цезарь». Таким образом, главный строитель

Храма был «Владыкой Хирамом», хотя существует мнение, что «Хирам» это вовсе не имя, а титул, по-видимому, обозначавший того, кто был связан с царской семьей. «Абиф» – это производное от слова «отец». Поэтому «Хирам Абиф» мог быть самым царем, то есть отцом своего народа, или отцом царя – бывшим царем, который отрекся от престола после обусловленного количества лет царствования. В любом случае он был связан кровным родством с царским домом финикийского Тира и «мастером», владевшим секретами архитектуры – секретами чисел, форм и пропорций и их практическим применением при помощи геометрии. Современные археологические исследования подтверждают, что описанный в Ветхом Завете Храм Соломона напоминает реально существовавшие храмы, построенные финикийцами. Можно пойти еще дальше. Храмы Тира были возведены в честь богини-матери Астарты (первые отцы христианской церкви заставили ее сменить пол, превратив в демона Астарота). В древнем Тире Астарту называли «Царицей Небес» и «Звездой Морей» – формулы, которые тоже были позаимствованы христианством для обозначения Девы Марии. Астарте обычно поклонялись на «возвышенных местах», то есть на вершинах холмов и гор. Так, например, на горе Хермон находят множество алтарей Астарты. Более того, несмотря на номинальную верность богу Израиля, Соломон сам был почитателем богини. В третьей книге Царств (глава 3, 3) мы читаем:

«И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего; но и он приносил жертвы и курения на высотах».

В одиннадцатой главе третьей книги Царств об этом рассказывается еще более откровенно:

«Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам; и сердце его не было вполне предано Господу, Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому...»

В «Песне Песней» царя Соломона содержится гимн самой Астарте и обращение к ней:

«Со мною с Ливана невеста! со мною иди с Ливана! спеши с вершины Аману, с вершины Сенира и Ермона...»

Все это вызывает вопросы относительно Храма Соломона, построенного финикийским архитектором. Кому был в действительности посвящен этот Храм: Богу Израиля или богине Астарте?

В любом случае для постройки Храма Соломон выписал Хирама, знатока архитектуры из Тира, – поэтому «Храм Соломона» точнее было бы назвать «Храмом Хирама». В действительности огромная масса рабочих, задействованных в таком грандиозном строительстве, состояла основном из рабов. Однако в масонских ритуалах, по крайней мере, некоторые из строителей описываются как свободные люди, или свободные каменщики. Предположительно это были профессионалы из Тира, которые получали оплату за свой труд. У них было три ступени мастерства – ученик, рабочий и мастер. Каменщиков было очень много, и поэтому Хирам не имел возможности знать каждого в лицо. Следовательно, каждой ступени давалось собственное имя. Ученики получили имя «Боаз» – в честь одной из двух громадных медных колонн, поддерживающих портик Храма. Рабочим было дано имя «Йахим» – в честь другой колонны. Мастеров называли – по крайней мере, вначале – «Иегова». Каждое из этих имен было связано с определенным «знаком», или расположением рук, а также с особым «рукопожатием». При выдаче жалованья каждый работник представлял перед Хирамом, произносил имя своей ступени, демонстрировал соответствующий знак и рукопожатие, а затем

получал причитающуюся ему сумму.

Однажды Хирам, молившийся в своем почти законченном Храме, подвергся нападению трех негодяев – по одним свидетельствам, учеников, по другим рабочих, – рассчитывавших завладеть секретами высшей ступени, знать которые им было не положено. Хирам вошел в Храм через восточные ворота, а трое преступников загородили выходы и потребовали, чтобы он выдал им пароль, знак и рукопожатие мастера. Хирам отказался разгласить тайну, и злодеи набросились на него.

Различные источники по-разному указывают, у каких ворот какой именно удар он получил. Для нас важно то, что ему нанесли три удара: молотком по темени, уровнем по одному виску и отвесом по другому. Последовательность этих ударов тоже точно неизвестна – какой из них был первым, а какой завершающим. Первая рана была получена у северных или южных ворот. Оставляя за собой кровавый след, Хирам переходил от одних ворот к другим, получая очередной удар. Все источники сходятся на том, что умер он у восточных ворот. Именно там в современной ложе стоит мастер, исполняя свои обязанности. Кроме того, в восточной части церкви всегда располагается алтарь.

Ужаснувшись содеянному, три преступника решили спрятать тело своего господина. Большинство комментаторов согласны с тем, что они похоронили убитого на склоне ближайшей горы, слегка присыпав его землей. Убийцы взяли росший неподалеку побег акации – священного дерева для масонов – вместе с комом земли и воткнули в могилу, чтобы почва на ней выглядела нетронутой. Однако через семь дней один из девяти подчиненных Хираму мастеров, занимавшихся его поисками, карабкался по склону горы и ухватился за росток акации, чтобы подтянуться вверх. Дерево вырвалось из земли, открыв тело убитого. Осознав, что произошло, и боясь, что Хирам перед смертью выдал секрет, девять мастеров решили изменить тайное слово. Они пришли к соглашению, что новая фраза будет состоять из того, что кто-то из них произнесет, когда они будут выкапывать труп из могилы. Когда руку Хирама ухватили за запястье, разлагающаяся кожа сошла с нее, как перчатка. При виде этого один из мастеров воскликнул: «Макбкнай!» (это один из нескольких возможных вариантов), что на каком-то неизвестном языке якобы означает «плоть отделяется от костей», или «труп разложился», или просто «господин мертв». Это восклицание стало новым паролем мастеров. Впоследствии три злодея были найдены и подверглись наказанию. Тело Хирама извлекли из могилы на склоне горы и с большими почестями похоронили в пределах Храма. На церемонии все мастера облачились в фартуки и перчатки из белой кожи, чтобы показать, что ни один из них не запачкал рук человеческой кровью.

Как уже отмечалось выше, в последние 250 лет альтернативные версии этой истории отличаются лишь незначительно – последовательностью событий или мелкими деталями. По-разному описывается и поведение Хирама в этой ситуации. Иногда его роль сильно преувеличивается, а иногда сознательно преуменьшается. Однако в основном все версии соответствуют приведенной выше истории. Другой вопрос, что скрывается за этим рассказом. Но исследование его выходит за рамки этой книги – оно лежит больше в области антропологии, сравнительной мифологии и происхождения религий. Комментариев на эту тему существует бесчисленное множество, и первой была работа сэра Джеймса Фрезера «Золотая ветвь». Некоторые ученые и писатели-масоны утверждали, что вся история о Хираме – подобно многим другим рассказам в древних мифах и самой Библии – является сознательным искажением, призванным замаскировать один из самых древних и

самых распространенных обрядов, обряд человеческого жертвоприношения. В библейские времена на Ближнем Востоке он встречался довольно часто. Священный труп – ребенка, девственницы, царя или другого носителя царской крови, жреца или жрицы, строителя – должен был освящать возведенное здание. Алтарь и гробница во многих случаях означали одно и то же. В более поздние времена жертва должна была быть уже мертва или заменялась животным, однако изначально человека действительно убивали, принося ритуальную жертву, чтобы освятить данное место ее кровью. История Авраама и Исаака – это одно из свидетельств, что в древности израильтяне не были чужды такой практики. Остатки этой традиции сохранились и в христианскую эпоху, когда церкви строились на мощах святых или святых хоронили специально для того, чтобы освятить Храм.

В любом случае – независимо от содержащихся в нем остатков древних традиций – рассказ о Хираме не является современной выдумкой, а уходит корнями в глубокую древность. Как уже отмечалось выше, в Ветхом Завете сведений явно недостаточно, однако недостающие детали и другие варианты можно найти среди самых древних легенд талмуда и в иудаистских апокрифах. Другой вопрос: почему им придали такое значение позднее? Почему фигура Хирама выросла чуть ли не до масштабов Христа? Тем не менее, в средние века архитектор и строитель Храма Соломона уже был важной фигурой для «практикующих» каменщиков. В 1410 году один из документов гильдии каменщиков упоминает о «сыне царя Тира» и связывает его с древней наукой, которая якобы пережила Потоп и нашла свое отражение в трудах Пифагора и Гермеса. Второй, и явно менее древний манускрипт, датированный 1583 годом, цитирует слова Хирама и описывает его как сына царя Тира и одновременно мастера. Эти документы представляют собой свидетельства существования широко распространенной и гораздо более древней традиции. Эта традиция может быть выведена из параллелей между сыном царя Тира и сыном Ательстана – оба они принцы королевской крови, оба известные архитекторы, искусные строители и покровители каменщиков.

Точно неизвестно, когда история о Хираме стала главной для масонства. Тем не менее это произошло явно в период образования общества. Обращаясь к часовне Росслин сэра Уильяма Синклера и голове «убитого подмастерья», можно заметить, что рана на его виске в точности совпадает с одной из ран Хирама, а женская голова в той же часовне известна под именем «матери-вдовы». Таким образом, мотивы из истории о Хираме появились задолго до современного масонства. По мнению некоторых масонских писателей, череп и скрещенные кости связаны как с тамплиерами, так и с убитым мастером. Так ли это, остается неизвестным и по сей день. На протяжении семнадцатого и восемнадцатого веков череп и скрещенные под ним кости служили обозначением могилы Хирама – а следовательно, и любого мастера масонов. Мы уже упоминали о легенде, согласно которой после вскрытия могилы Брюса обнаружилось, что его берцовые кости лежат скрещенными под черепом. Череп с костями также был важной частью регалий масонского звания, известного как «Рыцарь Храма»; этот же знак вместе с другими масонскими символами часто встречается на могильных плитах в Килмартине и в других районах Шотландии.

В современном масонстве смерть Хирама ритуально изображается каждым претендентом на так называемую третью степень, или на звание мастера масонов. Но теперь появилось одно существенное дополнение: мастер воскресает. «Прохождение через третью степень» означает, таким образом, ритуальную смерть и последующее возрождение. Претендент исполняет роль Хирама – он становится мастером и переживает смерть, превращаясь, в соответствии с используемой

терминологией, в «воскресшего» мастера масонов. Интересно, что этот ритуал перекликается с эпизодом, касающимся пророка Илии и описанном в третьей книге Царств (глава 17, 17-24). Придя в Сидон, Илия встретил у городских ворот женщину, собиравшую дрова. Женщина пригласила пророка к себе в дом. Во время пребывания Илии в доме женщины ее сын – «сын вдовы» – заболел и умер. Илия, «трижды простершись ниц над отроком», воззвал к Господу, и тогда «возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил».

Следует отметить одно любопытное обстоятельство, относящееся к истории Хирама. До девятнадцатого века она держалась в строгом секрете и являлась частью того тайного знания, которое доверялось только вновь посвященным. Однако примерно в 1737 году Францию захлестнула паранойя (она не утихает и по сей день), связанная с масонством и его тайнами. Последовали полицейские облавы. В масонские ложи были внедрены агенты, чтобы узнать, что там происходит. Некоторые масоны оказались предателями, и произошла утечка информации. В результате появилась первая в бесконечном ряду серия разоблачений, которая оказалась в высшей степени разочаровывающей. Тем не менее история Хирама стала достоянием публики. С ней познакомились не имеющие отношения к масонам люди, и она утратила большую часть своей зловещей таинственности.

В 1851 году французский поэт Жерар де Нерваль, вернувшись из путешествия на считавшийся в те времена экзотикой Ближний Восток, опубликовал толстую, 700-страничную книгу мемуаров под названием «Путешествие на Восток». В своем произведении Нерваль не только делится собственными впечатлениями (некоторые из них наполовину вымышленные), но также дает описание местности, нравов и обычаев местного населения, пересказывает услышанные легенды, предания и сказки. Среди всех этих историй есть наиболее полный, подробный и будоражащий воображение – какого не встречалось ни до, ни после – вариант легенды о Хираме. Нерваль не только передал основную канву, приведенную выше. Он, насколько нам известно, впервые обнаружил мрачные мистические традиции, связываемые масонами с происхождением и квалификацией Хирама.

Особенно интересно, что Нерваль вообще не упоминает о масонстве. Считая эту историю одной из местных народных сказок, прежде неизвестную на Западе, он утверждает, что слышал ее от одного рассказчика-перса в константинопольской кофейне.

У другого писателя подобная наивность выглядела бы правдоподобной, и сомневаться в его утверждениях не было бы особых причин. Однако Нерваль вращался в тех же литературных кругах, что и Шарль Нодье, Шарль Бодлер, Теофиль Готье и молодой Виктор Гюго. Все они проявляли интерес к мистике и эзотерике. Неизвестно, был ли сам Нерваль масоном, возможно, нет. Но он мог иметь связи с другими оккультными сектами и тайными сообществами. В любом случае не может быть сомнений в том, что он прекрасно понимал, что он делает – то есть ему было известно, что изложенная им история (даже если он действительно слышал эту версию в константинопольской кофейне) была не сказкой народов Востока, а основным мифом европейского масонства. Остается загадкой, зачем Нерваль решился раскрыть тайну и почему он выбрал именно такую форму, и загадка эта уходит корнями в сложную политику «возрождения оккультизма» во Франции середины девятнадцатого века. Тем не менее, его фантастический, запоминающийся и будоражащий воображение пересказ легенды о Хираме – это самая полная и подробная версия, которую мы имеем.

Архитектор как маг

Легенда о Хираме представляет элемент иудаистской традиции в масонстве. Тем не менее, в некоторых ее вариантах, включая вариант Жерара де Нерваля, в ней чувствуется и исламское влияние. Нерваль утверждал, что услышал свою версию из исламских источников. Каким же образом она нашла дорогу в сердце средневековой христианской Европы? И почему ей придавали такое значение строители христианских храмов? Начнем со второго вопроса.

Иудаизм запрещает «сотворение кумиров». Ислам унаследовал и сохранил этот запрет. С точки зрения иудаизма и ислама культурные традиции враждебны изобразительному искусству – любому изображению естественных форм, включая, разумеется, самого человека. Украшения, обычные для христианского храма, нельзя встретить ни в синагоге, ни в мечети.

Отчасти этот запрет основан на том, что любая попытка изобразить природу, включая человеческие формы, является богохульством – это попытка человека соперничать с Богом, посягнуть на его роль творца и присвоить ее себе. Только Господу принадлежит право создавать формы из ничего, вдыхать жизнь в глину. Для человека создание точной копии этих форм, то есть копии жизни из дерева, камня, краски или любого другого материала, было нарушением божественной прерогативы и, следовательно, пародией и искажением.

Однако существует и более глубокое теологическое обоснование этой на первый взгляд чрезмерно формальной догмы, и это обоснование имеет общие черты с идеями пифагорейцев. Как в иудаизме, так и в исламе Бог един. Бог во всем. С другой стороны, формы осязаемого мира многочисленны, разнородны и разнообразны. Такого рода формы свидетельствуют не о единстве Бога, а о фрагментации брэнного мира. Если Бог и является творцом, то сотворил он не разнообразные формы, а единые принципы, которые пронизывают все эти формы и лежат в их основе. Другими словами, Бог сотворил основные закономерности форм, определяемые исключительно угловыми градусами и числами. Именно через форму и числовые соотношения, а не через разнообразие, проявляется величие Господа. Поэтому божественное присутствие достигается в тех сооружениях, в основе которых лежит форма и число, а не изобразительные украшения.

Синтез формы и числа – это, конечно, геометрия. Этот синтез реализуется посредством геометрии и регулярного повторения геометрических узоров. Поэтому изучение геометрии ведет к постижению абсолютных законов – законов, которые свидетельствуют о лежащем в основе всего, сущего порядке и плане, о всеобщей вязи. Этот основной план был, разумеется, непогрешим, непреложен и вездесущ; именно эти его качества свидетельствуют о божественном происхождении. Это видимое проявление божественной силы, божественной воли и божественного мастерства. Таким образом, и в иудаизме, и в исламе геометрия предполагает божественные пропорции, окутанные трансцендентной и имманентной тайной.

К концу первого века до нашей эры римский архитектор Витрувий сформулировал принципы, которые станут основами для будущих строителей. Он рекомендовал, к примеру, чтобы строители на взаимовыгодной основе объединялись в сообщества, или «коллегии». Он настаивал, чтобы «алтари были обращены на восток», как это имеет место в христианских церквях. Важнее, однако, тот факт, что он считал архитектора не просто специалистом. Он говорил, что архитектор должен быть искусным чертежником, математиком, быть знаком с историческими трудами, философией, музыкой, астрологией. Таким образом, для Витрувия архитектор был своего рода магом,

обладающим всей суммой человеческих знаний и посвященным в основные законы творения. Самым главным из этих законов была геометрия, на которую архитектор должен был опираться, чтобы строить храмы «при помощи пропорции и симметрии...».

В этом отношении принципы иудаизма и ислама тоже совпадают с принципами классицизма. Что как не архитектура есть высшее применение и воплощение геометрии – применение и воплощение, которое идет дальше живописи и переводит геометрию в трехмерное пространство? Разве не в архитектуре геометрия получает свое материальное воплощение?

Таким образом, только строения, основанные исключительно на геометрии, без отвлекающих украшений, были пригодны для поклонения богу и для присутствия божественного духа. Поэтому архитектура и синагоги, и мечети основаны не на украшениях, а на геометрических принципах, на абстрактных математических соотношениях. Единственное дозволенное украшение – это абстрактный геометрический орнамент, например, лабиринт, арабески, шахматный узор, а также арка, колонна или другие такие же «чистые» воплощения симметрии, правильности, баланса и пропорций.

В эпоху Реформации запрет на изобразительное искусство был усвоен некоторыми наиболее суровыми течениями протестантизма. Особенно сильно эта тенденция проявилась в Шотландии. Однако средневековое христианство, в котором господствовала римско-католическая церковь, было свободно от подобных ограничений и запретов. Тем не менее христианский мир оказался чрезвычайно восприимчивым к идеям божественной геометрии и приспособил их к собственным попыткам воплощения божественного. Начиная с готических соборов геометрия божественного и архитектурные украшения шли рука об руку, а изобразительное искусство стало неотъемлемой частью христианских церквей.

И действительно, в готическом соборе геометрия выступает как самый главный фактор. В разделе, посвященном часовне Росслин, мы уже упоминали о том, что строительство любого подобного здания осуществлялось под руководством так называемого «управляющего работами». Каждый такой управляющий разрабатывал собственную геометрию, которой подчинялось все. Изучение собора в Шартре показало, что в его сооружении принимали участие девять разных мастеров.

Большинство таких мастеров были необыкновенно искусными строителями и чертежниками, чьи знания лежали в основном в технологической области. Однако некоторые из них – считается, что двое из девяти строителей собора в Шартре – явно обладали более широким кругозором. Их работа несет в себе метафизические, духовные, или, как выражаются масоны, «спекулятивные» черты, которые говорят о высокой образованности и утонченности. То есть эти люди были мыслителями и философами, а не просто строителями. Мы уже упоминали о документе, датированном 1410 годом, в котором говорится о «науке», возрожденной после Потопа Пифагором и Гермесом. Из такого рода свидетельств становится ясно, что некоторые – по крайней мере – мастера имели доступ к идеям герметиков и неоплатоников задолго до того, как в эпоху Ренессанса они вошли в моду в Западной Европе. Однако до этого подобные воззрения – еретические и опирающиеся на нехристианские источники – были необычайно опасны для своих последователей, которые поэтому вынуждены были исповедовать их тайно. Следовательно, «эзотерические» традиции «посвященных» мастеров возродились внутри гильдий «практикующих» каменщиков. Здесь были посеяны семена, из которых впоследствии вырастет так называемое «спекулятивное» масонство.

Внутри этой «эзотерической» традиции «посвященных» мастеров ведущую роль играла геометрия, которая являла собой проявление божественного. Для таких мастеров собор был чем-то большим, чем «домом Господа». Он был похож на музыкальный инструмент, который настраивался, подобно арфе, на особую и возвышенную духовную ноту. Если инструмент был настроен правильно, то в нем резонировал сам Господь, и божественное присутствие ощущалось всеми, кто входил внутрь. Но как правильно настроить его? Как и где Господь указал Свои требования к конструкции? Основные принципы давала геометрия божественного. Тем не менее в Ветхом Завете содержится один пример, где, как считается, Бог точно и подробно проинструктировал верующих, снабдив их собственным планом. Это строительство Храма Соломона. Именно поэтому возведение Храма Соломона приобрело такое важное значение для средневековых каменщиков. В этом случае Господь фактически учил людей практическому применению геометрии божественного посредством архитектуры. Поэтому его главный ученик, Хирам из Тира, считался образцом, к которому должен стремиться каждый настоящий строитель.

Тайное знание

Вот почему история о Хираме приобрела такое значение. Однако остается открытым вопрос: как она и ее различные вариации нашли дорогу в сердце средневековой христианской Европы? Каким образом сама геометрия божественного – сплав идей Пифагора, Витрувия, герметиков, неоплатоников, иудеев и мусульман – проникла на Запад? Чтобы получить ответ на эти вопросы, следует взглянуть на те периоды истории, когда подобные учения легче всего передавались и ассимилировались, когда христианство испытывало наиболее сильное «чуждое влияние» и впитывало его – иногда сознательно, иногда в виде постепенного проникновения.

Первый такой период относится к седьмому и восьмому векам, когда ислам, приводимый в движение воинственной энергией, свойственной любой молодой религии, распространился на весь Ближний Восток, переместился на северное побережье Африки, пересек Гибралтарский пролив, захватил Пиренейский полуостров и приблизился к Франции. Владычество мавров в Испании достигло своего расцвета в десятом столетии – как раз в то время, когда в Англии правил Ательстан. Вполне вероятно, – хотя никаких документальных подтверждений этому не сохранилось, – что некоторые принципы геометрии божественного могли просочиться на север из Испании и Франции. Армия мусульман была остановлена Карлом Мартеллом в битве при Пуатье в 732 году, но армию остановить гораздо легче, чем идеи.

В 1469 году Фердинанд Арагонский женился на своей кузине, Изабелле Кастильской. Из этого союза родилась современная Испания. В своем религиозном рвении Фердинанд и Изабелла начали осуществлять программу «очищения», когда из их объединенных владений стали систематически изгоняться все чуждые – то есть иудаистские и исламские – элементы. Затем наступила эра испанской инквизиции и аутодафе. Как сказал Карлос Фуэнтес, в этот момент Испания вместе с маврами изгнала чувственность, а вместе с евреями – интеллект, – и осталась стерильной. Однако на протяжении семи с половиной столетий, прошедших между битвой при Пуатье и правлением Фердинанда и Изабеллы, Испания была истинным хранилищем «эзотерических» учений. И действительно, главным «эзотериком» в западной традиции считался уроженец Мальорки Раймунд Луллий, чьи работы оказали огромное влияние на дальнейшее развитие европейской философской мысли. Но и без Луллия любой, кто стремился познакомиться с «эзотерическим», или тайным

знанием, совершал паломничество в Испанию. В «Парцифале» Вольфрам фон Эшенбах утверждает, что почерпнул свою историю исключительно из испанских источников. Говорят, что самый известный из первых западных алхимиков, Николас Фламель, постигал тайны трансмутации по книге, приобретенной в Испании.

В течение семи с половиной веков Испания оставалась источником «эзотерической» мысли. Оттуда оккультные идеи проникали в остальную Европу – иногда маленьким ручейком, а иногда и мощным потоком. Однако вскоре испанское влияние, каким бы важным оно ни было, потускнело в свете других, более драматических контактов христианства с соперничающими религиями. Первыми из таких столкновений явились, естественно, крестовые походы, когда тысячи европейцев на Святой Земле принимали те самые убеждения, которые они шли искоренять. В эпоху крестовых походов сицилийский двор императора Фридриха II Штауфена превратился в настоящий центр иудаистской и исламской мысли. Еще одним каналом – возможно, основным – проникновения подобных течений были тамплиеры. Номинально тамплиеры носили звание «рыцарей Христа», но на практике поддерживали дружеские отношения с исламом и иудаизмом. Говорят, что они даже вынашивали амбициозные планы примирения христианства с этими двумя соперничающими религиями.

Тамплиеры много строили. При помощи собственных бригад каменщиков они возводили свои замки и прецептории. Архитектура тамплиеров в основе своей была византийской, отражая влияния, которые находились вне сферы контроля Рима. Как мы уже видели, две могилы тамплиеров, найденные в Атлите на территории Израиля, вероятно, можно считать самыми старыми в мире «масонскими» захоронениями.

Тамплиеры поддерживали собственные гильдии. Они также выступали в роли покровителей и защитников других гильдий ремесленников и каменщиков, причем время от времени сами, похоже, становились членами этих профессиональных объединений. Бывали случаи, что искусные ремесленники принимались в качестве ассоциированных членов в орден Храма. Они жили в закрытых деревнях рядом с прецепториями и пользовались многими привилегиями ордена, включая освобождение от пошлин и налогов. Более того, в Европе тамплиеры стали самозванными стражами дорог, обеспечивая безопасность пилигримов, путешественников, торговцев – и строителей. Принимая во внимание такой широкий спектр их деятельности, вряд ли стоит удивляться, что под покровительством тамплиеров принципы божественной геометрии и архитектуры проложили себе путь в Западную Европу.

Но если тамплиеры действительно были проводниками этих идей, то свою роль они могли играть лишь на протяжении ограниченного периода времени – не более (а возможно, менее) двух столетий своего существования. Мы уже неоднократно подчеркивали, что не стоит преувеличивать значение тамплиеров. Некоторые из функционеров ордена, подобно своим собратьям в церковной иерархии, действительно могли быть высокообразованными людьми, некоторые могли интересоваться тайнами божественной геометрии и архитектуры, но большинство тамплиеров были грубыми и примитивными солдатами – как большинство дворян того времени. Возможно, от своих начальников эти люди узнали, что гильдии «практикующих» каменщиков владеют достойными уважения технологическими секретами, но они не знали, что это за секреты, и еще в меньшей степени были способны понять их. После официального роспуска ордена большая часть этих секретов была, конечно, безвозвратно утеряна. Беглые тамплиеры, и особенно в Шотландии, оказались отрезанными

от бывших руководителей ордена и сохранили лишь внешние формы, лишённые содержания. Возможно, они с почтением относились к строительному искусству, но его значение для них было скорее символическим и ритуальным, чем практическим. В сущности, тамплиеры, нашедшие убежище в Шотландии, были похожи на некоторые более поздние разновидности масонства, механически воспроизводившие традиции и ритуалы, не понимая заложенного в них смысла.

Если в Шотландии и существовали связи между тамплиерами и гильдиями «практикующих» каменщиков, то к пятнадцатому столетию они в любом случае ослабли и в конечном итоге распались. Однако как раз в это время наблюдался новый прилив идей извне, который возродил применение принципов божественной геометрии в архитектуре и явился мощным толчком к развитию и того, и другого. В 1453 году под ударами Османской империи пал Константинополь, а вместе с ним прекратили существование и остатки Византийской империи. Результатом стал массовый наплыв беженцев в Западную Европу. Они пришли сюда вместе с накопленными за предыдущее тысячелетие богатствами: византийскими библиотеками с текстами герметиков, неоплатоников, гностиков, книгами по каббале, астрологии, алхимии, божественной геометрии, со всеми знаниями и традициями, которые зародились еще в Александрии в первом, втором и третьем веках нашей эры и с тех пор постоянно дополнялись и развивались.

Затем, в 1492 году, Фердинанд и Изабелла принялись безжалостно истреблять ислам и иудаизм в своих владениях, спровоцировав новый поток беженцев, которые направились на восток и на север, принося с собой весь капитал иберийской «эзотерики», которая понемногу проникала в христианство еще с седьмого века.

Последствия этих воздействий были просто ошеломляющими. Они изменили христианскую цивилизацию. Искусствоведы и историки единодушны во мнении, что прилив идей из Византии и Испании явился чуть ли не решающим фактором в возникновении культурного феномена, который известен нам как Ренессанс.

Знания и идеи из Византии сначала проложили себе дорогу в Италию, где такие люди, как Козимо де Медичи, тут же ухватились за них. Для их изучения и распространения были основаны академии. Широкое распространение получила профессия переводчика; одним из самых первых и самых известных считается Марсилио Фичино. Увидели свет и получили широкую известность всевозможные толкования и комментарии, например, Пико делла Мирандолы. На протяжении следующего столетия волна «эзотерики» распространилась из Италии по всей остальной Европе. Божественная геометрия, теперь считавшаяся одной из форм «талисманной магии», применялась не только к архитектуре, но и к живописи, к примеру в работах Леонардо и Боттичелли. Вскоре она проникла и в другие области искусства, в том числе в поэзию, скульптуру, музыку и особенно в театр.

Нельзя сказать, что значение архитектуры поэтому принижалось. Наоборот, она приобрела еще более высокий статус. Распространение неоплатонизма – синкретического мистического учения, которое возникло в ранней Александрии – подняло на новую высоту старые классические взгляды Платона. Именно у Платона ученые эпохи Ренессанса, лихорадочно искавшие необходимые связи, обнаружили принцип, который стал основой для последующего формирования масонства. В «Тимее» Платона появляется самое первое представление создателя как «архитектора Вселенной». В этом труде Платон называет Создателя «tecton», то есть «мастер» или «строитель». Таким образом

«arche-tecton» – это «главный мастер», или «главный строитель». По мнению Платона, «arche-tecton» создал космос посредством геометрии.

Как мы уже отмечали, «эзотерические» идеи и знания из Византии проникли сначала в Италию. Сорок лет спустя подобный поток из Испании также достиг Италии, однако большая его часть направилась в такие испанские владения, как Фландрия и Нидерланды. Здесь возник фламандский Ренессанс, который совпал по времени с итальянским. К началу шестнадцатого столетия течения из Италии и Нидерландов слились вместе под покровительством Лотарингского дома и де Гизов. Так, например, первое французское издание основополагающего труда «Corpus hermeticum» было посвящено кардиналу Лотарингскому Карлу де Гизу – брату Марии де Гиз, которая вышла замуж за короля Шотландии Якова V и была матерью Марии Шотландской.

Лотарингский дом и де Гизы уже увлекались мистическими теориями. И действительно, своим интересом к «эзотерике» Козимо де Медичи обязан влиянию своего школьного товарища Рене д'Анжу, который в середине пятнадцатого века был кардиналом Лотарингским, некоторое время провел в Италии и способствовал переносу итальянского Возрождения в свои собственные владения. Географическое соседство было благоприятно для проникновения на эту территорию идей из Фландрии. К середине шестнадцатого века Лотарингский дом и де Гизы, несмотря на свой показной католицизм, стали ревностными покровителями европейской «эзотерики». От них – через брак Марии де Гиз с Яковом V, через шотландскую гвардию, через семьи Стюартов, Сетонов, Гамильтонов, Монтгомери и Синклеров – эти идеи были занесены в Шотландию. Здесь – где давнее наследие тамплиеров подготовило соответствующий фон, а гильдии «практикующих» каменщиков под покровительством Синклеров развивали собственные тайные обряды – они нашли благодатную почву.

Тайное знание во Франции и Англии

Лотарингский дом и де Гизы были, как мы уже видели, чрезвычайно честолюбивы. Они не только вплотную приблизились к тому, чтобы занять французский трон. Они также претендовали на папский престол – и непременно завладели бы им, если бы интриги и грубые ошибки во внутренней французской политике не подорвали доверие к ним и не истощили их силы. Чтобы облегчить осуществление своих планов относительно престола св. апостола Петра, они объявили себя оплотом католической Европы – «защитниками веры» от Реформации и поднимающейся волны протестантизма в Германии, Швейцарии и Нидерландах. Вследствие этого они проводили публичную политику ревностного католицизма, нередко доходящую до фанатизма. Одним из проявлений этой политики была известная Священная Лига, альянс католических принцев и монархов, ставивший своей целью изгнание протестантизма из пределов Европы. Для стороннего наблюдателя Священная Лига выглядела как свидетельство благочестия Лотарингского дома и де Гизов. В действительности для этих семейств альянс был всего лишь делом политической целесообразности – это зачатки организации, которая была предназначена для того, чтобы вытеснить или подчинить себе Священную Римскую империю. Разумеется, не было никакого смысла в контроле над папским престолом, если папство не обладало реальной властью. Чтобы цель стала оправданной, следовало укрепить власть папы и восстановить, насколько это было возможно, ту гегемонию в Европе, которая существовала в средневековье.

К несчастью для Лотарингского дома и де Гизов, та политика и тот образ, которые способствовали

продвижению их планов на континенте, привели к обратному результату в Британии. К этому времени и Англия, и Шотландия стали протестантскими странами. Самым главным врагом Англии считалась католическая Испания, король которой Филипп II женился на Марии Тюдор за четыре года до ее смерти, наступившей в 1558 году. Даже такое нейтральное выражение, как «папист», стало в Англии ругательством, а Священная Лига рассматривалась как угроза не только протестантскими церквями континентальной Европы, но и на Британских островах. Из-за своей ревностной поддержки католической церкви Франсуа де Гиз и его семья превратились в глазах англичан в некое подобие великанов-людоедов, и исходящая от них угроза могла сравниться лишь с угрозой со стороны испанского монарха.

«Эзотерические» идеи были с воодушевлением восприняты в Англии. Они были подхвачены такими поэтами, как, например, Сидни и Спенсер, пронизав их произведения «Аркадия» и «Королева фей», а также Марло и Фрэнсисом Бэконом. Однако эти взгляды нельзя было проповедовать открыто, поскольку они ассоциировались с католическими домами континентальной Европы. Поэтому нередко они выражались в завуалированной, аллегорической форме. Существование таких идей было по большей части подпольным, они вращались в небольших научных группах или замкнутых аристократических кружках, а также в объединениях, которые теперь называются «тайными обществами». Эти организации зачастую были открыто «антипапистскими» и активно сопротивлялись наглým политическим и династическим притязаниям Лотарингского дома и де Гизов на континенте. Тем не менее одновременно они погружались в глубины «эзотерического» мышления, которое проникало в Шотландию из Лотарингского дома и семьи де Гизов, находя здесь благодатную почву.

Карьера шотландского философа Александра Диксона может служить ярким примером того, как происходило это проникновение, преодолевая все сложные и противоречивые политические преграды того времени. Диксон родился в 1558 году, окончил университет Сент-Эндруса в 1577 и провел шесть лет в Париже. По возвращении он опубликовал книгу, посвятив ее фавориту королевы Елизаветы Роберту Дадли, графу Лестеру. Это произведение в значительной степени опирается на ранний труд выдающегося итальянского «эзотерика» Джордано Бруно, чье противостояние с Римом в 1600 году привело его на костер и который перед смертью назвал Диксона своим преемником. Тем не менее, несмотря на свои связи с Бруно, которого Рим считал опаснейшим еретиком, а также на близость к королевскому двору Елизаветы Английской, Диксон в 1583 году в Париже открыто заявлял о своей поддержке Марии Шотландской и сохранял контакты с людьми, связанными со Священной Лигой. Несмотря на искреннюю дружбу с Сидни, он одновременно был шпионом, снабжая французского посла секретными английскими документами, в том числе и теми, которые подписывал Сидни. В 1590 году Диксон отправился во Фландрию с тайной миссией по поручению католических монархов. В 1596 году ходили слухи о его сотрудничестве с шотландским послом во Франции Джеймсом Битоном и с Карлом де Гизом, герцогом Майенн, который впоследствии стал главой Священной Лиги. С этой группой поддерживал отношения и лорд Джордж Сетон, чей сын Роберт в 1600 году стал графом Уинтоном и женился на Марии Монтгомери; этот союз дал начало младшей ветви семьи, графам Эглинтон. Битон, бывший архиепископ Глазго, имел тайные сношения с Лотарингским домом и де Гизами с 1560 года. В 1582 году, когда Диксон был еще в Париже, Битон и Генрих, герцог де Гиз, планировали вторжение в Англию при помощи армии, которая будет

предоставлена им Испанией и папским престолом. В ночь перед казнью в 1587 году Мария Стюарт назвала в числе своих палачей Битона и Генриха де Гиза.

Александр Диксон олицетворяет путь, по которому шло формирование «эзотерических» и политических привязанностей, иногда совпадавших друг с другом, а иногда диаметрально противоположных. Тем не менее Диксон был относительно мелкой фигурой – по сравнению с настоящим английским «великим магом» той эпохи, доктором Джоном Ди. Ди тоже приходилось балансировать на опасной грани между враждующими фракциями, между интересами католиков и протестантов, между тягой к «эзотерическому» знанию и более насущными требованиями государства. Но ему не удалось выйти сухим из воды, как Диксону. Несмотря на то что его приверженность протестантизму не подвергалась сомнению, он постоянно попадал под подозрение, однажды был арестован и подвергался непрерывным гонениям.

Ди родился в Уэльсе в 1527 году. Этот врач, философ, ученый, астролог, алхимик, знаток каббалы, математик, дипломат и шпион был одним из самых блестящих людей своего времени, истинным воплощением «человека Возрождения». Широко распространено мнение, что он послужил прототипом Просперо в «Буре» Шекспира, а его влияние – как при жизни, так и после смерти – было огромно. Именно Ди собрал разрозненные нити «эзотерики» и объединил их, подготовив дорогу для дальнейшего развития. Именно благодаря Ди и его работам в семнадцатом столетии Англия превратилась в центр «эзотерических» исследований. И именно Ди подготовил почву для появления масонства.

Двадцатилетним молодым человеком Ди уже читал лекции по основам геометрии в университетах континентальной Европы – например, в Ловейне и Париже. Во время бурного периода заговоров и контрзаговоров Лотарингского дома и де Гизов он свободно перемещался по всей Европе, находя приют в любой стране. В 1585-1586 годах он жил в Праге, которая при либеральном, миролюбивом и, предположительно, «эксцентричном» императоре Священной Римской империи Рудольфе II превратилась в новый центр «эзотерических» исследований. Он пользовался покровительством императора и возвратился домой с материалом, который позволит Англии превзойти Прагу. Среди самых известных его учеников были Иниго Джонс и Роберт Фладд – последний в молодости служил преподавателем математики и геометрии у будущего герцога де Гиза и его брата.

Ди способствовал распространению принципов геометрии и архитектуры Витрувия. Более того, в 1570 году, за пятнадцать лет до своей поездки в Прагу, он опубликовал предисловие к английскому переводу Евклида. В этом предисловии он превозносил «первенство архитектуры среди всех математических наук». Он говорил о Христе как о «Божественном архитекторе». Он повторил данный Витрувием портрет архитектора как мага:

«Думаю, что никто не может просто объявить себя архитектором. Только тот, кто с детских лет постигает все ступени знания, которому прививают знание языков и различных искусств, способен войти в возвышенный Храм архитектуры...»

В другом высказывании, которое впоследствии приобрело огромное значение для масонов, он ссылается на Платона:

«Архитектура является главной из всех искусств. Еще Платон утверждал, что архитектор есть мастер над всеми, он руководит всеми работами...»

На протяжении большей части жизненного пути Ди «эзотерика» в Англии оставалась тайным

занятием или была воспринята только в ограниченных кругах. В Шотландии эти идеи расцвели пышным цветом, но благодаря Марии де Гиз и Марии Стюарт все шотландское в глазах англичан выглядело подозрительным. Поэтому Ди и его английские последователи не могли установить важных связей с шотландскими философами.

Однако к началу семнадцатого столетия ситуация коренным образом изменилась. В 1588 году Армада Филиппа II потерпела сокрушительное поражение, и Испания все реже воспринималась как угроза для безопасности Англии. После казни Марии Стюарт вероятность того, что влияние Лотарингского дома и де Гизов распространится и на Британию, значительно уменьшилась. Убийство юного герцога де Гиза и его брата, которое произошло год спустя, поразило эту семью в самое сердце, положив конец ее династическим и политическим амбициям. К 1600 году влияние семьи было уже на исходе, а Священная Лига тоже разваливалась.

Кроме того, «эзотерические» идеи больше не ассоциировались исключительно с Лотарингским домом и де Гизами – то есть с интересами католиков. Одним из их новых покровителей был император Священной Римской империи Рудольф II, который объявил, что он не католик и не протестант, а христианин; он никогда не преследовал протестантов, но все больше отдалялся от папского престола, а на смертном одре отказался от церковного соборования. К 1600 году «эзотерические» воззрения начали расцветать и публично высказываться в протестантских государствах. Вскоре в Нидерландах, в Рейнском пфальцграфстве, в Вюртембергском и Богемском королевствах они стали использоваться в качестве антиримской пропаганды. Таким образом, лишенные всякой связи с Лотарингским домом и де Гизами, эти идеи могли без риска заявить о себе в Англии.

Более того, в 1603 году, когда Лотарингский дом и де Гизы уже больше не могли контролировать ситуацию, Яков VI Шотландский – монарх из династии Стюартов, в жилах которого текла кровь де Гизов, – стал королем Англии Яковом I. В этот момент наблюдатель из будущего мог бы явственно услышать «щелчок» – все необходимые исторические компоненты заняли свое место. С объединением Англии и Шотландии под властью единого монарха знатные шотландские фамилии стали играть заметную роль в английской политике, а две из них – Гамильтоны и Монтгомери – пересекли Ирландское море, чтобы основать колонию в Ольстере. Через эти семьи старая мистика тамплиеров и шотландской гвардии стала проникать в Англию и Ирландию. Не следует также забывать, что новый король был покровителем и, возможно, членом одной из гильдий «практикующих» каменщиков. Он принес с собой с севера их традиции – а также «эзотерическое» наследство своих предков из дома де Гизов. Все эти элементы, соединившись в трудах Джона Ди и его учеников, стали основой для философского, или, как его еще называют, «спекулятивного», масонства. Эти идеи стали не только уважаемыми и законными, но и ассоциировались с троном. Старинный меч тамплиеров и мастерок строителя стали составляющими герба Стюартов.

Прежде чем приобрести современные формы, масонство испытало на себе влияние еще одного фактора. Как отмечалось выше, на континенте – особенно в Германии – «эзотерическое» учение теперь пропагандировалось протестантскими князьями и использовалось в качестве инструмента пропаганды, направленной против двух бастионов: папства и Священной Римской империи. Теперь сторонники этого течения начали называть себя «розенкрейцерами», и Фрэнсис Йейтс назвала этот период его распространения «роценкрейцеровским просвещением». Тогда же начали

распространяться анонимные памфлеты, превозносящие «Невидимый колледж», или тайное общество, якобы основанное загадочным Христианом Розенкрейцером. Эти памфлеты содержали яростные нападки на нового императора Священной Римской империи и папу, а также расхваливали различные «эзотерические учения». В них предсказывалось неминуемое наступление Золотого века, когда социальные и политические институты отомрут, и наступит эпоха утопической гармонии, свободной оттирании прошлого, как мирской, так и религиозной.

В Англии главным пропагандистом учения розенкрейцеров выступал ученик Джона Ди Роберт Фладд, входивший вместе с Фрэнсисом Бэконом в группу ученых, которым король Яков поручил сделать перевод Библии на английский язык. Фладд поддерживал идеи розенкрейцеров, но они исходили явно не от него, и он не имел никакого отношения к авторству анонимных «Манифестов Розенкрейцеров». Теперь считается, что эти манифесты были составлены – если не полностью, то, по крайней мере, частично – немецким писателем из Вюртемберга Иоганном Валентином Андреа.

Полагают, что он поддерживал тесные связи с гейдсльбергским двором Фридриха и Рейнским пфальцграфством.

В 1613 году Фридрих женился на Елизавете Стюарт, дочери английского короля Якова I. Четыре года спустя дворяне богемского королевства предложили Фридриху корону, и его согласие привело к тридцатилетней войне, самому жестокому и кровопролитному конфликту в Европе до начала двадцатого столетия. В самом начале войны большая часть Германии была захвачена католической армией, и немецкому протестантизму грозило полное уничтожение. Тысячи беженцев – среди них были философы, ученые и «эзотерики», которые составляли «розенкрейцеровское просвещение» – хлынули во Фландрию и Нидерланды, а оттуда в безопасную Англию. Чтобы помочь этим беглецам, их коллеги в Германии основали так называемые «христианские союзы». Эти союзы представляли собой некую разновидность системы лож и были призваны сохранить доктрину розенкрейцеров, организуя ее приверженцев в ячейки и переправляя их за границу. Таким образом, начиная с 1620 года немецкие беженцы начали прибывать в Англию, привозя с собой «розенкрейцерские» идеи и организационную структуру христианских союзов.

Как мы отмечали выше, во времена правления Якова I система лож уже укоренилась внутри гильдий «практикующих» каменщиков и начала распространяться по всей Шотландии. К концу тридцатилетней войны эта система проникла и в Англию. В целом ее структура как нельзя более удачно совпадала со структурой христианских союзов Иоганна Валентина Андреа и оказалась прекрасно подготовленной к притоку «розенкрейцерских» идей. Таким образом, беженцы из Германии нашли духовное пристанище у английских каменщиков, и их вклад в виде «розенкрейцерских» идей явился последним ингредиентом, необходимым для возникновения современного «спекулятивного» масонства.

В последующие годы развитие происходило по двум направлениям. Система лож консолидировалась и разрасталась, и в конечном итоге масонство превратилось в признанную и уважаемую организацию. В то же время некоторые самые активные ее члены объединялись в некую английскую версию «Невидимого колледжа» розенкрейцеров – сообщество ученых, философов и «эзотериков», являвшихся авангардом прогрессивной мысли. В период гражданской войны в Англии и протектората Кромвеля «Невидимый колледж» – теперь в него входили такие выдающиеся личности, как Роберт Бойль и Джон Локк – оставался невидимым. Однако в 1660 году после

восстановления монархии «Невидимый колледж» под покровительством Стюартов превратился в Королевское общество. На протяжении последующих двадцати восьми лет «розенкрейцерство», масонство и Королевское общество не просто пересекались, а были буквально неотличимы друг от друга.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТОЧНИКИ МАСОНСТВА

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЕРВЫЕ МАСОНЫ

Современное масонство ведет отсчет своей истории с семнадцатого века. Фактически это уникальный продукт мышления и обстоятельств семнадцатого века, синтез разнообразных идей и представлений, появившийся в результате потрясений в западной религии, философии, науке, культуре, обществе и политике. Семнадцатое столетие – это период разрушительных перемен, и именно в виде ответа на эти перемены и сформировалось масонство. Оно должно было действовать как связующее вещество, которое соединяло разнородные элементы и составные части распадающегося мира и распадающегося мировоззрения – задача, с которой уже не справлялась католическая церковь.

Именно в семнадцатом веке масонство стремится отыскать свои корни, или, по крайней мере, ищет первые свидетельства появления той структуры, которая дошла до наших дней. Поэтому масонские писатели и историки глубоко изучили события семнадцатого века, пытаясь проследить за развитием ширившейся сети лож, зафиксировать процесс порождения одними ритуалами других, а также проследить за участием в этом процессе выдающихся личностей. По необходимости мы будем – правда, вкратце – пользоваться тем же самым материалом. Однако в данной книге мы не ставили перед собой цели составления подробного каталога. У нас нет никакого желания повторять то, что легко можно найти в любой из многочисленных историй масонства и что имеет смысл для самих масонов, но ничего не говорит не членам братства. Наша цель – дать своего рода «беглый обзор», проследить «главное направление», выявить общий дух и энергию масонства по мере того, как оно пропитывало английское общество и в конечном итоге – мы настаиваем на этом – изменяло его.

Как мы уже видели, в годы, предшествующие гражданской войне в Англии и протекторату Кромвеля, масонство было тесно связано с «розенкрейцерством». Мы уже упоминали вышедшую в 1638 году поэму Генри Адамсона из Перта. Если попытаться оценить художественные достоинства этого произведения, то Адамсона можно признать предшественником Уильяма Макгонагала, признанного классика литературы. Интересно, что в поэме Адамсона содержится подробное описание разрушения моста через реку Тей.

В 1638 году Адамсон и другие самозваные «братья розенкрейцеры» не стеснялись присваивать себе право владения «словом Мастера и вторым зрением», и до нас не дошло никаких свидетельств, чтобы масоны опровергали подобные заявления. Стоит также отметить тот статус, который присваивала поэма Карлу I.

В то время как Тридцатилетняя война опустошала континентальную Европу, а победа католиков грозила стереть с лица земли протестантизм, Британия в целом и монархия Стюартов в частности возвышалась прочным бастионом и безопасным убежищем для протестантов. Изгнанные из Гейдельберга, пфальцграф Рейнский Фридрих и его жена Елизавета, дочь Якова I, нашли

пристанище в Гааге. Здесь они основали новый «розенкрейцерский» двор в изгнании, к которому стремились все беженцы из Германии и откуда они переправлялись в Англию, где отец, а затем и брат их покровительницы из дома Стюартов правил в безопасности, хранимый водами Ла-Манша. Затем в Англии разразилась гражданская война. Парламент восстал против монарха, король был казнен, и в стране наступили суровые времена протектората Кромвеля. Внутренний конфликт в Англии (его можно рассматривать как отголосок Тридцатилетней войны) не был таким ужасным, как Тридцатилетняя война, но все же достаточно травмирующим. Англии не убило восстановление гегемонии католицизма, но она столкнулась с другой формой религиозного контроля, еще более фанатичной, нетерпимой, бескомпромиссной и суровой. В таких произведениях, как «Потерянный рай», Мильтон еще мог в завуалированном виде протащить идеи неоплатоников, однако в обстановке протектората масонство с его широким спектром нетрадиционных религиозных, философских и научных интересов благообразно держалось в тени. «Невидимый колледж» оставался невидимым.

Впоследствии масоны все время подчеркивали отсутствие каких-либо политических интересов или предпочтений у своих предшественников. Постоянно повторяется тезис о том, что с самого начала масоны были аполитичными. Мы утверждаем, что такая позиция явилась результатом дальнейшего развития, и что в семнадцатом веке – а также на протяжении большей части восемнадцатого – масонство являлось политическим объединением. Своими корнями оно уходит в семьи и гильдии, издавна присягнувшие на верность Стюартам и монархии Стюартов. Оно проникло из Шотландии в Англию при содействии Якова I, шотландского короля, который, как полагают, был членом масонской ложи. Старые «Хартии Синклера» открыто признают покровительство и защиту, которые обеспечивала масонам корона. А в документе середины девятнадцатого века от масонов требовалось хранить верность королю и сообщать о всех случаях предательства и обмана. То есть масонам приписывалось давать клятву верности монарху.

Отсутствие открытых заявлений в поддержку Стюартов на протяжении первых трех четвертей семнадцатого века вряд ли может служить доказательством политической апатии, безразличия или нейтральности масонства. До начала гражданской войны в таких заявлениях не было необходимости: положение Стюартов на английском троне казалось незыблемым, а верность династии была такой очевидной и воспринимаемой как должное, что не требовала открытого выражения. Во времена протектората любое проявление лояльности к Стюартам было чрезвычайно опасным. Определенные люди могли, конечно, заявлять о своей приверженности монархии, если они не выступали против власти парламента или режима Кромвеля. Однако маловероятно, что Кромвель разрешил бы наполовину тайной сети лож распространять политические взгляды, которые он считал вредными. Масонство и так уже попало под подозрение из-за своего свободомыслия, толерантности и эклектичности, что являло собой разительный контраст с суровым пуританским правительством. Объявить о своей верности Стюартам в этих условиях было бы самоубийством, а отдельные масоны уже привлекли к себе внимание печально известных следователей, которые занимались обвинениями в колдовстве. Поэтому масонство – в той степени, в которой его деятельность вообще можно проследить в эпоху Протектората – старательно и даже упорно отказывалось связывать себя какими бы то ни было политическими обязательствами.

Короче говоря, во времена гражданской войны и Протектората масоны никогда не отрекались от

своей верности Стюартам. Они просто хранили благоразумное молчание. За этим молчанием скрывались старинные привязанности, не претерпевшие никаких изменений. Вряд ли можно считать совпадением, что в 1660 году, после того как монархия была восстановлена и трон занял Карл II, масонство – как само по себе, так и через Королевское общество – заняло подобающее ему место.

Тем не менее, оставаясь верным монархии Стюартов, масонство было способно протестовать – при необходимости даже силой оружия – против злоупотреблений Стюартов. В 1629 году Карл I распустил парламент. В 1638 году, обеспокоенные диктаторскими действиями короля, наиболее влиятельные дворяне, представители духовенства и бюргеров Шотландии составили так называемый «Национальный Ковенант». В этом документе выражался протест против деспотичного правления монарха и подтверждались законные права парламента. Подписавшие ковенант дали обещание защищать друг друга и начали собирать армию. Видное положение среди этих людей занимал граф Роте. Запись в его дневнике, датируемая 13 октября 1637 года, является первым известным упоминанием о «масонском слове».

В августе 1639 года в Эдинбурге под защитой «Национального Ковенанта» собрался парламент. Разъяренный этим актом неповиновения, Карл собрал армию и приготовился выступить против Шотландии. Но его опередила шотландская армия под предводительством графа Монтроза, которая двинулась на юг, разбила англичан и в августе 1640 года заняла Ньюкасл. Стороны заключили перемирие, но шотландцы оставались в Ньюкасле до 1641 года, когда был подписан официальный мирный договор.

На фоне событий 1641 года, когда шотландская армия оккупировала Ньюкасл, произошло еще одно событие, которое масоны считают одним из поворотных пунктов в своей истории. Это первое документально подтвержденное посвящение в масоны на английской земле. 20 мая 1641 года сэра Роберт Морей в самом Ньюкасле или в его окрестностях был принят в старинную ложу Эдинбурга. Принятие Морей в ложу предполагает, разумеется, что сама ложа и некая система лож в то время уже существовала и была действующей. Именно так обстояли дела в ту эпоху. Генерал Александр Гамильтон, присутствовавший на церемонии посвящения Морей, сам был посвящен в масоны за год до этого. Тем не менее многие комментаторы последующих эпох называют Морей «первым полноценным масоном». Даже если это не соответствует действительности, его посвящение оказалось достаточно важным событием, чтобы привлечь к себе внимание ученых и вывести масонство из тени на свет, который постепенно становился все более ярким.

Точная дата рождения Морей не установлена; известно лишь, что он родился в начале семнадцатого века в Пертшире в благополучной семье и умер в 1673 году. Молодым человеком он находился на военной службе во Франции в составе какого-то шотландского подразделения – считается, что это была восстановленная шотландская гвардия – и дослужился до чина лейтенанта. В 1643 году, через полтора года после посвящения в масоны, он получил из рук Карла I рыцарское звание, а затем вернулся во Францию для продолжения военной карьеры; в 1645 году его произвели в полковники. В этом же году он становится тайным посланником, уполномоченным вести переговоры между Францией и Шотландией о восстановлении на троне Карла I, свергнутого в 1642 году. В 1646 году Морей участвует в еще одном заговоре, пытаясь организовать побег короля из тюрьмы, в которую тот был заточен по решению парламента. Примерно в 1647 году он женился на Софии, дочери Дэвида Линдсея, лорда Балкареса. Подобно Синклерам, Сетонам и Монтгомери, с которыми они

поддерживали тесные связи, семья Линдсей принадлежала к шотландской знати, интересовавшейся «эзотерической» традицией. Сам лорд Балкарес был герметиком и практикующим алхимиком. Его женой стала дочь Александра Сетона из ветви Сетонов-Монтгомери, которая впоследствии сыграла ключевую роль в масонстве. Именно в этот круг благодаря своей женитьбе попал Морей, хотя его посвящение в масоны состоялось за шесть лет до этого.

После казни Карла I Морей продолжил свою военную и дипломатическую карьеру во Франции. Он был доверенным лицом будущего Карла II и занимал различные посты при дворе сосланного монарха. В 1654 году он и его шурин Александр Линдсей, который унаследовал титул лорда Балкареса, жили вместе с Карлом в Париже. Затем, с 1657 по 1660 год, Морей находился в ссылке в Маастрихте, посвящая все свое время, как он сам выражался, «занятиям химией».

Вскоре после Реставрации брат Морей сэра Уильям Морей Дрегхорн стал «управляющим работами», то есть мастером «практикующих» каменщиков при дворе нового короля. Сам Морей вернулся в Лондон и занимал разные должности в суде, хотя сам никогда не был судьей. В 1661 году он стал лордом-казначеем Шотландии. На протяжении следующих семи лет он, король и герцог Лодердейл управляли Шотландией по собственному усмотрению, хотя Морей также поддерживал тесные отношения с шотландской ветвью семьи Гамильтон. До самой смерти он оставался одним из самых близких советников короля. «Карл всецело доверял ему, и его советы всегда призывали к благоразумию и умеренности». Король нередко наносил частные визиты в его лабораторию в Уайтхолле и отзывался о нем как о «главе своей собственной церкви». Среди его коллег были такие люди, как Эвелин, Гюйгенс и Пепис, и все отзывались о нем только в превосходной степени. По утверждению энциклопедии, «его бескорыстие и возвышенность его целей признавались всеми. Он был лишен честолюбия и сам признавался, что не любил публичных мероприятий».

По свидетельству других современников, Морей был «известным химиком, страстным защитником розенкрейцеров и превосходным математиком». Именно его компетентность оказала огромное влияние на будущие поколения. Дело в том, что Морей являлся не только одним из основателей Королевского общества. Он также был его направляющей силой, или, как говорил Гюйгенс, «душой». По словам Фрэнсис Йейтс, «Морей больше любого другого человека сделал для того, чтобы основать Королевское общество и убедить Карла II взять его под свое покровительство». Морей до конца жизни считал Королевское общество своим самым главным достижением и «прилежно пекся о его интересах».

Учитывая тот факт, что сохранилось очень мало документов о масонстве семнадцатого века, можно лишь догадываться об интересах, деятельности и ориентации общества по связанным с ним выдающимся личностям. Именно таким индикатором и является Морей. Похоже, он был типичным представителем масонов семнадцатого века. Если это действительно так, то масонство этого периода может быть охарактеризовано как сплав традиций, сохранившихся благодаря шотландской гвардии и знатым шотландским фамилиям, таким как Линдсеи и Сетоны, алхимии и учения розенкрейцеров, проникших из континентальной Европы, а также различных научных и философских интересов, преобладавших в «Невидимом колледже», а впоследствии и в Королевском обществе.

Можно, конечно, возразить, что Морей был исключением, необыкновенно разносторонней и уникальной личностью, а вовсе не типичным представителем масонов. Однако в анналах масонства, относящихся к тому периоду, есть еще одна выдающаяся фигура, демонстрировавшая тот же спектр

интересов и склонностей, что и Морей. Сегодня эта фигура известна в основном по названию музея, носящего его имя. Это Элиас Ашмол.

Ашмол родился в Личфилде в 1617 году. Во время гражданской войны он активно выступал на стороне роялистов, а в 1644 году удалился в родной город, где Карл I назначил его сборщиком акцизов. Служебные обязанности часто приводили его в Оксфорд. Здесь он попал под влияние капитана (впоследствии сэра) Джорджа Хортон, который на всю жизнь заразил его страстью к алхимии и астрологии. В 1646 году Ашмол уже вращался среди лондонских астрологов, но одновременно поддерживал тесные связи с «Невидимым колледжем», который начиная с 1648 года стал собираться в Оксфорде. В то время его членами были Роберт Бойль, Кристофер Рен и доктор Джон Уилкинс (еще один основатель Королевского общества).

Ашмол владел как минимум пятью оригинальными манускриптами Джона Ди и в 1650 году издал один из них – трактат по алхимии – под анаграмматическим псевдонимом Джеймс Хасолл. За этой книгой последовали другие герметические и алхимические труды, которые оказали влияние на Бойля, а впоследствии и на Ньютона. Сам Ашмол стал известен тем, что часто появлялся в обществах розенкрейцеров. В 1656 году был опубликован перевод одного из важных текстов розенкрейцеров; этот перевод был снабжен посвящением: «...единственному философу нашего времени... Элиасу Ашмолу».

Карл II серьезно интересовался алхимией, и работы Ашмола произвели на него большое впечатление. Среди первых назначений, которые сделал вернувшийся на трон монарх, было назначение Ашмола на пост герольда Виндзора. Благоклонность королевского двора к Ашмолу со временем только усиливалась, и он занимал все новые и новые должности. Вслед за этим последовало и международное признание. В 1655 году он принялся за главный труд своей жизни, историю ордена Подвязки – а попутно и других рыцарских орденов Запада. Его работа, до сих пор считающаяся выдающейся в своей области, была опубликована в 1672 году и получила восторженные отклики не только в Англии, но и за рубежом. В 1677 году Ашмол подарил университету⁷ в Оксфорде собрание антиквариата, которое он унаследовал от друга, а затем дополнил предметами из собственной коллекции. В обмен Оксфорд обязался содержать его коллекцию, которая, по свидетельству современников, едва умещалась на двенадцати телегах. Ашмол, вызывавший восторг и восхищение современников и считавшийся одним из величайших магов своей эпохи, умер в 1692 году.

Ашмол был посвящен в масоны в 1646 году, через пять лет после Морей. Это событие описывается в его дневнике:

«1646, 16 октября, 4 часа 30 минут пополудни. Меня приняли в масонское братство в Уоррингтоне в Ланкашире вместе с полковником Генри Мейнуорингом из Карипгема, Честер. Имена присутствовавших членов ложи: мистер Рич. Пенкет, У орден, мистер Джеймс Кольер, мистер Рич. Сэнки, Генри Литлер, Джон Эллем, Рич Эллем и Хью Бревер».

Тридцать шесть лет спустя, в 1682 году, в дневнике Ашмола появляется еще одна запись о собрании ложи, на этот раз в Лондоне, в Доме мастеров, а в списке присутствовавших фигурировали фамилии известных в Сити людей. Таким образом, дневник Ашмола может служить подтверждением нескольких фактов: его собственной верности масонству на протяжении тридцати шести лет, распространенности масонства в Англии, и высокого положения людей, которые были связаны с

масонством в 80-х годах семнадцатого века.

Фрэнсис Йейтс считает важным тот факт, что «два человека, о которых достоверно известно, что они были одними из первых членов масонских лож, одновременно являлись членами Королевского общества». И действительно, Ашмол вместе с Морсем являлся одним из основателей Королевского общества. Во времена гражданской войны и протектората Кромвеля он, как и Морей, оставался ревностным роялистом, беззаветно преданным делу реставрации монархии Стюартов. Ашмол в гораздо большей степени, чем Морей, проявлял интерес к рыцарским орденам. В истории ордена Подвязки он ссылается на тамплиеров, становясь первым писателем, который после запрещения ордена благосклонно отзывается о нем. Именно при помощи Ашмола – известного антиквара, знатока истории рыцарства, видного масона, одного из основателей Королевского общества – мы имеем возможность узнать об отношении к тамплиерам масонов и розенкрейцеров семнадцатого века. Именно с Ашмола – по крайней мере, в глазах широкой публики – началась настоящая «реабилитация» тамплиеров. Однако Ашмол в этом отношении не был одинок.

В 1533 году немецкий маг, философ и алхимик Генрих Корнелий Агриппа фон Неттесгейм впервые опубликовал свой знаменитый труд «Об оккультной философии». Эта работа считается одной из основ «эзотерической» литературы и подтверждает репутацию Агриппы как выдающегося «чародея» своего времени, реального прототипа – в большей степени, чем историк Георг или Иоганн Фауст – главного героя пьесы Марло и драматической поэмы Гёте. В оригинальном издании своей работы на латинском языке Агриппа мимоходом упоминает и тамплиеров. Его комментарии говорят о том, что в Германии – в отсутствие противоположных свидетельств или преданий – преобладало мнение об «отвратительной ереси тамплиеров».

В 1651 году появился первый перевод произведения Агриппы. Он содержал краткое поэтическое посвящение алхимика и «натурфилософа» Томаса Вогхэма (Vaughan) – друга и последователя Морей – и продавался в книжной лавке во дворе собора св. Павла. В труде Агриппы, насчитывавшем более 500 страниц, тамплиерам было уделено лишь несколько слов. Однако неизвестный английский переводчик был обижен или смущен имеющимися в тексте ссылками и решил исправить их. Так, в английском издании речь идет об «отвратительной ереси» не тамплиеров, а «духовенства тех времен». Это явное свидетельство того, что в 1651 году, через два года после смерти Карла I, «реабилитация» тамплиеров шла уже полным ходом. В Англии существовали определенные интересы, нашедшие отражение в труде переводчика книги Агриппы и, вероятно, в ожиданиях будущих читателей, которые не были готовы принять строчки, порочащие тамплиеров – даже мимоходом и даже из уст такой известной личности, как маг Неттесгейм.

Реставрация Стюартов и масонство

Если Морей считался «душой» Королевского общества, то доктор Джон Уилкинс являлся его движущей и организующей силой. Уилкинс был тесно связан с «розенкрейцерским» двором Фридриха, пфальцграфа Рейнского и Елизаветы Стюарт. Поэтому он стал духовником их сына, когда тот был отправлен в Англию учиться. В конечном счете Уилкинса назначили епископом Честера. В 1648 году он опубликовал самый главный труд своей жизни под названием «Математическая магия», в значительной степени опиравшийся на работы Роберта Фладда и Джона Ди, дань восхищения которым отдавалась в предисловии к книге. В том же году Уилкинс начал проводить собрания в Оксфорде, с которых официально берет начало Королевское общество. Именно в Оксфорде с этой

группой ученых познакомился Ашмол.

Собрания в Оксфорде проводились на протяжении одиннадцати лет, до 1659 года, а затем были перенесены в Лондон. В 1660 году после реставрации монархии Морей обратился к вернувшемуся на трон королю с просьбой о покровительстве. В результате в 1661 году было образовано Королевское общество, патроном и действительным членом которого стал король. Первым президентом новой организации избрали Морей. В числе других основателей общества были Ашмол, Уилкинс, Бойль, Рен, хроникер Джон Эвелин и два видных розенкрейцера, беженцы из Германии Самуэль Хартлиб и Теодор Хаак. В 1672 году действительным членом Королевского общества стал Исаак Ньютон. В 1703 году он был избран президентом и оставался на этом посту до самой своей смерти в 1727 году. В период президентства Ньютона и некоторое время после него связь Королевского общества с масонами была особенно заметной. Членом Королевского общества в то время был знаменитый шевалье Рамсей, который еще займет важное место в нашем повествовании. В число членов общества входил также Джеймс Гамильтон, лорд Пейсли и седьмой граф Аберкорн, соавтор нашумевшего «Трактата о гармонии» и Великий Магистр английских масонов. Однако самым показательным можно считать членство в Королевском обществе близкого друга Ньютона Джона Дезагюлье, который в 1714 году стал действительным членом, а вскоре и членом правления общества. В 1719 году его избрали третьим Великим Магистром Великой Ложи Англии, и на протяжении следующих двадцати лет он оставался одной из самых заметных фигур в английском масонстве. В 1737 году он посвятил в масоны Фредерика, принца Уэльского, духовником которого он был.

В первые годы после Реставрации Королевское общество оставалось единственным проводником идей и взглядов масонов. Спектр деятельности масонов семнадцатого века был чрезвычайно широк и включал в себя естественные науки, философию, математику и геометрию, учения неоплатоников, герметиков и розенкрейцеров. Те же интересы просматриваются в литературных трудах большинства видных писателей того периода – к примеру, братьев-близнецов Томаса и Генри Вогана и так называемых «кембриджских платоников» Генри Мора и Ральфа Кадворта. Не сохранилось никаких документальных свидетельств, что эти люди были действительными членами одной из лож. Тем не менее они абсолютно точно отразили направленность масонских интересов. В круг общения Генри Мора входил выдающийся врач, ученый и алхимик Фрэнсис ван Гельмонт. Томас Воган, который был известен как алхимик и «натурфилософ», стал близким другом и протеже сэра Роберта Морея.

Чуть раньше, в период гражданской войны, Томас Воган и его брат активно выступали на стороне роялистов. Во время протектората Кромвеля Томас перевел – под псевдонимом Филалет – несколько «эзотерических» работ из континентальной Европы, включая знаменитые «розенкрейцерские манифесты». Близкие отношения Вогана с Мореем предполагают, что он, даже не будучи масоном, был близок к господствующим тенденциям масонской мысли. Эти интересы разделял и его брат Генри, который, судя по высказываниям потомков, отличался большим красноречием. Поэзия Генри Вогана – одного уровня с произведениями Эндрю Марвелла и Джорджа Герберта – может рассматриваться как обобщение течения и влияний, характерных для масонства семнадцатого века. Братья Воган увековечивали свои убеждения посредством литературы, но наиболее впечатляющий памятник английскому масонству семнадцатого века остался в архитектуре Лондона.

В 1666 году большой пожар уничтожил 80 процентов старого города, включая восемьдесят семь церквей, и столицу нужно было практически построить заново. Это требовало громадных и сконцентрированных усилий со стороны гильдий «практикующих» каменщиков. Таким образом, «практикующее» масонство проникло в общественное сознание, и их мастерство проявилось в таких сооружениях, как собор Святого Павла и дворец Святого Иакова, площадь Пиккадилли и Королевская биржа. По мере того как прямо на глазах населения рос город, его архитекторы и строители приобретали невиданное до сих пор уважение, и это уважение отразилось также на «спекулятивном» масонстве, приверженцы которого с готовностью подчеркивали свои связи с «практикующими» братьями. Самой главной фигурой в этой обстановке, вне всякого сомнения, был Кристофер Рен. Как мы уже видели, Рен был постоянным участником заседаний «Невидимого колледжа» в Оксфорде, а затем стал одним из основателей Королевского общества. Говорят, что в 1685 году его избрали Великим Магистром английских масонов. Однако он был не только мыслителем, но и практикующим архитектором. Именно поэтому он стал ключевым звеном, связывающим «спекулятивное» масонство с «практикующими» гильдиями.

Таким образом, сразу же после реставрации монархии в философии и религии, в искусстве, науке и, самое главное, в архитектуре для масонства наступили спокойные времена. Расцветая, масонство само оказывало благотворное и конструктивное влияние на общество. Можно даже утверждать, что оно – благодаря все более широкому распространению и большей открытости – внесло существенный вклад в лечение нанесенных гражданской войной ран.

Тем не менее нельзя сказать, что масоны не подвергались критике. В одной из сатирических пьес-однодневок, изданной в 1676 году, содержалось такое шутовское объявление:

«Обращаем ваше внимание, что современные маги Зеленой Ленты вместе с братьями Розового Креста, знатоками герметики и Обществом действительных масонов дают обед 31 ноября на улице Ветряных мельниц...»

Однако такие веселые пасквили не могли нанести существенного вреда масонству. В то время они играли роль современных отделов светской хроники в газетах, пробуждая интерес публики и, по всей видимости, только упрочняя репутацию тех, кого они пытались очернить. В равной степени это относится и к работе доктора Роберта Плота, хранителя музея Ашмола в Оксфорде, который в 1686 году опубликовал свое произведение «Описание Стаффордшира». Плот стремился высмеять – и даже осудить – масонство. Вместо этого он обеспечил масонам рекламу, которая оказалась чрезвычайно привлекательной для современников. Кроме того, он снабдил последующие поколения важными фактами, а также свидетельствами влияния института масонства.

Доктор Плот довольно подробно описывает все, что ему известно о ритуалах масонов, о собраниях лож, процедурах посвящения, а также о честности «практикующих» масонов, проявляемой при ведении строительства. В конце автор обрушивается на масонов с различными нападками. Однако атака эта получилась неудачной. Большинство читателей Плота – и это совсем не удивительно – игнорировали остроумный заключительный пассаж (или так и не добивались до него). Наоборот, они воодушевлялись тем, что предшествовало ему – древние знаменитые корни, о которых говорили масоны, участие «самых знаменитых людей», выгоды членства, взаимная поддержка, добрые дела, престиж профессии строителя и архитектора. После всего этого жестокая критика выглядела всего лишь вспышкой раздражительности и, возможно, досадой от того, что самого автора отказались

принять в ложу.

Период с 1660 по 1688 год можно считать золотым веком масонства. Оно уже утвердило себя – возможно, даже в большей степени, чем англиканская церковь – как объединяющая сила английского общества. Оно уже начало обеспечивать существование «демократического» форума, где «король и простолоудин», аристократ и мастерской, интеллектуал и ремесленник могли собираться вместе и в безопасности ложы обсуждать предметы, представляющие взаимный интерес. Однако такое положение продлилось недолго. В течение четверти века масонство пережило такой же болезненный раскол, как и само английское общество.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВИКОНТ ДАНДИ

В 1668 году младший брат короля Карла II Джеймс, принц Йоркский, перешел в католицизм. Он сделал это тихо, без лишнего шума и поэтому не встретил особых препятствий. Однако в 1685 году Карл II умер, и английский трон под именем Якова II унаследовал его брат. Новый монарх тут же занялся обращением подданных в свою веру. Иезуитам были пожалованы привилегии, а новообращенным людям знатного происхождения выплачивались значительные суммы.

Гражданские, судебные и военные заведения заполнились назначенцами католиков. Более того, Яков II как глава английской церкви имел возможность назначать прокатолически настроенных епископов или оставлять эти должности вакантными.

До 1688 года у Якова родились две дочери, Мария и Анна, причем обе воспитывались в духе протестантской религии. Никто не сомневался, что рано или поздно одна из них станет наследницей престола и Англия вновь обретет протестантского монарха. С учетом этой всеобщей уверенности католицизм Якова воспринимался как временное явление – это неприятно, но все же лучше, чем разрушительная гражданская война, случившаяся сорок лет назад.

Однако в 1688 году у Якова появился сын, который по праву престолонаследия стоял выше наследниц женского пола, и Англия столкнулась с перспективой появления католической династии. Более того, тремя годами раньше во Франции Людовик XIV отменил Нантский эдикт, гарантировавший протестантам свободу вероисповедания. Французские протестанты внезапно – после почти столетия спокойствия – подверглись новым преследованиям и депортации. Боясь повторить их судьбу, протестанты Англии оказали сопротивление своему монарху.

Трения между парламентом и королем усиливались. Затем Яков потребовал, чтобы англиканское духовенство заявило о терпимости к католикам и различным диссидентам, но семеро епископов отказались выполнить его волю. Их обвинили в неподчинении королевскому указу, но затем оправдали, что явилось явным вызовом власти монарха. В тот же день парламент предложил английский трон дочери Якова Марии, которая была настроена против католиков, и ее мужу Вильгельму, принцу Оранскому. Голландский принц ответил согласием. 5 ноября 1688 года он высадился в Торбее, чтобы стать новым английским королем.

К счастью, опасения по поводу новой полномасштабной гражданской войны не оправдались. Яков решил не бороться за власть и 23 декабря бежал, отправившись в изгнание во Францию. Тем не менее в марте 1689 года он высадился в Ирландии с французским войском и военными советниками. Здесь он созвал собственный парламент и стал набирать армию из католиков-ирландцев под командованием Ричарда Тальбота, графа Тирконнела.

Вслед за этим последовали спорадические стычки. 19 апреля католические войска Якова осадили Лондондерри, и осада была снята только 30 июля. Тем не менее прошел еще год, прежде чем армии Якова и Вильгельма встретились в решающем сражении. 1 июля 1690 года на реке Бойн Яков был наголову разбит и вновь отправился в изгнание во Францию – на этот раз навсегда. Его приверженцы оказывали сопротивление еще целый год, пока 12 июля 1691 года не потерпели второе поражение в битве при Огриме. Разбитые католические войска отступили в Лимерик, где были окружены и 3 октября капитулировали. Так закончилась английская «Славная революция», а с ней и эпоха правления династии Стюартов. Во время событий, которые стоили ему трона, Яков, по словам одного историка, «проявил политическую несостоятельность в почти что героических пропорциях». Если события 1688 года можно вообще считать революцией, то эта революция была относительно цивилизованной. Строго говоря, это была не революция, а государственный переворот, причем бескровный. Тем не менее он расколол английское общество не менее сильно, чем гражданская война за несколько десятилетий до него. Второй раз, меньше чем за пятьдесят лет, династия Стюартов была низложена, и это привело к переоценке ценностей – как для отдельных людей, так и общества в целом. Несмотря на все прегрешения конкретного короля, многие в Англии считали, что династия Стюартов легитимна, что она имеет местные корни, что она истинно британская – качества, которыми не обладал дом герцогов Оранских, еще двадцать пять лет назад бывших злейшими врагами Англии. В Шотландии верность прежней правящей династии пересилила религиозные убеждения. В Ирландии переход Якова в католицизм только увеличил его популярность среди населения. Трещины, появившиеся в английском обществе, нашли отражение в отношениях внутри знатных шотландских семей, уже фигурировавших в нашем повествовании. Так, например, при осаде Лондондерри Гамильтоны сражались на стороне обеих противоборствующих армий. Лорд Джеймс Синклер оставался «верным короне», независимо от того, на чью голову она была надета, тогда как его брат был заточен в тюрьму, а его сын, офицер шотландской гвардии, погиб в сражении на реке Войн.

В Шотландии самым активным сторонником Стюартов был Джон Грэм Клаверхаус, которому в 1688 году Яковом II был пожалован титул первого виконта Данди. Подобно многим другим знатым шотландским семьям, Грэмы из Клаверхауса состояли в родстве со Стюартами и, значит, вели свою родословную от Брюса: в 1413 году сэр Уильям Грэм женился на сестре Якова I Шотландского, правнучке Марджори Брюса и Уолтера Стюарта. Впоследствии один из членов семьи женился на сестре кардинала Битона, тайно представлявшего интересы Лотарингского дома и де Гизов. Однако большая часть истории этой семьи ничем не примечательна.

Джон Грэм Клаверхаус, виконт Данди, родился в 1648 году. Он был высокообразованным человеком: в 1661 году он окончил университет Сент-Эндрюса со степенью магистра искусств. Впоследствии виконт служил как Карлу II, так и Якову II. С 1672 по 1674 год он служил добровольцем во Франции – вместе с герцогом Монмаутом и Джоном Черчиллем, впоследствии герцогом Мальборо. В 1683 году он был в Лондоне при дворе Карла, а два года спустя при дворе Якова. В 1684 году Яков пожаловал ему поместье и замок Дадхоуп, и Клаверхаус женился на леди Джин Кохрейн, дочери известного масона лорда Уильяма Кохрейна. В 1686 году ему было присвоено звание генерал-майора кавалерии. Одним из его ближайших друзей был Колин Линдсей, третий граф Балкарес, внук знаменитого алхимика.

В апреле 1689 года, когда в Ирландии войска католиков приступили к осаде Лондондерри, Клаверхаус, руководивший сторонниками Стюартов в Шотландии, поднял флаг короля Якова в Данди. 27 июля в ущелье Киллекранки в тридцати милях от Перта его войска встретились с армией Вильгельма, которой командовал генерал-майор Хью Маккей. Битве предшествовали длительные маневры, но само сражение продолжалось около тридцати минут. Солдаты Маккея успели дать один залп, прежде чем были опрокинуты атакой Клаверхауса. В тот момент, когда строй армии Вильгельма рассыпался, Клаверхаус, скакавший во главе своего победоносного отряда, замертво упал с лошади. Пуля попала ему в левый глаз – странное эхо того удара копья, которым Габриэл де Монтгомери убил короля Франции Генриха II за столетие с четвертью до сражения при Киллекранки. С гибелью Клаверхауса сторонники Стюартов в Шотландии лишились своего лидера. Армия продолжала сражаться и начала наступление на Данкелд, но была разбита. В мае следующего года второе поражение при Кромдейле положило конец организованному сопротивлению в Шотландии – по крайней мере, на целое поколение.

По свидетельству одного из историков, в то время ходили упорные слухи, что в сражении при Киллекранки Данди стал жертвой нечестной игры. Говорили, что Данди вовсе не «пал в бою», а был убит во время суматохи наступления двумя людьми короля Вильгельма, которые присоединились к армии Клаверхауса и проникли в окружение виконта. В этом не было ничего экстраординарного. Наоборот, убийство опасного врага вполне соответствовало традициям той эпохи. Для нас важно не то, погиб ли Данди в бою или был преднамеренно убит, а то, что на его теле, подобранном с поля боя, нашли крест тамплиеров.

Магистр шотландских тамплиеров?

Известный историк «эзотерики» А. Э. Уэйт писал:

«Говорили, что... его преосвященство аббат Кальме освятил своим авторитетом три важных заявления: (1) что Джон Клаверхауз, виконт Данди, был Великим Магистром ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ в Шотландии; (2) что когда он пал в бою при Киллекранки 27 июля 1689 года, на нем был падет Большой крест ордена; (3) что этот крест был передай Кальме его братом. Если эта история правдива, то мы сталкиваемся с фактом выживания или возрождения тамплиеров, который никак не связан с мечтами или деятельностью шевалье Рамсеем... и самим масонством... Мы знаем, насколько желанным будет любое свидетельство в пользу сохранения старого ордена тамплиеров и его связи с масонством, и что легенды подобного рода таят в себе признаки подделки... Но если большой крест тамплиеров был действительно найден на теле виконта Данди, это доказывает, что в 1689 году ОРДЕН ХРАМА на самом деле сохранился или возродился в Шотландии».

Уэйт писал эти строки в 1921 году, когда большинство документальных свидетельств, которые мы приводим здесь, были еще неизвестны. Так, например, он не знал, что шотландская гвардия могла быть средством сохранения традиций тамплиеров. Не знал он и о сложных семейных связях, также способствовавших поддержанию этих традиций. Тем не менее общий смысл его утверждений остается верным. Если Клаверхаус носил настоящий крест тамплиеров, который был явно старше 1307 года, это являлось впечатляющим свидетельством того, что в 1689 году орден сохранился или был восстановлен в Шотландии. К сожалению, Уэйт не указывает источника, из которого он почерпнул эти сведения. Поэтому придется поискать информацию в другом месте.

В 1920 году, за год до появления рассказа Уэйта, в масонском журнале «*Quatuor Coronati*»,

издававшемся в Великобритании, появилась следующая ссылка:

«В 1689 году в сражении при Киллекранки... погиб лорд Данди, руководитель шотландской партии Стюартов. Но свидетельству аббата Кальме, он был Великим Магистром ордена тамплиеров в Шотландии».

Точно такое же утверждение встречается и раньше. В 1872 году исследователь истории масонства Джон Яркер писал:

«...этот лорд Мар был Великим Магистром шотландских тамплиеров в 1715 году, преемником лорда Данди, который Погиб в битве при Киллекранки в 1689 году и который носил на теле крест ордена, как об этом сообщает его преосвященство аббат Кальме».

Еще до Яркера эта история появилась в опубликованной в 1843 году брошюре. Автор брошюры неизвестен, но им мог быть шотландский поэт и академик Э. Эйтаун:

«По свидетельству аббата Кальме, он получил от Дэвида Грэма, носящего титул виконта Данди, Большой крест ордена, который носил на себе его доблестный и несчастливый брат в битве при Киллекранки. «Он был, – говорит аббат Кальме, – Великим Магистром ордена тамплиеров в Шотландии».

Таким образом, перед нами возникают три важных вопроса. Кто такой лорд Мар, преемник – по словам Яркера – Клаверхауза на посту Великого Магистра тамплиеров? Кто такой аббат Кальме, слова которого являются важнейшим доказательством правдивости этой истории? Кто такой этот таинственный брат Клаверхауза Дэвид, который якобы снял с тела мертвого брата крест и передал его французскому аббату?

Джон Эрскин, граф Мар, это широко известный лидер якобитов. Он стал графом в 1689 году, в год битвы при Киллекранки. Вначале он являлся противником якобитов и в 1705 году исполнял должность министра по делам Шотландии. На протяжении следующих десяти лет он так часто менял свои политические пристрастия, что заслужил прозвище «Попрыгунчик Джон». К 1715 году он наконец окончательно присоединился к партии изгнанных Стюартов и в этом же году сыграл видную роль в восстании, которое было поднято сторонниками бывшего короля. После подавления мятежа он лишился всех своих поместий и вместе с Яковом II жил в изгнании в Риме. В 1721 году граф Мар был назначен Яковом «министром при французском дворе», то есть послом Стюартов во Франции. В Париже он подружился с шевалье Рамсеем, одним из главных пропагандистов масонства в восемнадцатом веке.

Его преосвященство аббат Августин Кальме был одним из наиболее известных и уважаемых ученых и историков своего времени. Он родился в 1672 году, а в 1688-м в возрасте шестнадцати лет стал монахом бенедиктинского ордена. В 1704 году он занимал высокую должность в аббатстве Мюнстера, расположенном на французском берегу Рейна. В 1718 году Кальме стал аббатом монастыря св. Леопольда в Нанси, а в 1728 году аббатом Синоном, где и умер в 1757 году. После него остались многочисленные труды. Он писал комментарии ко всем книгам Ветхого и Нового Заветов, объемистую историю всей Библии, историю церкви в Лотарингии, введение к прославленной «Histoire ecclesiastique» кардинала Флери и – в перерывах между такими солидными трудами – стандартные работы о вампирах. Из опубликованных писем Кальме видно, что с мая 1706 по июль 1715 года он жил в Париже и вращался в кругах изгнанников-якобитов.

Судьбу Дэвида Грэма, младшего брата Клаверхауса, проследить гораздо сложнее. Известно, что он

принимал участие в сражении при Киллекранки и остался жив, но через несколько месяцев был заключен в тюрьму. В 1690 году ему удалось бежать из заточения, и он объявился во Франции, где Яков II пожаловал ему титул Данди, который ранее носил его брат. В качестве виконта Данди он присутствует в списках шотландской бригады, расквартированной в Дюнкерке в 1692 году находившейся под командованием генерал-майоров Бьюкена и Кэнона. Среди офицеров подразделения мы находим сэра Александра Млейна, отца сэра Гектора Маклина, а также шестого графа Вигтона Джона Флеминга, третьего барона Данкелда Джеймса Галлоуэя и четвертого графа Данфермлина Джеймса Сетона. Последний был особенно близок с Клаверхаусом, командовал его кавалерией в битве при Киллекранки и входил в состав отряда, который тайно вывез тело своего командира с поля боя и, возможно, похоронил его.

Еще раз имя Дэвида Грэма появляется в списках французской армии в 1693 году. Последний раз о нем упоминается в антиякобитском памфлете, опубликованном в 1696 году в Лондоне. В памфлете говорится, что он и другие известные изгнанники заняли командные посты во французской армии. После этого Дэвид Грэм просто исчез из всех исторических документов. «Это довольно странно, – замечает один из историков, – поскольку как третий виконт Данди он был важной персоной». Когда мы связались с архивом французской армии, то получили от генерала Роберта Бассака ответ, что он не нашел никаких упоминаний о Дэвиде Грэме. Однако он пишет следующее:

«... некий виконт Грэм был офицером в полку Огилви [то есть графа Арли] в 1747 году. Этот полк был сформирован Дэвидом, графом Арли, и состоял из остатков корпуса, разбитого при Куллодене. Возможно, это его сын или племянник».

Шотландская бригада, расквартированная в Дюнкерке в 1692 году, может пролить дополнительный свет на судьбу Грэма. В мае того же года:

«... шотландские офицеры, придя к выводу, что с потерей французского флота реставрация короля Якова на некоторое время откладывается, и они стали обузой для короля Франции, получая полное жалование в своих гарнизонах и не исполняя никаких обязанностей... смиренно просили короля Якова превратить их в рядовое подразделение стражи и назначить офицеров из их числа».

Подразделение было соответствующим образом реорганизовано. Среди его офицеров были два Рамсея, два Синклера, два Монтгомери и Гамильтон. Полк сначала перевели на юг Франции, а в 1693 году в Эльзас, в окрестности Мюнстерского аббатства. В 1697 году шотландцы вновь сражались в окрестностях аббатства, где в 1704 году его преосвященство аббат Кальме был назначен на должность «помощника настоятеля». Таким образом, Кальме имел две возможности познакомиться с Грэмом. Первая представилась ему в Эльзасе между 1693 и 1706 годами, а вторая в Париже после мая 1706 года, когда аббат стал завсегдаем якобитских кругов французской столицы.

С учетом всей этой дополнительной информации стоит вновь обратиться к рассказанной выше истории. Суть ее состоит в следующем:

1. Джон Клаверхаус, виконт Данди, был Великим Магистром какой-то тамплиерской или неотамплиерской организации в Шотландии, которая действовала, по крайней мере, до 1689 года.
2. После гибели Клаверхауса в сражении при Киллекранки его преемником на посту Великого Магистра стал граф Мар.
3. Когда тело Клаверхауса вынесли с поля боя, обнаружилось, что на нем был надет какой-то древний – то есть старше 1307 года – знак отличия тамплиеров, о котором говорят как о «Большом

кресте ордена».

4. Этот предмет перешел в руки брата Клаверхауса Дэвида, а затем был передан аббату Кальме. Если все это правда, то перед нами самое ценное из всех свидетельств сохранения ордена тамплиеров в Шотландии конца шестнадцатого века, когда таинственный Дэвид Сетон якобы объединил вокруг себя членов ордена после того, как его земли были незаконно проданы сэром Джеймсом Сэндилендсом.

Тем не менее эта версия вызывает определенные вопросы. Если шотландские тамплиеры действительно выступили на стороне Стюартов, то почему преемником Клаверхауса на должности Великого Магистра стал граф Мар, похоже, поддерживавший английский парламент и сделавшийся Убежденным якобитом только в 1715 году? И если регалия тамплиеров была такой ценной, то почему она перешла не к следующему Великому Магистру, кем бы он ни был, а к Французскому священнику, ученому и историку? В ответ на Эти вопросы можно выдвигать лишь гипотезы и догадки.

Тем не менее если бы история о принадлежавшем Клаверхаусу кресте тамплиеров была выдумкой, то в ней вряд ли присутствовали эти противоречия. В отличие от реальной истории, фантазия и выдумка способны избавиться от подобных противоречий.

В любом случае – и независимо от возникающих вопросов – эта история вполне правдоподобна. Преподобному аббату Кальме не было никакого смысла придумывать ее, а если бы он и сделал это, то гораздо искуснее. Более того, Кальме имеет безупречную репутацию как свидетель. Если Клаверхаус на самом деле владел крестом или другими регалиями ордена тамплиеров, то они вполне могли перейти в руки его брата, а у брата, как мы уже видели, было достаточно возможностей доверить их французскому священнику. В сохранности части оригинальных регалий тамплиеров нет ничего необычного. Мы сами видели другие такого же рода предметы, которые тщательно и любовно сохранялись в Шотландии; мы держали в руках оригинальный устав ордена, датированный 1156 годом. Само существование этих реликвий является красноречивым свидетельством того, сколько их ускользнуло от внимания исследователей и историков.

Однако существует еще одно важное свидетельство в пользу истории о принадлежавшем Клаверхаусу кресте тамплиеров. Как мы уже видели, собственность тамплиеров в Шотландии сохранялась в неприкосновенности в составе владений ордена св. Иоанна до 1564 года, когда управляющий этой собственностью сэр Джеймс Сэндиленс ухитрился присвоить ее. В пятнадцатом веке предок Клаверхауса Роберт Грэм женился на дочери коннетабля Данди. В результате этого брака он стал шурином Джона Сэндиленса, дедушки сэра Джеймса. Таким образом, семьи Грэмов и Сэндиленсов оказались связанными между собой, и предмет, переданный на сохранение последним, вполне мог перейти в руки Грэмов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ ЛОЖИ

Трудно со всей определенностью сказать, в какой степени развитие масонства в Шотландии было обязано наследию тамплиеров и их древним традициям. Если такая связь и существовала, то в начале восемнадцатого века она была давно утеряна, а новая еще не успела сформироваться. Масоны еще не делали попыток публично объявить себя наследниками тамплиеров. И хотя Клаверхаус и его брат, скорее всего, были масонами, никаких документальных свидетельств на этот счет не сохранилось.

Если крест тамплиеров действительно перешел от Клаверхауса к его брату, а затем к аббату Кальме, это может свидетельствовать о выживании ордена тамплиеров, но не имеет никакого отношения к масонству. Когда загадка тамплиеров вновь стала предметом всеобщего внимания, это произошло преимущественно во Франции. Однако масонство играло гораздо большую роль в общественной жизни Англии.

В эпоху правления Вильгельма и Марии протестантская религия восстановила свое главенство в стране. Актом парламента, который не утратил своей силы и поныне, английский трон было запрещено занимать лицам католического вероисповедания, а также тем, кто состоял в браке с католиком. Таким образом исключалось повторение ситуации, Предшествовавшей революции 1688 года.

В 1702 году, через восемь лет после смерти жены, умер Вильгельм Оранский. На престол вступила королева Анна, его свояченица и младшая дочь Якова II. Ее в 1714 году сменил Георг I, внук Елизаветы Стюарт и Фридриха, пфальцграфа Рейнского. После смерти Георга в 1727 году трон перешел к его сыну, Георгу II, который правил страной до 1760 года. На протяжении шестидесяти лет после восшествия на престол Вильгельма изгнанные Стюарты не теряли надежды вернуть себе трон. Свергнутый Яков II умер в 1701 году, и его наследником стал сын Яков III, которого называли «старым Претендентом». Якова III сменил, в свою очередь, его сын Карл-Эдуард, который получил прозвище «молодой Претендент» или «добряк принц Чарли». При этих трех монархах в изгнании якобитские круги на континенте оставались рассадником тайных заговоров и политических интриг. Нельзя сказать, что эти усилия были бесплодными. В 1708 году было предпринято давно задуманное вторжение в Шотландию – при поддержке французской армии и участии французского флота. Англия, большая часть войск которой участвовала в войне за Испанское наследство, оказалась плохо подготовленной к отражению этой угрозы, и вторжение вполне могло завершиться успехом, если бы не сочетание невезения, крайнего возбуждения якобитов и апатии французов. В результате кампания потерпела неудачу, но через семь лет, в 1715 году, в Шотландии вспыхнуло полномасштабное восстание, возглавил которое граф Мар – тот самый, который якобы унаследовал от Клаверхауса титул Великого Магистра новых тамплиеров. К восставшим также присоединился лорд Джордж Сетон, граф Уинтон, и в результате его титул был упразднен, земли перешли в другие руки, а сам он был приговорен к смерти. Однако в 1716 году ему удалось бежать из лондонского Тауэра, и он присоединился к Стюартам, жившим в изгнании во Франции. До конца своей жизни он принимал активное участие в делах якобитов, а в 1736 году стал магистром влиятельной масонской ложи якобитского толка в Риме. Мятеж был подавлен, хотя и с большим трудом, но Стюарты еще на протяжении тридцати лет оставались серьезной угрозой. Только после вторжения и полномасштабной военной кампании 1745-1746 года эта угроза наконец была устранена.

Революция 1688 года вызвала к жизни множество назревших реформ, важное место среди которых занимал билль о правах. В то же время британское общество было расколото надвое. Это произошло не потому, что сторонники Стюартов в массовом порядке покидали страну, оставляя ее в руках своих врагов. Наоборот, интересы свергнутых монархов были широко представлены в английском обществе. Не все симпатизирующие Стюартам были готовы действовать насильственными методами. Не все были готовы бросить вызов парламенту. Многие из этих людей, несмотря на свои политические симпатии, оказались добросовестными государственными чиновниками во времена

правления Вильгельма и Марии, королевы Анны и Ганноверской династии. К таким личностям относится, например, Исаак Ньютон. Но если Вильгельм и Мария, а также Анна были популярными монархами, то этого нельзя было сказать о Ганноверской династии. Многие в Англии открыто и публично – но так, чтобы их нельзя было обвинить в государственной измене – выступали против ненавистных немецких правителей и ратовали за возвращение Стюартов, которых они считали законной королевской династией.

Именно из этих сочувствующих Стюартам людей сформировалась партия «тори». Тори начала восемнадцатого века возникли в конце 70-х годов семнадцатого столетия из роялистов дореволюционных времен. Большинство принадлежали к англиканской церкви или были католиками. Точно так же большинство были землевладельцами и хотели, чтобы власть сосредоточилась в руках нетитулованного мелкопоместного дворянства.

Их противники, получившие прозвище «виги», тоже стали заметной политической силой в 70-е годы семнадцатого века. Эта партия состояла в основном из торговцев и лиц свободной профессии, которые играли активную роль в коммерции, промышленности, в банковском деле и в армии. Они поощряли религиозное многообразие, и в их рядах было много диссентеров и людей, отличавшихся свободомыслием. Виги ставили власть парламента выше королевской. Как выразился Свифт, они «предпочитали денежные интересы земельным». Являясь тайными и открытыми сторонниками пуританской этики, они представляли нарождающийся средний класс, чье лидерство сначала в торговой, а затем в промышленной революции определит ход британской истории и утвердит деньги в качестве главного арбитра. Виги не испытывали особой любви к Ганноверской династии, но были готовы терпеть немецких правителей в качестве цены за свои ширящиеся успехи.

Раскол в британском обществе нашел отражение и в масонстве. Судя по дошедшим до нас документам, революция 1688 года, по всей видимости, никак не отразилась на масонстве. Ложки не только продолжали регулярно собираться, но и увеличивались числом. Вполне возможно, что многие старые ложки или старейшие члены новых лож симпатизировали Стюартам или тори, но не существует никаких свидетельств того, что на этом этапе истории масонство служило для якобитов орудием шпионажа, тайных заговоров или пропаганды. Насколько это было возможно, большинство английских лож оставались – или старались оставаться – в стороне от политики. По мере того как все больше и больше вигов занимали видное положение и начинали играть важную роль в коммерции и внутренней политике, они неизбежно проникали в систему лож, накладывая отпечаток лояльности к Ганноверской династии на все масонство.

Тем не менее масонство с самого начала было неразрывно связано со Стюартами. В семнадцатом веке от масонов требовалась не только «верность королю», но они должны были проявлять активность, выявляя заговорщиков и сообщая о них. Таким образом они становились частью административного и государственного аппарата Стюартов. Подобная преданность укоренилась очень глубоко. Поэтому не стоит удивляться, что основное направление масонства оставалось связанным с политическим курсом Стюартов, последовало за ними в изгнание и из-за границы пыталось защитить их интересы в Англии. На протяжении первой трети семнадцатого века масонские ложки могли состоять либо из вигов, либо из тори, из сторонников Ганноверской династии, либо из якобитов, но хранителями истории общества и наследниками его традиций были именно тори в Англии и якобиты за границей. Это течение масонства было основным, тогда как остальные

представляли собой всего лишь боковые ветви.

Видные английские масоны, например герцог Уортон, являлись откровенными якобитами. За границей большая часть лидеров якобитов – например генерал Джеймс Кейт, граф Уинтон (Александр Сетон) и графы Дервенуотер (сначала Джеймс Рэдклиф, а затем его младший брат Чарльз) – были не только масонами, но и активно способствовали распространению масонства в Европе. После подавления восстания 1745 года многих известных масонов приговорили к смерти за сотрудничество с якобитами: Дервенуотер, который был Великим Магистром французских масонов, и графы Килмарнок и Кроматри, в разное время занимавшие пост Великого Магистра Шотландии. Только последнему удалось избежать смерти – остальных казнили в лондонском Тауэре.

По свидетельству одного из историков:

«Нет никаких сомнений в том, что якобиты сыграли ключевую роль в развитии масонства – до такой степени, что многие даже представляют масонство как гигантскую тайную организацию якобитов».

Мы утверждаем, что якобиты не только «сыграли ключевую роль в развитии масонства». Мы утверждаем, что они были, по крайней мере сначала, – его основными проводниками и пропагандистами. А создание Великой Ложы в 1717 году – впоследствии она стала главным представителем английского масонства – явилось не чем иным, как попыткой вигов или Ганноверской династии нарушить монополию якобитов.

Централизация английского масонства

Великая Ложа Англии была основана 24 июня 1717 года – в день св. Иоанна, который считался священным у тамплиеров. Сначала в нее входили четыре лондонские ложи, которые в своем стремлении к централизации объединились в единую организацию и избрали руководящий орган, Великую Ложу. Вскоре к ним присоединились и другие ложи, число которых в 1723 году возросло до пятидесяти двух.

Обычное объяснение объединения масонов в Великую Ложу звучит на редкость неубедительно – или неискренне. По выражению одного из авторов, объединение произошло «вследствие необходимости обеспечить возможность встречи для членов нескольких лондонских лож».

Утверждают также, что в то время пышно расцветали различные клубы и общества и что распространение и разрастание английского масонства явилось следствием этого процесса. Однако среди различных клубов той эпохи, а также антикварных, библиографических и научных обществ не наблюдалось похожего стремления к централизации. Только у масонов проявилась тенденция не только к расширению, но, что еще важнее, к централизации. Так, например, из пятидесяти двух лож, составлявших Великую Ложу в 1723 году, не менее двадцати шести образовались еще до основания Великой Ложы в 1717 году. Другими словами, то, что масоны остались в анналах истории, явилось результатом не их распространения, а готовности к централизации.

Историк масонства Дж. Р. Кларк в 1967 году писал: «Думаю, что в 1717 году была более веская причина для объединения: необходимость его диктовалась политическим положением в стране». Кларк подчеркивает шумную демонстрацию верности Ганноверской династии во время организационного собрания ложи – тосты за короля Георга и верноподданнические песни. Он справедливо заключает, что такое преувеличенное выражение патриотизма может рассматриваться как попытка доказать, что масоны не являются якобитами – в такой демонстрации не было бы необходимости, если бы не существовало причин для подозрений.

Современные историки склонны рассматривать шотландский мятеж 1715 года и основание Великой Ложи в 1717 году как два не связанных между собой события, разделенные двухгодичным временным промежутком. На самом деле мятеж 1715 года был окончательно подавлен лишь после казни лордов Кенмура и Дервентуотера в 1716 году, а планы объединения масонов существовали задолго до того, как оно произошло, то есть летом и осенью 1715 года. Таким образом, мятеж в Шотландии и основание Великой Ложи разделяло не два года, а всего лишь от шести до девяти месяцев. Поэтому вполне вероятно, что между этими событиями существовала причинная связь. Создается впечатление, что лояльный к Ганноверской династии истеблишмент, завидуя сети масонских лож, действовавшей в интересах мятежников-якобитов, решил сознательно ускорить создание собственной параллельной сети – как будто стремился к конкуренции в духе свободного предпринимательства, характерного для начала эпохи короля Георга. Чтобы усилить свою привлекательность, Великая Ложа не стала вбирать в себя соперничающие ложи.

Доказательством этого может служить сложный, запутанный и противоречивый вопрос о масонских «градусах», или, как их еще называют, степенях посвящения. В современном масонстве различают три «цеховые» степени и несколько «дополнительных» «высших градусов». Три «цеховые» степени – ученик, подмастерье, мастер-каменщик – находятся под юрисдикцией Объединенной Великой Ложи Англии. Высшие степени управляются другими масонскими организациями, такими, как Верховный совет Древнего и Принятого шотландского обряда или Великий капитул Царственного свода. Сегодня большинство английских масонов проходят через три степени, предлагаемые Великой Ложей, а затем выбирают один из «высших градусов» – подобно тому как студент, сдавший экзамены на степень бакалавра по английской литературе в одном университете, может поступить в другой для получения степени бакалавра по французской и немецкой литературе. В начале восемнадцатого века это было запрещено. Для английских масонов того времени, которые не хотели подвергать сомнению свою лояльность короне, были доступны только три степени, предлагаемые Великой Ложей. «Высшие градусы» находились исключительно в ведении якобитских лож, и масонские организации, предлагающие эти степени, считались в лучшем случае подозрительными, а в худшем изменническими. Этот вопрос и сегодня вызывает бурные споры, однако общепризнанным является тот факт, что «высшие градусы» не только ведут свое происхождение от якобитской ветви масонства, но и всегда принадлежали ей. Другими словами, это не поздние изобретения, а неотъемлемая часть кладезя традиций, легенд и символики, из которых Великая Ложа в 1717 году взяла лишь малую долю. По словам одного из масонских историков:

«... наши братья якобиты просто взяли другие части из того же Кладезя, приспособили их служению тому Делу, которое для них было священным... Делу, которое давно исчезло, но многие градусы, освобожденные от политических ассоциаций, остались».

Другими словами, «высшие градусы» вобрали в себя те аспекты масонских ритуалов, традиций и истории, которые были просто неизвестны или недоступны Великой Ложке – или принять которые для Великой Ложи было опасно с политической точки зрения, и поэтому пришлось отречься от них. Однако после 1745 года, когда Стюарты окончательно перестали представлять угрозу для занявшей английский трон Ганноверской династии, Великая Ложа стала, хотя и неохотно, признавать «высшие градусы». И действительно, определенные аспекты «высших градусов», очищенные от потенциально противоречивых элементов, в конечном итоге были включены как дополнительные в собственную

систему степеней Великой Ложи. В результате в 1813 году – для этого потребовалось слияние с параллельными и конкурирующими альтернативами Великой Ложи – образовалась Объединенная Великая Ложа.

Сегодня история английского масонства в основном изучается специалистами, работающими под покровительством Объединенной Великой Ложи. Они рассматривают якобитскую ветвь масонства и многочисленные «высшие градусы» как раскольнические и еретические – как отклонения от главного направления, представителями которого они себя считают. На самом деле все обстоит прямо противоположным образом-, якобитское направление изначально было основным, а Великая Ложа представляла собой боковую ветвь, которая вследствие исторических обстоятельств и превратностей судьбы в конечном итоге превратилась в основную.

Великая Ложа начиналась, скорее всего, как отклонение от основного направления. И точно так же она вытеснила это основное направление и сама заняла главенствующее положение. Процесс этот был непростым, и Великая Ложа оставалась на подозрении у властей, благосклонности которых добивалась. Как отмечает один из масонских историков, «быть членом масонского братства в тот период означало навлечь на себя подозрения в сочувствии якобитам».

Влияние английского масонства

Герцог Уортон, ставший Великим Магистром Великой Ложи в 1722 году, почти ничего не сделал для ее признания со стороны общественности и властей. Он был не только откровенным сторонником якобитов. За три года до этого он основал знаменитый (или печально известный) «Клуб адского пламени», члены которого первоначально встречались в таверне «Грейхаунд» неподалеку от собора Святого Иакова. Одним из его компаньонов в этом предприятии был человек, которому вскоре будет суждено сыграть видную роль в масонском движении. Это Джордж Ли, граф Личфиллд, чей отец погиб в битве на реке Бойн, сражаясь на стороне Стюартов, а мать, Шарлотта Фицрой, была незаконнорожденной дочерью Карла II. Таким образом, в его жилах текла кровь Стюартов, и он приходился кузеном двум другим незаконнорожденным внукам Карла II, Джеймсу и Чарльзу Рэдклифам, впоследствии графам Дервенуотер. Неудивительно, что он считался влиятельной фигурой среди якобитов. В 1716 году его усилиями был организован успешный побег из ньюгейтской тюрьмы Чарльза Рэдклифа и тринадцати его товарищей, которые были заточены туда за участие в восстании 1715 года. К этому времени Джеймса Рэдклифа уже успели казнить.

Терпение властей – и это вполне предсказуемо – в конечном итоге иссякло. В 1721 году был издан эдикт, направленный против «определенных возмутительных клубов или обществ». Без лишнего шума, хотя и временно, «Клуб адского пламени» был закрыт. Понимая, что находится под подозрением, Великая Ложа посчитала себя обязанной заверить правительство в своей «безопасности».

В 1722 году на ежегодном собрании Великой Ложи лорду Уортону, несмотря на все обвинения, вновь удалось добиться избрания Великим Магистром. Впоследствии его обвинили в том, что он хочет «поставить масонство на службу якобитам». На следующий год Уортон внезапно и «без каких-либо церемоний» оставил свой пост, и его сменил лояльный к Ганноверской династии граф Далкейт. Если при предшественниках графа Далкейта и существовали какие-нибудь официальные протоколы ложи, то они исчезли без следа. Официально протоколы Великой Ложи ведут свой отсчет с 25 ноября 1723 года, когда он стал Великим Магистром.

В сентябре 1722 года был раскрыт амбициозный, хотя и нелепый якобитский заговор – поднять восстание в Лондоне, захватить Тауэр и удерживать его до тех пор, пока к мятежникам не придет подкрепление из Франции. Среди заговорщиков был доктор Джон Арбетнот, известный масон и бывший королевский лекарь при дворе королевы Анны. В круг близких друзей Арбетнота входили многие известные масоны, в том числе Поп и Свифт, которые хотя и не имели отношения к заговору, но тем не менее запятнали себя знакомством с его участниками. Сентябрьский заговор серьезно подорвал то доверие, которое Великой Ложе удалось завоевать за предыдущие месяцы, и поэтому потребовались новые уверения в лояльности.

В 1723 году, как будто специально для того, чтобы раз и навсегда снять всякие подозрения в подрывной политической деятельности, появились знаменитые «Конституции» Джеймса Андерсона. Андерсон, священник шотландской церкви и капеллан ярого приверженца Ганноверской династии графа Бьюкена, был членом необыкновенно влиятельной ложи «Хорн», к которой принадлежали такие столпы общества, как герцог Куинсборо, герцог Ричмонд, лорд Пейсли, а в 1725 году и приятель Ньютона Джон Деагюлье. Подобные рекомендации и связи ставили Андерсона вне всяких подозрений. Более того, в 1712 году он опубликовал несколько ядовитых антикатолических памфлетов, прославляя королеву Анну и взывая к Господу:

«...чтобы он развеял тщетные надежды наших общих врагов и распространил протестантскую религию среди нас, укрепил протестантское наследование трона Ганноверским домом...»

Позднее, в 1732 году, Андерсон опубликовал еще одну, прославляющую Ганноверскую династию работу, «Королевская генеалогия». Среди ее читателей были граф Далкейт, граф Аберкорн, полковник (впоследствии генерал) сэр Джон Лигоньер, полковник Джон Питт, доктор Джон Аберкорт, Джон Деагюлье и сэр Роберт Уолпол.

«Конституции» Андерсона стали, по существу, библией английского масонства. В этой книге формулируются положения, которые теперь известны как основные принципы Великой Ложи. Первая статья отличается некоторой туманностью и по сей день служит предметом споров, интерпретаций и разногласий. В прошлом масоны были обязаны заявлять о своей верности Богу и англиканской церкви, однако Андерсон пишет о «верности всеобщей религии». Вторая статья отличается большей откровенностью: «Масон... не примет участия ни в каких замыслах против мира и блага народа». В соответствии с шестой статьей в ложе были запрещены любые споры, касающиеся религии или политики.

Тем не менее «Конституции» не смогли очистить масонов от всех подозрений. В 1737 году в двух лондонских журналах было напечатано письмо, в котором масоны объявлялись опасными для английского общества, поскольку они тайно служили делу Стюартов. В тексте письма содержались зловещие намеки на «особые» ложи, якобы владевшие важной информацией и скрывавшие ее от рядовых масонов. Утверждалось, что эти ложи – которые «допускают... к себе даже якобитов, неприятели и папистов» – вербуют сторонников Стюартов. Анонимный автор признавал, что многие масоны хранят верность королю, но затем задавался вопросом: «Откуда мы знаем, что те люди, в благонадежности которых мы не сомневаемся, допущены ко всем их тайнам?»

К этому моменту такого рода паранойя, однако, была уже не правилом, а исключением. С «Конституциями» Андерсона Великая Ложа стала respectable и верным придатком – как общественным, так и культурным – Ганноверской династии, расширяя свое влияние вплоть до

самого трона. В Шотландии, Ирландии и в континентальной Европе продолжали активную деятельность другие течения масонства. В Англии же Великая Ложа установила нечто вроде монополии, и ее политическая ортодоксальность больше никогда не ставилась под сомнение. И действительно, Великая Ложа настолько интегрировалась в английское общество, что ее терминология проникла в разговорный язык и остается там по сей день. Масонству мы обязаны такими выражениями, как «на уровне», «третья степень», а также многими другими.

К тридцатым годам восемнадцатого века Великая Ложа стала проявлять усиленный интерес к Северной Америке и «гарантировать» возникающие там ложи, то есть оказывать им покровительство как собственным отделениям. Так, например, в 1732 году генерал Джеймс Оглеторп основал колонию Джорджия, а два года спустя стал магистром первой масонской ложи Джорджии. Политические пристрастия самого генерала отличались некоторой двойственностью. Почти все члены его семьи были яркими сторонниками якобитов. Особенную активность проявляли две сестры генерала и его старший брат, отправленный в ссылку за подстрекательскую деятельность. Во время мятежа 1745 года сам Оглеторп командовал одним из подразделений действующей армии и проявил такую вялость при проведении военных операций, что попал под суд. Генерала оправдали, но ни у кого не осталось сомнений, что он разделяет политические симпатии своей семьи. Тем не менее, его затея в Джорджии была встречена с одобрением как режимом Ганноверской династии, так и Великой Ложей. Великая Ложа не только выступила гарантом организованной им масонской ложи, но и «настоятельно рекомендовала» своим английским членам собрать «обильные пожертвования» в пользу своего филиала в Джорджии.

Таким образом, к третьей декаде восемнадцатого века английское масонство под руководством Великой Ложы превратилось в бастион общественного и культурного истеблишмента, и среди самых известных его братьев были такие люди, как Дезагюлье, Поп, Свифт, Хогарт и Босуэл, а также Франсуа Лотарингский, будущий муж австрийской императрицы Марии-Терезии. Как мы уже видели, Великая Ложа начиналась как ответвление от основного направления масонства, а затем – по крайней мере, в Англии – сама стала главным направлением. В некоторых отношениях масонство Великой Ложы было «менее полным», чем масонство якобитов, меньше знакомым с его древними тайнами и в меньшей степени унаследовавшим его исконные традиции. Но несмотря на это – а возможно, благодаря этому – масонство Великой Ложы выполняло ту социальную и культурную функцию, которая отсутствовала у его соперников на континенте.

Великая Ложа пронизала всю ткань английского общества и внедрила свои ценности в основы английского мышления. Настаивая на всеобщем братстве, преодолевающем национальные границы, масонство оказало серьезное влияние на великих реформаторов восемнадцатого века – на Дэвида Юма, на Вольтера, Дидро, Монтескье и Руссо во Франции, а также на их последователей в колониях, которые вскоре станут Соединенными Штатами. Именно Великой Ложой и тому философскому климату, который она создавала, мы обязаны всему лучшему в английской истории той эпохи. Под эгидой Великой Ложы вся кастовая система Англии стала менее жесткой, чем в любой другой стране континентальной Европы. Появлялось все больше возможностей для – выражаясь языком социологов – «вертикальной мобильности». Осуждение любых религиозных или политических предрассудков способствовало не только развитию терпимости, но и определенного эгалитарного духа, который производил огромное впечатление на гостей из-за границы. Среди таких гостей был,

например, Вольтер, впоследствии сам ставший масоном. Он настолько воодушевился английским обществом, что стал прославлять его как образец, к которому должна стремиться вся европейская цивилизация. Антисемитизм в Англии осуждался сильнее, чем в любой другой европейской стране, и евреи здесь не только становились масонами, но и получили доступ к политической и общественной жизни, в котором им отказывали прежде. Растущий средний класс получил пространство для маневра и расширения, что дало мощный толчок развитию Британии, выдвинув ее на передовые позиции в сфере промышленности и торговли. Благотворительная деятельность, в том числе часто подчеркиваемая особо помощь вдовам и сиротам, способствовала распространению новых идей о гражданской ответственности и вымостила дорогу многим последующим социальным программам. Можно даже утверждать, что сплоченность ложи в соединении с обращением к традициям средневековых гильдий явилась предвестницей многих черт тред-юнионизма. И наконец, процесс избрания магистров и Великих Магистров способствовал внедрению в сознание англичан разумного разделения между человеком и его должностью, и это понимание вскоре принесет свои плоды в Америке.

Английское масонство во всех отношениях представляло собой некое связующее звено, соединительную ткань общества восемнадцатого века. Помимо всего прочего оно помогало создать в стране более спокойную атмосферу, чем на континенте, где недовольство народа выплеснулось сначала в виде Великой французской революции, а затем восстаний 1832 и 1848 годов. Этот климат распространился и на английские колонии в Северной Америке, сыграв ключевую роль в образовании Соединенных Штатов. Таким образом, та форма масонства, которая распространялась Великой Ложей, заменила первоначальную. При этом она стала одним из самых важных и влиятельных явлений столетия – явления, значительность которого часто недооценивается ортодоксальными историками.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЯКОБИТСКОЕ ТЕЧЕНИЕ МАСОНСТВА

В то время как Великая Ложа процветала, проякобитские ложи постепенно уходили в подполье. Некоторые из них оказались особенно упорными, особенно на северо-востоке, в окрестностях Ньюкасла и фамильных владений Рэдклифов в Дервентуотере, но политическое положение в стране не оставляло им простора для расширения и развития. Тот же самый процесс характерен и для Шотландии, где все документальные свидетельства, относящиеся к масонству в период 1689-1745 годов были – намеренно или в суматохе бурных событий – утрачены. Совсем иначе обстояли дела в Ирландии.

Еще в 1688 году масонство было широко распространенным явлением в этой стране. В том же году один дублинский оратор, желая привлечь внимание аудитории, говорил о ком-то как о «новом масоне», что предполагало наличие и «старого направления». Тогда же разразился небольшой скандал, когда был обнаружен мертвым один человек с сомнительной репутацией, которого знали как антикатолического информатора и шпиона, а на его теле нашли некую «масонскую метку». Правда, не сохранилось никаких сведений о том, что это за метка, была ли она прикреплена или отпечатана на теле и имела ли она вообще отношение к смерти этого человека.

Документальные свидетельства истории Великой Ложы Ирландии носят отрывочный характер, а книги протоколов до 1780 года и все другие записи до 1760 года утрачены. Какую-либо информацию

можно почерпнуть только из внешних источников, таких, как газеты и письма. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства указывают на то, что Великая Ложа Ирландии была основана в 1723 или в 1724 году, через семь лет после ее английской соперницы. Первым Великим Магистром стал герцог Монтегю, который в 1721 году председательствовал в Великой Ложке Англии. Монтегю был крестником Георга I и стойким приверженцем Ганноверской династии. Учитывая многочисленность и упорство сторонников Стюартов в Ирландии, неудивительно, что он столкнулся с многочисленными шпионами, и Великая Ложа Ирландии была раздираема внутренними противоречиями. Промежуток между 1725 и 1731 годами – это белое пятно в истории ложи, и большинство историков сходятся на том, что она была безнадежно расколота на якобитов и сторонников Ганноверской династии.

В марте 1731 года под руководством Великого Магистра графа Росса, по всей видимости, произошло объединение фракций. Через месяц Росса сменил лорд Джеймс Кингстон. В 1728 году он тоже руководил Великой Ложкой Англии, но в 1730 году, когда английская Великая Ложа утвердила некоторые общие изменения, «обратил свое усердие на ирландское масонство». Кингстон персонифицировал ориентацию Великой Ложки Ирландии. У него было якобитское прошлое, и он происходил из якобитской семьи. Его отец служил при дворе Якова II и последовал за свергнутым королем в изгнание. В Ирландию он вернулся только в 1693 году, где его сначала простили, а затем арестовали, обвинив в наборе рекрутов в армию Стюартов. В 1722 году такие же обвинения были выдвинуты против самого Кингстона.

Таким образом, Великая Ложа Ирландии осталась хранилищем тех традиций масонства, от которых отказалась или которые отрицала Великая Ложа Англии. Именно с масонством ирландского толка сталкивались многочисленные британские воинские подразделения, которые проходили через Ирландию или несли в стране гарнизонную службу. Когда в британской армии стала развиваться сеть полковых лож, большинство из них – по крайней мере, на первом этапе – находились под покровительством Великой Ложки Ирландии. Этот аспект крайне важен, хотя результат проявился только четверть века спустя.

Тем временем первоначальное главное направление масонства вместе с изгнанными Стюартами переместилось в континентальную Европу. Наибольшее развитие оно получило во Франции в период, непосредственно предшествовавший 1745 году. Именно во Франции масонство якобитского направления включило в себя древнее наследие тамплиеров– или восстановило с ним связь.

Первые ложи

Масонство пришло во Францию, по всей видимости, с подразделениями разбитой якобитской армии между 1688 и 1691 годами. В соответствии с документальными свидетельствами восемнадцатого века первая масонская ложа во Франции была основана 25 марта 1688 года королевским пехотным ирландским полком, который был сформирован Карлом II в 1661 году, сопровождал его в Англию при неудачной попытке реставрации, а затем вновь отправился в изгнание с Яковом II. В восемнадцатом веке этот полк назывался «пехотным полком Уолша» – по имени его командира. Уолш происходил из известной семьи ссыльных ирландских судовладельцев. Один из членов семьи, капитан Джеймс Уолш, предоставил Якову II судно, которое в целостности и сохранности доставило его во Францию. Впоследствии Уолш вместе со своими родственниками основал крупную судостроительную компанию в Сен-Мало, которая специализировалась на постройке военных

кораблей для французского флота. В то же время они оставались преданными сторонниками Стюартов. Через два поколения внук Уолша Энтони Винсент Уолш вместе с другим влиятельным коммерсантом и судовладельцем Домиником О'Хэгерти предоставил свои суда Карлу Эдуарду Стюарту для вторжения в Англию. В знак признательности за оказанную услугу находящиеся в изгнании Стюарты пожаловали Энтону Уолшу графский титул, который был официально признан французским правительством.

Во Франции ирландские военные, благодаря которым произошла трансплантация масонства на континент, вращались в тех же кругах, что и сторонники Стюартов, бежавшие из Шотландии, такие, как Дэвид Грэм, брат Джона Клаверхауса, на теле которого якобы нашли крест тамплиеров. Если масонство на некоторое время и утратило связь с традициями тамплиеров, то в первой четверти восемнадцатого столетия во Франции этот контакт восстановился. Франция оказалась благодатной почвой как для самого масонства, так и для мистики тамплиеров.

Во многих отношениях именно француз Рене Декарт в начале семнадцатого века впервые сформулировал доктрину, которая стала основой мышления в восемнадцатом веке. Однако во Франции эти идеи столкнулись с враждебным отношением церкви и государства, и картезианское мировоззрение постепенно переместилось в Англию, проявившись во взглядах таких личностей, как Локк, Бойль, Юм и Ньютон, а также через такие организации, как Королевское общество и само масонское братство. Именно к Англии прогрессивные французские мыслители Монтескье и Вольтер обращались за новыми идеями. Они и их соотечественники оказались особенно восприимчивыми к масонству.

Если масонство действительно пришло во Францию в 1688 году, то должно было пройти еще тридцать пять лет, прежде чем появилась первая официально зарегистрированная французская ложа. Большинство источников указывают 1725 год как дату ее основания, но один – но, возможно, самый надежный – называет 1726 год. Основателем ложи стал Чарльз Рэдклиф, граф Дервентуотер, чей старший брат Джеймс был казнен за участие в мятеже 1715 года. Вместе с Рэдклифом в организации ложи принимали участие сэр Джеймс Гектор Маклин, глава клана Маклинов, а также Доминик О'Хэгерти, богатый эмигрант, который вместе с Энтони Уолшем предоставил Карлу-Эдуарду суда для вторжения в Англию в 1745 году, и еще один человек, чье имя в документах звучит как «Хью» или «Харк». Один из историков упорно придерживается мнения, что это искаженное написание фамилии «Харри». В 1650 году в Эдинбурге был казнен некий сэр Джон Харри, сторонник Стюартов. Его семья оставалась преданной якобитам, и Карл II пожаловал ей дворянское звание. Возможно, один из живших в изгнании детей или внуков этого человека вместе с Рэдклифом, Маклином и О'Хэгерти основал первую французскую ложу.

К 1729 году французские ложи быстро разрастались, оставаясь в рамках якобитской ветви масонства. Чтобы не отстать от соперников, английская Великая Ложа в этом же году начала открывать свои филиалы во Франции. Некоторое время две масонские системы существовали параллельно, конкурируя между собой. Однако якобитская система постепенно заняла главенствующее положение, хотя и не смогла добиться полной монополии. Из нее в конечном итоге образовалась самая значительная масонская организация во Франции, Великий Восток.

Одной из самых известных якобитских лож во Франции была в то время «Ложа де Бюсси», расположенная на улице с тем же названием, которая вела к площади перед Сен-Жер мен-де-Пре.

Другая улица, выходящая на туже площадь, называлась рю де Бушери, и на ней располагалась ложа, основанная Рэдклифом. Другими словами, две эти ложи находились буквально в нескольких шагах друг от друга, и это соседство являло собой настоящий якобитский анклав. Вскоре французские якобиты раскинули свои сети еще дальше. В сентябре 1735 года, к примеру, в ложу Бушери приняли лорда Чьютона, сына графа Уолдгрейва, британского посла во Франции (он сам был членом ложи «Хорн» с 1723 года), а также графа де Сен-Флорентин, министра Людовика XV. Среди присутствовавших на церемонии посвящения были Дезагюлье, Монтескье и кузен Рэдклифа герцог Ричмонд. В конце этого же года герцог Ричмонд основал собственную ложу в своем замке Обиньи-сюр-Нер.

Несмотря на то, что Рэдклиф был одним из основателей первой официально зарегистрированной ложи во Франции, он не стал Великим Магистром. Судя по самым старым сохранившимся документам, в 1728 году первым Великим Магистром был избран не кто иной, как бывший Великий Магистр Великой Ложи Англии герцог Уортон. Еще больше укрепившись в своих симпатиях к якобитам, Уортон, после того как его выжили из Великой Ложи, отправился в Вену, надеясь убедить австрийских Габсбургов предпринять вторжение в Англию, чтобы помочь Стюартам. Дальнейшие странствования привели его сначала в Рим, а затем в Мадрид, где он основал первую масонскую ложу в Испании. Будучи в Париже, он, по всей видимости, некоторое время жил у Уолша. После возвращения из Испании Уортон уступил пост Великого Магистра товарищу Рэдклифа сэру Джеймсу Гектору Маклину. В 1736 году Маклина сменил Рэдклиф, этот «серый кардинал», который вышел из-за кулис, чтобы занять центральное место на сцене.

Рэдклиф был одним из тех двух людей, которые сыграли главную роль в распространении масонских идей во Франции. Другой – это эклектичная и перипатетическая личность по имени Эндрю Майкл Рамсей.

Рамсей родился в Шотландии в 80-х годах семнадцатого века. Молодым человеком он вступил в квази-розенкрейцерское общество под названием «Филадельфийцы», а также учился вместе с одним из близких друзей Исаака Ньютона. Впоследствии Рамсей познакомился с другими товарищами Ньютона, в том числе и с Джоном Дезагюлье. Кроме того, он был близким другом Дэвида Юма, и они оказывали серьезное влияние друг на друга.

В 1710 году Рамсей находится в Камбрэ, где у него складываются близкие отношения с человеком, которого он считал своим наставником – либеральным католическим философом и мистиком Франсуа Фенелоном. В 1715 году после смерти Фенелона Рамсей перебирается в Париж. Здесь он становится доверенным лицом французского регента Филиппа Орлеанского, который сделал его кавалером неорыцарского ордена св. Лазаря, и с этих пор Рамсей стал известен как «шевалье». Точно неизвестно, когда он познакомился с Рэдклифом, но к 1720 году он присоединился к якобитам и некоторое время был учителем у юного Карла-Эдуарда Стюарта.

В 1729 году, несмотря на свои связи с якобитами, Рамсей вернулся в Англию. Здесь, невзирая на отсутствие должной квалификации, его быстро приняли в Королевское общество. Кроме того, он стал членом еще одной престижной организации, модного «Джентльменского клуба Сполдинга», в который входили герцог Монтегю, граф Аберкорн, граф Далкейт, Дезагюлье, Поп, Ньютон и Франсуа Лотарингский. К 1730 году он вернулся во Францию и стал принимать активное участие в делах масонства, все больше сближаясь с Чарльзом Рэдклифом.

26 декабря 1736 года – дата предположительного избрания Рэдклифа Великим Магистром французских масонов – Рамсей произнес речь, которая станет одной из важных вех в истории масонства и источником бесконечных споров. Эта речь в слегка измененном виде была вновь представлена широкой публике 20 марта 1737 года и стала известна под именем «Речи» Рамсея. В основе ее появления лежат скрытые политические мотивы. В то время Францией правил двадцатисемилетний Людовик XV. Реальная власть была сосредоточена в руках главного советника короля кардинала Андре Эркюля де Флери – как за столетие до этого в руках кардинала Ришелье. Уставший от войны Флери стремился установить долговременный мир с Англией. По этой причине он враждебно относился к рассаднику направленных против Ганноверской династии заговоров, в который превратилась якобитская ветвь масонства во Франции. Стюарты, со своей стороны, надеялись уговорить Флери отказаться от своего замысла и сохранить Францию, которая традиционно поддерживала королевский дом Шотландии, в качестве союзника для осуществления своей мечты по возвращению на английский трон. «Речь» Рамсея была направлена – по крайней мере, отчасти – на то, чтобы смягчить неприязнь Флери к масонству, убедить его и в конечном итоге обеспечить масонству во Франции покровительство короля. Рамсей надеялся, что Людовик XV сам станет членом ложи. Приняв в свое лоно короля, масонство получит возможность создать франко-шотландский фронт и предпринять еще одну попытку вторжения в Англию, чтобы вернуть Стюартам английский престол. Эти цели заставили Рамсея рассказать о ценностях и взглядах якобитской ветви масонства в начале восемнадцатого века больше, чем осмеливался сделать любой другой человек, а также разгласить больше тайн, чем было разглашено за всю историю организации. В своем заявлении, почти дословно позаимствованном у Фепелона, Рамсей утверждает: «Мир – это огромная республика, в которой каждая нация есть семья, а каждый человек ребенок». Это заявление не произвело особого впечатления на католического кардинала Флери, убежденного националиста и монархиста, который к тому же недолюбливал Фенелона. Однако оно оказало огромное влияние на других мыслителей, причем не только во Франции и в Европе, но и в северо-американских колониях. Далее Рамсей добавляет: «Интересами братства должны стать интересы всей человеческой расы». Он называет Великую Ложу и все другие формы масонства, отличные от якобитской, «еретическими, ренегатскими и республиканскими».

Рамсей подчеркивает, что корни масонства лежат в мистических школах и сектах древности: «Само слово масон, таким образом, не должно пониматься в его буквальном, основном и материальном значении, как будто наши основатели были простыми каменщиками или странными гениями, которые стремились к совершенству в своем деле. Они были не просто искусными архитекторами, жаждавшими направить свои таланты и способности на сооружение материальных храмов; они также были религиозными и военными деятелями, стремящимися просветить, укрепить и защитить живые храмы Всевышнего».

Однако несмотря на свое происхождение от мистических школ античности масоны, настаивал Рамсей, оставались ревностными христианами. В то время в католической Франции было бы неблагоразумным открыто упоминать тамплиеров, но Рамсей подчеркивал, что масонство возникло на Святой Земле в среде «крестоносцев».

«Во времена крестовых походов в Палестину многие государи, лорды и граждане объединялись и давали клятву восстановить Храм христианства на Святой Земле, посвятить себя тому, чтобы

вернуть архитектуру к ее истокам. Они установили несколько древних знаков и символических слов, позаимствованных из религиозных источников, чтобы узнавать друг друга среди язычников и сарацинов. Эти знаки и слова сообщались только тем, кто давал торжественную клятву – иногда перед алтарем – не разглашать их. Это тайное обещание, таким образом, было не страшной клятвой, как его иногда называли, а вполне respectable обязательством, которое объединяло христиан всех национальностей в единое братство. Через некоторое время наш орден вступил в близкие отношения с рыцарями ордена св. Иоанна Иерусалимского. С этого момента наши ложи носят название лож св.Иоанна».

Излишне говорить, что иоанниты никогда не подтверждали такого рода союза. Это, вполне возможно, могли бы сделать тамплиеры, если бы орден сохранился в виде признанного общественного института. Сам Рамсей, рисуя предполагаемую историю масонства, поспешно возвращается из Святой Земли в Шотландию, к Кельтскому королевству, которое существовало там незадолго до Брюса:

«Во времена последних крестоносцев множество лож уже было создано в Германии, Италии, Испании, Франции. Джеймс, главный королевский камергер Шотландии, был Великим Магистром ложи, основанной в Килвиннинге на западе Шотландии в 1286 году, вскоре после смерти короля Шотландии Александра 111 и за год до того, как трон занял Баллиол. В его ложу были приняты графы Глостер и Ольстер, один англичанин, а другой ирландец».

И наконец, явно намекая на шотландскую гвардию, Рамсей заявляет, что масонство «сохранило свое величие в среде тех шотландцев, кому короли Франции на протяжении нескольких веков доверяли охрану собственных персон».

Вкратце оценим смысл и значение «Речи» Рамсея. Для начала достаточно отметить, что попытка завоевать симпатии кардинала Флери провалилась. За два года до появления речи, в 1735 году, полиция предприняла рейды против масонов в Голландии. В 1736 году то же самое повторилось в Швеции. Через несколько дней после «Речи» Рамсея Флери приказал французской полиции предпринять такие же меры. Немедленно было начато расследование деятельности масонов. Четыре месяца спустя, 1 августа 1737 года, полицейский отчет был закончен. Масонство объявлялось невиновным в «провокационной деятельности», но потенциально опасным «вследствие безразличия ордена к религии». 2 августа масонство было запрещено во Франции, а Великие Секретари арестованы.

В результате серии полицейских облав были конфискованы многочисленные документы и списки членов общества. Флери и его соратники, вне всякого сомнения, были шокированы количеством высокопоставленных дворян и духовенства, которые на поверку оказались масонами. Так, например, капеллан роты королевских телохранителей был членом якобитской масонской ложи де Бюсси. Масоном оказался и квартирмейстер телохранителей. В сущности, практически все члены ложи были офицерами, чиновниками или людьми, близкими ко двору.

Рим тоже был встревожен, и Флери, вне всякого сомнения, оказал давление на своих церковных коллег и начальников. Папа Клемент XII начал действовать еще до окончания расследования во Франции. 24 апреля 1738 года вышла папская булла «In eminenti apostolatus specula», которая под страхом отлучения запрещала католикам вступать в масонские братства. Два года спустя в папских владениях за членство в масонской ложе была предусмотрена смертная казнь.

По мнению одного из историков, первый результат папской буллы – это смещение Рэдклифа с поста Великого Магистра французских масонов. Через год его место занял французский аристократ герцог Д'Антен. Герцога, в свою очередь, в 1743 году сменил граф Клермон, являвшийся принцем крови. Таким образом, папская булла не смогла предотвратить вступление французских католиков в масонские ложи. Наоборот, после появления буллы масонами стали многие известные во Франции люди. В какой-то момент в ложу собирался вступить сам король. Папа, похоже, ничего не добился, за исключением того, что сместил якобитов с ведущих позиций во французском масонстве. С момента выхода папской буллы якобиты начинают играть все менее заметную роль в делах масонства во Франции и больше не оказывают влияния на его эволюцию и развитие. В конечном итоге появился Великий Восток, ставший основной организацией французских масонов.

В некотором отношении действия церкви выглядели – да и теперь выглядят – загадочными. Большая часть лидеров якобитов были урожденными католиками или перешли в католическую веру. В таком случае зачем папе выступать против них – особенно с учетом того, что в результате масонство попадает под влияние антикатолической Великой Ложи Англии? Задним числом нам легче ответить на этот вопрос, чем тем – католикам или масонам – кто жил в ту эпоху. Дело в том, что Рим боялся, и не без оснований, реальной возможности появления философской, теологической и моральной альтернативы церкви.

До лютеранской Реформации церковь выступала в роли, и не безуспешно, некоего международного суда. Короли и князья, несмотря на то, что их государства воевали друг с другом, номинально оставались католиками и действовали под прикрытием церкви; их люди могли грешить, но грешили они в рамках, установленных Римом. Пока «зонтик» церкви оставался на месте, он обеспечивал каналы связи между воюющими сторонами, и Рим имел возможность выступать, по крайней мере, теоретически, в качестве арбитра. После Реформации церковь уже не могла выполнять эту функцию, потеряв свое влияние в протестантских государствах на севере Европы. Но она еще имела значительную власть в Италии, на юге Германии, во Франции, Испании, Австрии и во владениях Священной Римской империи.

Масонство угрожало предложить такой же международный суд, как Рим до начала Реформации: предоставить арену для диалога, коммуникационную сеть, наметки европейского единства, затрагивавшие сферу влияния церкви и делавшие саму церковь ненужной. Масонство угрожало стать организацией, чем-то похожей на Лигу Наций или ООН. В этой связи уместно еще раз привести одно из положений «Речи» Рамсея: «Мир – это огромная республика, в которой каждая нация есть семья, а каждый человек ребенок».

Вряд ли масонство добилось больших успехов в деле достижения единства, чем церковь, но результаты деятельности ордена в этом направлении тоже значительны. Так, например, через два года после выхода папской буллы началась война между Пруссией и Австрией. И прусский король Фридрих Великий, и австрийский император Франц были масонами. С учетом этого ложа обеспечивала возможность диалога и давала надежду на мир. Это была попытка – тщетная, случайная и, возможно, контрпродуктивная – предотвратить наступление Рима на масонство. Якобиты и якобитское течение масонства на континенте были лишь случайными жертвами гораздо более глубоких процессов. В конечном итоге утрата ими влияния обошлась Риму дороже, чем если бы они сохранили свое положение.

Как мы уже видели, папская булла, направленная на то, чтобы не допустить католиков в масонские братства, оказалась абсолютно неэффективной. И действительно, именно в странах, входивших в сферу влияния Рима, масонство на протяжении следующих пятидесяти лет распространялось наиболее быстро, а также принимало свои самые крайние и экзотические формы. С еще большим воодушевлением масонов брали под свою защиту монархи, например, австрийский император Франц. Наибольшее влияние масонство приобрело в таких бастионах римско-католической церкви, как Италия и Испания. Объявив масонство злом, Рим превратил его в убежище и объединяющую силу для своих противников.

В Англии Великая Ложа все больше отдалялась от политики. Она пропагандировала дух умеренности, терпимости и гибкости и часто действовала рука об руку с англиканской церковью, значительная часть духовенства которой состояла в масонских ложах, не видя в этом никакого противоречия. В католической Европе масонство стало пристанищем для воинствующих антиклерикальных, направленных против иезуитов и в конечном итоге даже революционных взглядов. Не подлежит сомнению, что многие ложи оставались бастионами консерватизма и даже реакции, однако было гораздо больше таких, которые принимали участие в радикальных движениях. Во Франции, например, такие видные масоны, как маркиз де Лафайет, Филипп Эгалите, Дантон и Саейс, действуя в соответствии с идеями масонства, стали движущей силой событий 1789 года и всего, что за ними последовало. В Баварии, Испании и Австрии масонство превратилось в центр сопротивления диктаторским режимам и сыграло заметную роль в развитии движений, которые привели к революциям 1848 года. Вся кампания, направленная на объединение Италии – от революционеров конца восемнадцатого века до Мадзини и Гарибальди – может рассматриваться как масонская. А из рядов масонов девятнадцатого века выдвинулась фигура, на которую возлагали вину за грех терроризма не только в ту эпоху, но и в наше время – человек, которого звали Михаил Бакунин.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ МАСОНЫ И РЫЦАРИ ХРАМА

Несмотря на запрет папы, якобитская ветвь масонства продолжала идти своим путем, оставаясь преданной Стюартам и делу их реставрации на английском престоле. Более открыто, чем раньше, якобиты стали использовать масонство и расширяющуюся сеть лож по всей Европе сначала для набора сторонников, а после поражения для поддержки бедствующих братьев. В 1746 году английские якобиты прибыли во Францию с письмами, в которых содержалась просьба о помощи, обращенная ко всем масонам.

Якобиты не только использовали масонство в политических целях, но и открыто объединяли его с теми элементами его же происхождения и наследия, которые были «отсеяны» Великой Ложей. Под влиянием Фенелона Рамсей вернул якобитской ветви масонства мистический характер. И что более важно, в своей «Речи» он подчеркивал рыцарский аспект ордена, выделяя роль «крестоносцев». Впоследствии он называл кампанию по реставрации Стюартов не иначе как «крестовым походом». В письмах, которыми обменивались ложи в это время, много говорилось о «нововведениях.., которые были направлены на преобразование братства из «общественной организации» в «рыцарский орден». В памфлетах и даже полицейских рапортах появились слова о «новых рыцарях» и «об этом рыцарском ордене».

Если Великая Ложа становилась связующим звеном общества, то якобитская ветвь масонства стремилась к чему-то более драматическому, романтическому и грандиозному – к созданию нового поколения таинственных рыцарей и воинов, на которых возложена благородная миссия вернуть королевство и восстановить на троне священную династию. Параллели с тамплиерами были настолько очевидны, что их нельзя было не заметить, и объявление рыцарей Храма предшественниками масонов стало лишь вопросом времени.

Точно неизвестно, когда впервые прозвучало открытое признание связи масонов и тамплиеров, поскольку секретные документы лож, если они когда-либо и существовали, были давно утрачены. Вполне возможно, это произошло еще в 1689 году, когда Дэвид Клаверхаус прибыл во Францию с крестом тамплиеров, якобы снятым с тела его брата, а затем передал этот крест аббату Кальме. Об этом можно лишь строить догадки, однако не вызывает никаких сомнений тот факт, что в 30-е годы восемнадцатого века при содействии Рэдклифа и Рамсея преемственность по отношению к тамплиерам активно пропагандировалась. В 1738 году вскоре после появления «Речи» Рамсея маркиз Д'Аржан опубликовал посвященную масонству статью. В этой работе утверждается, что якобитские ложи пытались присвоить себе наследие тамплиеров. На протяжении следующего десятилетия тамплиеры – по крайней мере, для всех форм масонства, не связанных с Великой Ложей – привлекают к себе все большее внимание. Так, например, в 1743 году в Лионе был введен так называемый градус «мести», или «кадош». Имеется в виду месть масонства за смерть последнего Великого Магистра тамплиеров Жака де Моле. Мы уже отмечали, какое значение приобретет впоследствии эта тема.

Основная ответственность за публичное объявление связей масонства с тамплиерами лежит на немецком дворянине, бароне Карле Готлибе фон Хунде. Хунд, ставший членом масонской ложи во Франкфурте, был светским человеком и вращался в различных масонских кругах. С декабря 1742 по сентябрь 1743 года он жил в Париже. В начале 50-х годов он стал усиленно пропагандировать «новую» форму масонства, которая, по его словам, являлась наследницей традиций тамплиеров. Чтобы его заявления не выглядели голословными, Хунд объявил, что во время девятимесячного пребывания в Париже он был принят в братство «тамплиерских масонов». Он прибыл во французскую столицу за три месяца до смерти Рамсея и за три года до смерти Рэдклифа. Хунд утверждал, что был посвящен в «высшие градусы» и пожалован в «рыцари Храма» неизвестным главой ордена, к которому обращались как к «Рыцарю Красного Пера». На этой церемонии, говорил Хунд, среди прочих присутствовал лорд Клиффорд (вероятно, юный лорд Клиффорд Чадлей, который своим браком был связан с Рэдклифом) и граф Килмарнок. Вскоре после посвящения Хунд удостоился личной аудиенции Карла-Эдуарда Стюарта, которого он считал одним из «неизвестных старших», если не тайным магистром всех масонов.

Та форма масонства, которую ввел Хунд, стала известна под названием системы «Строгого послушания». Это название связано с клятвой, которая требуется от братьев – клятвой беспрекословного послушания «неизвестным старшим». Основным догмат «Строгого послушания» заключается в том, что эта система является прямой наследницей рыцарей Храма. Члены братства считают, что имеют законное право именовать себя «рыцарями Храма».

Когда от Хунда потребовали дополнительной информации и доказательств, он не смог ничем подтвердить своих заявлений. Поэтому многие из современников считали его шарлатаном и

обвиняли в фабрикации истории своего посвящения, встречи с «неизвестными старшими» и Карлом-Эдуардом Стюартом, а также своих полномочий в распространении системы «Строгого послушания». На все эти обвинения Хунд лишь печально отвечал, что «неизвестные старшие» бросили его. Он говорил, что они обещали вновь связаться с ним и снабдить дальнейшими инструкциями, но не сделали этого. До конца жизни он продолжал клясться в своей честности, настаивая на том, что был брошен на произвол судьбы своими покровителями.

Теперь нам ясно, что Хунд стал жертвой не столько преднамеренного предательства, сколько обстоятельств, которые были ему неподвластны. Его посвятили в 1742 году, когда акции якобитов котировались еще достаточно высоко, когда Стюарты пользовались уважением и влиянием в континентальной Европе и когда существовала вероятность реставрации Карла-Эдуарда на английском престоле. Через три года обстоятельства коренным образом изменились.

2 августа 1745 года «добряк принц Чарли» без поддержки французов, которая была ему первоначально обещана, высадился в Шотландии. На военном совете голосованием было принято решение двигаться на юг, и якобиты предприняли марш, который должен был привести их к Лондону. Они заняли Манчестер и 4 декабря достигли Дерби. Однако к ним присоединились лишь немногие добровольцы – всего 150 человек в Манчестере – а стихийные восстания, на которые они рассчитывали, так и не вспыхнули. Пробыв два дня в Дерби, якобиты поняли, что единственно возможный выход для них – это отступление. Преследуемые верными Ганноверской династии войсками, якобиты отошли, и на протяжении следующих четырех месяцев положение их продолжало ухудшаться. Наконец, 16 апреля 1746 года они были окружены в окрестностях Каллодена армией герцога Камберленда и менее чем за тридцать минут полностью уничтожены. Карл-Эдуард Стюарт вновь отправился в унижительное изгнание и остаток жизни провел в полном забвении. Некоторые якобиты, в том числе граф Килмарнок, были казнены. Такая же участь постигла Чарльза Рэдклифа, захваченного на французском корабле неподалеку от Доггер-банк. С мечтой якобитов о восстановлении на британском троне династии Стюартов было покончено навсегда.

В свете этих событий неудивительно, что «неизвестные старшие» Хунда, которые были видными якобитами, больше не связывались с ним. Большинство были мертвы, находились в тюрьме, в ссылке или затаились. Не осталось ни одного влиятельного лица, кто мог бы подтвердить его заявления, и Хунд был вынужден пропагандировать систему «Строгого послушания» на свой страх и риск. Однако он явно не был шарлатаном и не сочинял своего рассказа о посвящении в «тамплиерское масонство». Только недавно обнаружилось весомые свидетельства в его пользу.

Личность тайного магистра Хунда

Часть доказательств, свидетельствующих о происхождении системы «Строгого послушания», может быть почерпнута из списков Великих Магистров ордена тамплиеров, начиная с его основания в 1118 году. До недавнего времени существовало большое количество таких списков, не совпадавших друг с другом и подозрительных с научной точки зрения. Только в 1982 году нам удалось составить список, который мы считаем действительным перечнем всех первых Великих Магистров ордена (до потери Иерусалима). Этот список был составлен на основе информации и документов, недоступных в то время, когда жил Хунд, и поэтому он просто не мог основываться на тех же источниках. Тем не менее, его список, якобы полученный от «неизвестных старших», практически полностью – за исключением одного-единственного имени – совпадает с нашим. Список Хунда мог быть составлен

только на основе «внутренних источников», то есть тех, которые были посвящены в историю тамплиеров и (или) знакомы с документами, недоступными для «посторонних».

Второй, и особенно важный, аспект, свидетельствующий в пользу Хунда, заключается в личности «Рыцаря Красного Пера», который в 1742 году якобы посвятил его в «рыцари Храма». До настоящего времени личность этого человека оставалась тайной, а некоторые считали его чистой выдумкой. Сам Хунд, как мы видели, сначала полагал, что «Рыцарем Красного Пера» был Карл-Эдуард Стюарт. Другие комментаторы называют имя графа Килмарнока, который был в то время Великим Магистром французских масонов, однако выдвигая это предположение, они забывают – или сознательно игнорируют – заявление Хунда о том, что Килмарнок присутствовал в зале одновременно с таинственным незнакомцем. Мы сами в предыдущей работе выдвинули гипотезу, что это мог быть Рэдклиф, которого Хунд не перечислил среди присутствующих. В настоящее время появилась возможность почти точно сказать, кем был этот «Рыцарь Красного Пера».

В 1987 году мы получили доступ к документам организации под названием «Stella Templum», которая на протяжении двух столетий хранила архивы якобитов. Среди них находилось письмо, датированное 30 июля 1846 года – за девятнадцать дней до столетней годовщины казни Килмарнока в лондонском Тауэре, состоявшейся 18 августа 1746 года. Подписано письмо «Х. Уайт», а ниже стоит восковая печать в форме креста тамплиеров. К адресату обращаются просто как к «Уильяму». В тексте упоминается о регалиях, в том числе и о том самом мече, которым был посвящен Хунд: «Обрати внимание, что меч и другие предметы теперь перешли на хранение к тебе. Граф был не способен взять их. Мы с мистером Гриллзом считаем, что ты лучше всех позаботишься о них. Бедный старый Килмарнок – упокой Господи его душу – получил этот меч от Александра Сетона, Рыцаря Красного Пера.

Я не знаю, что случится теперь, но с божьей помощью ты и Гарднер сохраните его еще сто лет. Помни о К. – 18 числа следующего месяца».

Если верить этому письму – а сомневаться в его подлинности нет никаких оснований, – то автор его знал, что «Рыцарем Красного Пера» был Александр Сетон.

Александр Сетон был больше известен как Александр Монтгомери, десятый граф Эглинтон. В 1600 году Роберт Сетон стал первым графом Уинтоном. Он женился на леди Маргарет Монтгомери, дочери и наследнице Хью Монтгомери, третьего графа Эглинтон, и титул Эглинтон унаследовал младший из их сыновей, наследники которого взяли фамилию Монтгомери. Таким образом, Александр Сетон, о котором идет речь, на самом деле был Александром Монтгомери, активным деятелем якобитской ветви масонства в континентальной Европе. Так, например, когда в 1743 году умер шевалье Рамсей, его смерть засвидетельствовали Александр Монтгомери (граф Эглинтон), Чарльз Рэдклиф (граф Дервентуотер), Майкл де Рамсей (кузен шевалье Рамсея), Александр Хоум и Джордж де Лесли.

Почему именно Александр Монтгомери (Сетон), а не Рэдклиф, Рамсей, Килмарнок, Карл-Эдуард Стюарт или кто-то другой посвятил барона фон Хунда в «рыцари Храма»? Несомненно, это произошло потому, что он происходил из семьи, вокруг которой (в лице таинственного Дэвида Сетона) объединились тамплиеры, оставшиеся в Шотландии после того, как в 1564 году сэр Джеймс Сэндилендс продал принадлежавшие им земли. И если информация, которую мы получили от ныне здравствующего члена семьи, точна, «орден тамплиеров» сохранился среди Монтгомери и по

сегодняшний день.

Следствием восстания 1745 года стала гибель якобитской ветви масонства, с его конкретной политической ориентацией и верностью королевскому дому Стюартов. Тем не менее некоторые его разновидности, очищенные от политической составляющей и смягченные умеренностью Великой Ложи Англии, сохранились и до наших дней. Отчасти их выживание обусловлено так называемыми «высшими градусами» масонства, предлагаемыми такими организациями, как Великая Ложа Ирландии. Важнее, однако, что они сохранились в составе системы «Строгого послушания», которую пропагандировал фон Хунд – в ней высшим градусом считается степень «Рыцаря Храма». Система «Строгого послушания» со временем распространилась по всей Европе. Еще более важным следует признать тот факт, что она нашла для себя благодатную почву среди колонистов – многие из них были скрывавшимися от преследований или ссыльными якобитами – в стране, которая вскоре станет Соединенными Штатами.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МАСОНСТВО И НЕЗАВИСИМОСТЬ АМЕРИКИ

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ МАСОНЫ

Наверное, не стоит удивляться, что относительно происхождения масонства в Америке существует больше мифов, легенд и слухов, чем точных фактов и достоверной информации. По преданию, определенная форма масонства, или его прототип, появилась в Новом Свете еще в 1607 году вместе с поселением Джеймстаун и обосновалась в Вирджинии, направляя свои усилия на создание некоего идеального общества, описанного двадцать лет спустя Фрэнсисом Бэконом в «Новой Атлантиде». Такую возможность полностью исключать нельзя. Розенкрейцеры начала семнадцатого века прекрасно осознавали потенциал Америки для претворения в жизнь тех планов идеального общества, которыми изобиливали их работы. Понимали это и члены «Невидимого колледжа», который в конечном итоге был преобразован в Королевскую академию. Было бы крайне удивительным, если бы одна из их идей не проложила себе путь через Атлантику. В любом случае трансплантация масонства в Америку – независимо от того, где и когда это произошло – была делом неизбежным, обычным, предсказуемым и не повлекла никаких немедленных последствий, точно так же, как перенос других английских социальных установок и институтов. Никто не мог предвидеть той огромной роли, которую в недалеком будущем сыграет эта трансплантация.

Что касается документально подтвержденных данных, то первым масоном, поселившимся в американских колониях, считается Джон Скин. Его имя было внесено в список братьев абердинской ложи в 1670 году, а в 1682 он эмигрировал в Северную Америку. Скин обосновался в Нью-Джерси, где впоследствии стал заместителем градоначальника. Однако масонство, которое он привез с собой, в Нью-Джерси оказалось в вакууме. Здесь не было ни братьев, с которыми мог бы общаться, ни структуры, в которую он мог бы влиться. Не создал он и собственной организации. Во всяком случае, об этом не сохранилось никаких документальных свидетельств.

Скин стал масоном до отъезда в Америку. Первым американским поселенцем, принятым в братство, был Джонатан Белчер, который во время визита в Англию в 1704 году стал членом масонской ложи. Через год Белчер вернулся в колонии, сделался процветающим торговцем, а в 1730 году был назначен губернатором Массачусетса и Нью-Гемпшира. К тому времени масонство твердо стало на

ноги в колониях, и активное участие в его распространении принял сын Белчера.

Вероятно, в те времена было множество людей, похожих на Скина и Белчера – тех, которые уже были масонами к моменту эмиграции в колонии, или тех, кто во время визитов в Англию вступал в масонские ложи. Сохранился даже документ 1719 года, в котором упоминается о судне с названием «Масон», выполнявшем каботажные рейсы у берегов Америки. Однако до конца 20-х годов восемнадцатого века не встречается никаких упоминаний о масонских ложах на территории американских колоний. 8 декабря 1730 года в «Пенсильванской газете» Бенджамина Франклина появилось первое упоминание о масонстве в Северной Америке. Статья Франклина, в которой содержалось в основном общее описание масонства, предварялась замечанием, что «в этой провинции появилось несколько масонских лож...».

Сам Франклин стал масоном в феврале 1731 года, а в 1734 году его избрали Великим Провинциальным Магистром Пенсильвании. В том же году он отдал в печать первую масонскую книгу в Америке, «Конституции» Андерсона. Тем временем в Филадельфии была основана первая американская ложа. Ее самые ранние документы, обозначенные как «вторая книга протоколов», датируются 1731 годом. Таким образом, первая книга – если предположить, что она существовала – должна была охватывать как минимум предыдущий год.

Многие из первых лож в Америке – включая, вполне возможно, те, документальных свидетельств о которых не сохранилось, и мы ничего о них не знаем – были, выражаясь языком масонов, «нерегулярными». Для того чтобы стать «регулярной», ложа должна была стать «уполномоченной», то есть получить патент от высшего органа – от Великой Ложи или, так сказать, от материнской ложи. Так, например, Великая Ложа Англии выдавала такие патенты собственным филиалам или новым ложам в американских колониях. Однако полномочия выдавали и другие масонские организации, к примеру, Великая Ложа Ирландии, предлагавшая так называемые «высшие градусы» и другие аспекты якобитской ветви масонства, которое после 1745 года утратило политическую ориентацию на Стюартов, но сохранило присущие только ему рыцарские черты.

Первой официально уполномоченной ложей в Америке стала бостонская ложа св. Иоанна, основанная в 1733 году и получившая патент от Великой Ложи Англии. Как отмечалось выше, в том же году Великая Ложа собирала средства для своих братьев в колонии Оглеторпа в Джорджии, хотя нет никаких документальных свидетельств о существовании там лож, как регулярных, так и нерегулярных, до 1735 года, когда масонская ложа была основана в Саванне. Тем временем в Массачусетсе уже существовала уполномоченная Провинциальная Великая Ложа, магистром которой был Генри Прайс. Его помощником стал Эндрю Белчер, сын Джонатана Белчера, который был инициирован в Англии в 1704 году. С 1733 по 1737 год Великая Ложа Англии выдала патенты Провинциальным Великим Ложам Массачусетса, Нью-Йорка, Пенсильвании и Южной Каролины. Не сохранилось никаких документов по Вирджинии, но там, вполне вероятно, имелись ложи, уполномоченные не только Великой Ложей Англии, но и Великой Ложей Йорка, исповедовавшей якобитскую систему масонства.

Военные ложи

Одновременно с распространением масонства в колониях – почти исключительно при содействии Великой Ложи Англии – имел место и другой процесс, оказавший гораздо более сильное влияние на историю Америки. Начиная с 1732 года масонство начало распространяться в британской армии в

виде полковых лож. Эти ложки были мобильными и перевозили свои регалии и снаряжение в сундуках вместе с полковыми знаменами, серебром и другим чисто военным имуществом. Очень часто командир полка выступал в качестве первого мастера ложки, а затем его на этом посту сменяли другие офицеры. Полковые ложки оказали огромное влияние на армию в целом. Они обеспечивали коммуникационный канал для обмена мнениями и настроениями. Точно так же, как гражданские ложки объединяли людей различного происхождения, принадлежавших к разным социальным слоям, военные ложки объединяли офицеров и рядовых, подчиненных и начальников. Следствием этого явилось создание такой атмосферы, в которой энергичные молодые офицеры – такие, к примеру, как Джеймс Вулф – получали возможность продвижения по службе независимо от касты, к которой они принадлежали.

Первая ложка в британской армии была организована в 1-м пехотном полку (впоследствии королевский шотландский полк) в 1732 году. В 1735 году таких лож было уже пять, а к 1755 году – двадцать девять. Среди подразделений, имевших собственные масонские ложки, были Королевские нортумберлендские стрелки, Королевские шотландские стрелки, Дорсетский полк и многие другие известные подразделения.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что эти ложки не были уполномоченными Великой Ложы Англии. Они получили патенты от Великой Ложы Ирландии, которая предлагала «высшие градусы», характерные для якобитской системы масонства. Более того, это произошло еще до 1745 года, когда «высшие градусы» впервые начали освобождаться от ориентации на якобитов.

Одновременно масонство укрепляло свои позиции в высших эшелонах армии и государственного аппарата. Масонами были многие видные фигуры того времени. Так, например, младший сын Георга II герцог Камберленд был масоном. То же самое можно сказать и о генерале сэре Джоне Лигоньере, самом известном британском военачальнике в 40-е годы восемнадцатого века. Во время якобитского восстания 1745 года Лигоньер командовал английской армией в центральных графствах Великобритании. Через год его перебросили на континент, где он сыграл ключевую роль в войне за Австрийское наследство. Точно неизвестно, к какой ложе принадлежал Лигоньер, однако еще в 1732 году его имя появляется среди первых подписчиков книги Джеймса Андерсона рядом с такими известными масонами, как Деагюлье, граф Аберкорн и граф Далкейт, которые в разное время были Великими Магистрами Великой Ложы.

Среди подчиненных Лигоньера был человек, который впоследствии стал самым выдающимся британским полководцем той эпохи. Это будущий лорд Джеффри Амхерст, который займет видное место в нашем повествовании. Амхерст был направлен в 1-й гвардейский пехотный полк под начало Лигоньера, и вскоре он стал адъютантом командира. Прежде чем отправиться в Америку, он служил вместе с Лигоньером в Европе во время войны за Австрийское наследство. В 1756 году он стал подполковником в 15-м пехотном полку, где взял на себя руководство полковой масонской ложей, созданной двумя годами раньше. Затем его назначили командиром 3-го пехотного полка (известного как «буйволы») и 60-го пехотного полка (впоследствии королевские стрелки). В обоих подразделениях при его содействии были созданы полковые масонские ложки.

Покровителем Амхерста – человеком, который платил за офицерские патенты – был друг семьи Лайонел Сэквилл, первый герцог Дорсет, товарищ герцога Уортона, вместе с которым в 1741 году он стал кавалером ордена Подвязки. У Сэквилла было два сына. Старший Чарльз, граф Мидлсекс, в

1733 году основал масонскую ложу во Флоренции. Вместе с сэром Фрэнсисом Дашвудом он также являлся основателем «Общества дилетантов», членами которого являлись многие масоны. В 1751 году и он, и Дашвуд стали членами известного сообщества масонов при дворе принца Уэльского Фредерика, который сам был членом братства.

Младший сын Сэквилла Джордж тоже принимал активное участие в делах масонов. В 1746 году он стал полковником 20-го пехотного полка (впоследствии ланкаширские стрелки), принимал активное участие в деятельности полковой ложи и даже стал ее мастером. Одним из двух надзирателей ложи был подполковник Эдвард Корнуэльс (брат-близнец будущего архиепископа Кентерберийского), который в 1750 году занял пост губернатора Новой Шотландии и основал там первую масонскую ложу. Среди подчиненных Корнуэльса был молодой капитан Джеймс Вулф, который уже завоевал репутацию блестящего и смелого офицера, служа в Европе под началом герцога Камберленда, а затем сэра Джона Лигоньера. Вместе с Армхерстом Вулфу было суждено сыграть важную роль в истории Америки.

Тем временем, сам Джордж Сэквилл в 1751 году был избран Великим Магистром Великой Ложи Ирландии. Восемь лет спустя во время Семилетней войны его обвинили в трусости в битве при Миндене, отдали под суд и отправили в отставку. Однако дружба с Георгом III позволила ему восстановить свою репутацию в правительственных кругах. В 1775 году он, получив титул лорда Сен-Жермена, стал военным министром. Именно в этом качестве он прошел всю войну за независимость Америки.

Война с французами и индейцами

Вскоре события выдвигают американское масонство и его отделения в британской армии на первый план истории. Значительная часть подразделений британской армии тесно сотрудничала с колонистами, обучая их военному делу и попутно передавая многие другие вещи, в том числе и систему «высших градусов» масонства (ранее считавшуюся якобитской). Именно масонство стало идеальным каналом распространения чувства общности и братства, которое формируется у товарищей по оружию.

Разумеется, в Америке и раньше велись военные действия, поскольку колониальные интересы Англии и Франции сталкивались с начала восемнадцатого века. Во время войны за Испанское наследство (1701 – 1714) была успешно отбита атака объединенных испанских и французских войск на Чарлстон, штат Северная Каролина. Небольшие стычки между британскими и французскими колонистами происходили в районе канадской границы; французская территория, именовавшаяся Акадией, была захвачена англичанами и получила название Новой Шотландии. Четверть столетия спустя во время войны за Австрийское наследство (1740 – 1748) военные операции в Америке возобновились, на этот раз в несколько большем масштабе. В 1745 году колонисты из Новой Англии захватили французскую крепость Луисбург на острове Кейп-Бретон, которая охраняла вход в залив св. Лаврентия. Однако военные действия в Америке считались второстепенными, и целые подразделения перебрасывались на более важные театры военных действий в Европу. В американских операциях, которые оставались преимущественно мелкими стычками, было задействовано немного людей, и руководство ими осуществлялось, как правило, младшими офицерами.

В 1756 году в Европе разразилась Семилетняя война, и полномасштабные сухопутные и морские

военные операции распространились далеко за пределы континента – не только в Америку, но и в Индию. Британские войска тоже участвовали в военных действиях на континенте, но их численность значительно уступала численности армий Франции, Австрии и Пруссии. Главным театром военных действий для Англии была Северная Америка; леса и реки Нового Света стали свидетелями столкновений между крупными силами тренированных и обученных европейских армий, причем масштаб этих столкновений казался невысказанным всего за четверть века до этих событий.

С 1745 по 1753 год английское население Северной Америки значительно увеличилось, и не только за счет высланных или беглых якобитов. Еще в 1754 году Бенджамин Франклин предложил план объединения всех колоний, но этот план был отвергнут британским правительством. Но если политическое объединение было отвергнуто, организационные структуры, средства связи и торговля продолжали развиваться быстрыми темпами, а необходимость экспансии на запад становилась все очевиднее. Когда колонисты из Вирджинии стали продвигаться в долину Огайо на западе Пенсильвании, они стали угрожать сообщению между французскими территориями в Канаде в районе залива св. Лаврентия и колониями на Миссисипи. После того, как подразделение милиции колонистов под командованием юного Джорджа Вашингтона было отправлено в этот регион для строительства форта, произошло настоящее сражение. Первые четыре года войны были отмечены военными поражениями, некоторые из которых оказались достаточно серьезными и вызвали шок не только в Америке, но и в Англии. В апреле 1755 года колонна английских войск – она состояла из регулярных частей и милиции – под командованием генерала Эдварда Брэддока была атакована французами и их союзниками индейцами в окрестностях форта Дюкен. Колонна была буквально уничтожена, сам Брэддок получил смертельное ранение, а Вашингтону, который был его адъютантом, с трудом удалось спастись. За этим поражением последовали другие. Один за другим терялись британские форты на территории современного штата Нью-Йорк, а выполненная по всем правилам европейского военного искусства массированная атака на форт Тикондерога окончилась неудачей и стоила огромных жертв. Среди погибших были сам командующий английскими войсками генерал Джеймс Аберкромби и лорд Джордж Хоу, один из самых талантливых молодых офицеров британской армии той эпохи. До своей смерти Хоу считался одним из изобретателей партизанской тактики ведения войны, которая станет основной при проведении операций в Северной Америке. Вместе с Амхерстом и Вульфом он внес огромный вклад в дело адаптации армии и перехода ее от отработанных на европейских полях сражений маневров к более гибкой и современной тактике, диктуемой дикими лесами, в которых предстояло сражаться.

По словам известного военного историка: «[Хоу] отбросил все казарменные правила и методы подготовки, присоединил иррегулярные войска с их разведывательными отрядами... оделся, как они, и стал одним из них. Пройдя такую подготовку, он стал внедрять в войсках то, чему научился... Он заставил офицеров и солдат... выбросить все бесполезное и ненужное, он укоротил полы их мундиров и волосы, зачернил стволы их мушкетов, обтянул ноги гетрами, чтобы защитить от колючих кустарников, а освободившееся в их ранцах место заполнил тридцатью фунтами продуктов, чтобы они могли быть независимыми от обозов в течение нескольких недель...»

Гибель Хоу у Тикондероги лишила британскую армию одной из самых творческих и отважных личностей, человека, имевшего задатки великого полководца. В то же время Тикондерога стала последним серьезным поражением британцев в этой войне. В Англии министром иностранных дел

назначили Уильяма Питта, впоследствии графа Чатема, который начал крупномасштабную реорганизацию британской армии и британского флота. Придерживавшиеся старых взглядов, узколобые и косные офицеры были отправлены в отставку, понижены в должности или обойдены следующими званиями, а командные посты перешли к более молодым, энергичным, гибким и восприимчивым к новым идеям командирам. В Северной Америке такими людьми были Джеймс Вулф, которому исполнился тридцать один год, и сорокаоднолетний Амхерст, который по совету своего бывшего командира сэра Джона Лигоньера был произведен в генерал-майоры и назначен главнокомандующим английскими войсками в колониях. Среди наиболее талантливых подчиненных Вульфа и Амхерста были Томас Дезагюлье, сын известного масона, и Уильям Хоув, младший брат Джорджа Хоува, ставший впоследствии центральной фигурой в войне за независимость Америки. Как главнокомандующий Амхерст имел больше возможностей для внедрения в армии новых приемов и новой тактики ведения войны. Он принял инновации Хоу и ввел дополнительные нововведения: одел подразделения стрелков и снайперов в зеленые мундиры, сформировал отряды рейнджеров для разведывательных и партизанских операций, а также легкую кавалерию. Один из отрядов легкой кавалерии, созданный специально для разведки и вылазок, был одет в коричневые мундиры без фалд, кружев и каких-либо украшений. Некоторые подразделения даже были одеты как индейцы.

Многие офицеры в колониях учились военному делу у Амхерста, и эти люди впоследствии станут заметными фигурами во время войны за независимость Америки. Именно у Амхерста учились дисциплине профессионального военного и тактике, подходящей для условий Северной Америки, такие известные командиры, как Чарльз Ли, Израэль Патнам, Этан Аллен, Бенедикт Арнольд и Филип Джон Снайлер. И хотя Вашингтон в то время уже уволился из армии, он тоже испытал на себе глубокое влияние Амхерста.

В июле Амхерст и сопровождавшие его одаренные молодые офицеры вернули англичанам форт Луисбург, который был сначала захвачен во время войны за Испанское наследство, а затем потерян. Три месяца спустя еще одна британская колонна захватила форт Дюкен; англичане сравняли его с землей, а потом построили на его месте форт Питт – современный Питтсбург. В следующем году Амхерст перешел в наступление в штате Нью-Йорк, отбивая у французов один форт за другим, в том числе и Тикондерогу. В сентябре 1759 Вулф, авангардом которого командовал Уильям Хоу, совершил один из самых блестящих маневров в истории войн, с 4-тысячным отрядом поднявшись на судне вверх по заливу св. Лаврентия, а затем вскарабкавшись по отвесным скалам высот Авраама в окрестностях крепости Квебек. В завязавшемся сражении погиб и Вулф, и командир французов маркиз де Монкальм, но в войне наступил перелом. Спорадические военные действия продолжались весь следующий год, а затем, в сентябре 1760 года, капитулировал Монреаль, осажденный войсками Амхерста и Уильяма Хоу. Франция уступила Британии свои колонии в Северной Америке.

Приток регулярных британских частей в Северную Америку привел к распространению масонства, и особенно масонства «высших градусов», находящегося под покровительством Великой Ложи Ирландии. Из девятнадцати пехотных подразделений, находившихся в подчинении у Амхерста, как минимум в тринадцати действовали масонские ложи. Подполковник Джон Янг – он командовал батальоном 60-го пехотного полка, который находился в личном подчинении Амхерста и под Луисбургом, и под Квебеком – еще в 1736 году был назначен сэром Уильямом Синклером из

Рослина заместителем Великого Магистра Великой Ложи Шотландии. В 1757 году он стал Провинциальным Великим Магистром всех шотландских лож в Америке и Вест-Индии. В 1761 году Янга в 60-м пехотном полку сменил подполковник (впоследствии генерал-майор) Августин Прево. В том же году Прево стал Великим Магистром всех масонских лож британской армии, находящихся под покровительством еще одной масонской организации, Древнего и Принятого шотландского обряда.

В 1756 году полковник Ричард Гридли был уполномочен «собрать всех Свободных и Принятых масонов в поход против Кроун-Пойнта [впоследствии взятого Амхерстом] и сформировать из них одну или несколько лож». Когда в 1758 году был захвачен Луисбург, Гридли основал в нем еще одну ложу. В ноябре 1759 года, через два месяца после взятия Вулфом Квебека, шесть полковых лож из подразделений, расквартированных в крепости, собрались вместе. Поскольку в гарнизоне Квебека насчитывалось такое количество лож, было принято решение объединить их все в Великую Ложу и выбрать Великого Магистра. В соответствии с этим решением Великим Магистром провинции Квебек стал лейтенант Джон Гине из 47-го пехотного (впоследствии ланкаширского) полка. Через год его сменил полковник Саймон Фрэзер, командир 78-го пехотного полка. Весьма примечательно, что Фрэзер был сыном лорда Ловата, известного якобита, который принимал участие в восстании 1745 года и приобрел печальную славу последнего человека, казненного в Тауэре. В 1761 году Саймона Фрэзера на посту Великого Магистра Квебека сменил Томас Спан из 47-го пехотного полка. За Спаном последовал капитан Милборн Уэст из того же полка; в 1764 году Уэст стал Великим Магистром всей Канады.

Одним из самых интересных аспектов этого процесса можно считать относительно низкие чины, невысокое происхождение и неприметность людей, занимавших такие высокие посты. Большая часть из них не были аристократами, никогда не приобретали известность в обществе и не сделали блестящей карьеры в армии. В основном это были «простые солдаты». Из назначения таких фигур, как лейтенант Гине и капитан Уэст, можно понять, каким образом функционировали военные ложи, как они сосуществовали с субординацией, и почему они были такими популярными. Младший офицер, такой, как лейтенант Гине, ежедневно общался с рядовым составом, который внутри ложи мог держаться с ним на равных. Одновременно как Великий Магистр Квебека он стоял выше старших по званию офицеров. Таким образом, военные ложи обеспечивали гибкость взаимодействия и общения, которая в те времена являлась необычным, а возможно, и уникальным общественным явлением.

Неудивительно, что масонство, столь распространенное в британской армии, проникло в среду колониальных чиновников, а также в возглавляемые ими учреждения. Американские командиры и чиновники использовали любую возможность, чтобы стать не только братьями по оружию, но и объединиться в масонское братство. Поощрялись связи между регулярными британскими войсками и их коллегами в колониях. Ложи процветали, а масонские ранги и титулы раздавались направо и налево подобно медалям или повышениям в должности. Такие известные люди, как Израэль Патнам, Бенедикт Арнольд, Джозеф Фрай, Хью Мерсер, Джон Никсон, Дэвид Вустер и, разумеется, сам Вашингтон, снискали себе не только воинскую славу. Они также – если до этого не состояли в братстве – были приняты в масонские ложи. И даже тот, кто непосредственно не стал масоном, постоянно испытывал влияние масонства, распространявшегося из британской армии и

смешивавшегося с уже основанными в колонии ложами. Таким образом, масонство пронизало всю колониальную администрацию, все общество и культуру американских колоний.

Это относится не только к самому масонству – то есть обрядам, ритуалам, традициям, возможностям и привилегиям – по и к атмосфере, менталитету, иерархии взглядов и ценностей, для которых масонство было чрезвычайно эффективным каналом распространения. Масонство того времени стало прибежищем волнующего и энергичного идеализма, который был заразителен сам по себе. Большинство колонистов не читали Локка, Юма, Вольтера, Дидро или Руссо – как, впрочем, и английские солдаты. Однако через систему лож философские идеи, ассоциировавшиеся с этими мыслителями, становились доступны всем. Именно через ложи «простые» колонисты узнавали о таких возвышенных понятиях, как «права человека». Именно через ложи они знакомились с идеями совершенствования общества. Новый Свет, казалось, представлял собой чистый лист, нечто вроде лаборатории для социальных экспериментов, в которой принципы, проповедуемые масонством, можно было применить на практике.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПОЯВЛЕНИЕ ЛИДЕРОВ-МАСОНОВ

Один из ключевых вопросов войны за независимость Америки заключается в следующем: каким образом и почему Британия умудрилась потерять свои колонии. Дело в том, что война была не столько «выиграна» американскими колонистами, сколько «проиграна» Британией. Британия могла – независимо от усилий колонистов – в одиночку победить или проиграть в этом конфликте. Если она активно не выбрала победу, то своим бездействием обрекла себя на поражение.

В большинстве конфликтов – к примеру, в войне за Испанское наследство, в Семилетней войне, в войнах наполеоновской эпохи, в Гражданской войне в Америке, во Франко-прусской войне и двух мировых войнах двадцатого столетия – победу или поражение одной из противоборствующих сторон можно объяснить с военной точки зрения. В большинстве таких конфликтов историки могут назвать один или несколько конкретных факторов – тактические или стратегические решения, те или иные кампании, сражения, вопросы тылового обеспечения (такие, как пути подвоза или объем промышленного производства) или просто истощение ресурсов. Любой из этих факторов, по отдельности или в сочетании с другими, способствует поражению одного из противников или делает его неспособным продолжать борьбу. Однако в войне за независимость Америки нельзя найти подобных факторов, на которые мог бы указать историк. Даже два сражения, которые обычно считаются «решающими» – под Саратогой и Йорктауном – могут рассматриваться как решающие только с точки зрения боевого духа американцев или с высоты нашего времени в смысле неуловимого «водораздела» истории. Эти сражения ни в коей мере не подорвали силы Британии и не лишили ее способности продолжать войну. В них участвовала лишь малая часть британских войск, размещенных в Северной Америке. Война продолжалась еще четыре года после битвы под Саратогой, и за это время поражение Британии было компенсировано серией побед. А когда Корнуоллис капитулировал под Йорктауном, большая часть британских войск сохранилась. Более того, они были способны к продолжению военных действий на всей территории колоний, а также обладали стратегическим преимуществом и перевесом в численности. В войне за независимость Америки не было ни одной решительной победы, сравнимой с Ватерлоо, и ни одного неотвратимого «поворотного пункта», сравнимого с Геттисбергом. Как будто англичане просто устали – им стало

скучно, они потеряли всякий интерес к войне, собрались и отправились домой.

В американских учебниках истории приводятся стандартные объяснения поражения Британии – разумеется, причины эти носят военный характер, что является доказательством доблести американских солдат. Так, например, часто высказывается предположение, а иногда и открыто утверждается, что вся Северная Америка взяла в руки оружие и оказала сопротивление Британии – ситуация, подобная наполеоновскому или гитлеровскому вторжению в Россию, когда весь народ объединился, чтобы дать отпор агрессору. Чаще, однако, говорится о том, что британская армия в Диких лесах Северной Америки чувствовала себя как рыба, вытщенная из воды, что она не была подготовлена к тактике партизанской войны, которая использовалась колонистами и диктовалась характером местности. Нередко можно слышать утверждение, что британские командиры были некомпетентны, глупы, ленивы, коррумпированы, что их перехитрили и обыграли при помощи искусных маневров. Стоит остановиться на каждом из этих положений в отдельности.

В действительности британская армия не сталкивалась с целым континентом или народом, объединившимся против нее. Из тридцати семи газет, выпускавшихся в колониях в 1775 году, двадцать три поддерживали восставших, семь оставались преданными Британии и семь были нейтральными или не определились в своих симпатиях. Если эти цифры отражают настроение населения колоний, то целых 38 процентов колонистов не были готовы поддержать восставших. На самом деле значительное число колонистов сохраняли тесные связи со страной, которую они считали своей родиной. Они добровольно становились шпионами, передавали информацию, предоставляли пристанище и провиант английским войскам. Многие из них взяли в руки оружие и присоединились к регулярной британской армии, выступив против своих соседей по колониям. Во время войны насчитывалось не менее четырнадцати подразделений «роялистов», действовавших в составе британской армии.

Нельзя признать обоснованным и заявление, что британская армия не была готова к тому типу войны, которая шла в Северной Америке. Во-первых – и вопреки широко распространенному мнению – большая часть военной кампании не включала в себя партизанских действий. В основном боевые действия представляли собой детально спланированные сражения и осады городов – как раз то, что имело место на европейских театрах военных действий, и в чем была сильна британская армия и входившие в ее состав гессенские наемники. Но даже в условиях партизанской войны британские войска не оказывались в проигрышном положении. Как мы уже видели, Амхерст, Вулф и их подчиненные еще за двадцать лет до этих событий применяли точно такую же тактику, вытесняя французов из Северной Америки. В действительности британская армия первой освоила тактику, которую диктовали леса и реки, заставлявшие отказаться от приемов и боевых порядков, использовавшихся на полях сражений Европы. Возможно, гессенские наемники действительно оказались уязвимыми для подобной тактики, но такие британские подразделения, как 60-й пехотный полк – самое первое стрелковое подразделение Амхерста – были способны побить колонистов их же собственным оружием, то есть теми методами, которым военные лидеры восставших научились у британских командиров.

Остается обвинение в некомпетентности и глупости британских командиров. В отношении одного из них – сэра Джона Бергойна – эти обвинения, возможно, справедливы. Что касается трех высших военачальников – сэра Уильяма Хоу, сэра Генри Клинтона и лорда Чарлза Корнуоллиса – это не

соответствует действительности. Хоу, Клинтон и Корнуоллис были не менее компетентны, чем их американские противники. Каждый из этих троих выиграл больше сражений с колонистами, чем проиграл, причем победы эти были более значительными. Все трое уже продемонстрировали свое воинское искусство и имели возможность вновь подтвердить его. Двадцать лет назад Хоу сыграл ключевую роль в войне против французов и индейцев. Он перенял партизанскую тактику у своего брата, погибшего под Тикондерогой, служил под командованием Амхерста под Луисбургом и Монреалем, шел в авангарде войск Вулфа на высотах Авраама под Квебеком.

С 1772 по 1774 год он отвечал за оснащение регулярных войск отрядами легкой кавалерии. Клинтон родился на полуострове Ньюфаундленд, вырос в Ньюфаундленде и Нью-Йорке, служил в милиции Нью-Йорка, а затем вступил в гвардию и принимал участие в боевых действиях в Европе, где приобрел блестящую репутацию. Корнуоллис также проявил себя во время Семилетней войны. После этого во время войны в Мисоре он одержал ряд побед, которые позволили Британии получить контроль над южной Индией. Одновременно он выступал в качестве наставника юного сэра Артура Уэллесли, будущего герцога Веллингтона. Во время восстания 1798 года в Ирландии Корнуоллис показал Себя не только опытным стратегом, но и мудрым и гуманным человеком, который постоянно обуздывал чрезмерную жестокость своих подчиненных. Этих людей никак нельзя было назвать некомпетентными или глупыми.

Но если высшее командование британских войск во время войны за независимость Америки не было некомпетентным или глупым, то оно проявило странную медлительность, бестолковость, апатию и даже бездеятельность, причем в такой степени, что этому не могут найти объяснения историки. Игнорировались благоприятные возможности, за которые с радостью ухватился бы гораздо менее квалифицированный человек. Военные операции проводились крайне вяло и равнодушно. Война просто-напросто не велась с той решительностью, которая необходима для победы – решительностью, которую проявляли те же самые командиры в борьбе против других врагов.

На самом деле причины поражения Британии носили совсем не военный характер. Война была проиграна в результате действия совсем других факторов. Это была абсолютно непопулярная война, как война во Вьетнаме для Соединенных Штатов два столетия спустя. Против нее выступало британское общество, почти все британское правительство и все британские силы, принимавшие в ней непосредственное участие – солдаты, офицеры и военачальники. Клинтон и Корнуоллис сражались по обязанности и с явной неохотой. Хоу проявил еще большую неуступчивость, постоянно выражая свой гнев, недовольство и разочарование теми приказами, которые он получал. Его брат адмирал Хоу испытывал точно такие же чувства. Колонисты, заявлял он, были «самыми притесняемыми и несчастными людьми на земле».

Позиция Амхерста была еще более непримиримой. Когда начались военные действия, ему исполнилось пятьдесят девять лет – Амхерст был на пятнадцать лет старше Вашингтона и на двенадцать лет старше Хоу, но все еще мог руководить войсками. После успехов в Семилетней войне он стал губернатором Вирджинии и продолжал оттачивать свое искусство в ведении партизанской войны во время восстания индейцев под руководством вождя Понтиака. К моменту начала войны за независимость Америки он был главнокомандующим британской армии и с раздражением отзывался о бюрократии и скуке «канцелярской работы», которой ему приходилось заниматься. Если бы Амхерст принял па себя командование войсками в Северной Америке и (вместе со своим бывшим

подчиненным Хоу) принялся за дело с такой же энергией, какую он демонстрировал в войне против французов двадцать лет назад, события могли принять совсем другой оборот. Но Амхерст проявил такое же отвращение к этой войне, как и те, кто принимал участие, хотя и неохотно, в боевых действиях. Высокий чин Амхерста давал ему возможность отказаться. Первое предложение поступило в 1776 году, и Амхерст отклонил его. В январе 1778 года к нему обратились снова. На этот раз его даже не спрашивали. Король Георг III просто назначил его главнокомандующим британскими войсками в Америке и потребовал, чтобы он взял военные действия под контроль. Угрожая подать в отставку, Амхерст отказался выполнять прямой приказ короля. Попытки убедить его, предпринятые некоторыми членами парламента, оказались такими же безрезультатными.

Амхерст, Хоу, большая часть британских военачальников, а также подавляющее большинство всего британского общества воспринимала войну за независимость Америки как разновидность гражданской войны. В сущности, они, к собственному неудовольствию, чувствовали, что их натравливают на противника, которого они могут считать соотечественником, связанным с ними не только общим языком, историей, традициями и взглядами, но и во многих случаях родственными узами. Существовал, однако, и еще один аспект. В восемнадцатом веке масонские ложи в Британии представляли собой настоящую сеть, пронизавшую все общество и особенно его культурные слои – людей свободных профессий, государственных служащих и чиновников, преподавателей, то есть людей, которые формировали и определяли общественное мнение. Кроме того, масонство определяло общий психологический и культурный климат, атмосферу, которая характеризовала мышление той эпохи. С особой силой это проявлялось в армии, где полковые ложи служили скрепляющей силой, привязывающей людей к своим подразделениям, к своим командирам и друг к другу. В еще большей степени этот процесс был заметен для «простых солдат», у которых не было кастовых и семейных связей, как у офицерского клана. Во время войны за независимость Америки большинство участвовавших в ней офицеров и солдат – как с той, так и с другой стороны – либо сами были масонами, либо разделяли взгляды и ценности масонства. Широкое распространение полковых лож приводило к тому, что даже не члены братства постоянно соприкасались с идеалами организации. И многие из этих идеалов явно совпадали с тем, за что сражались колонисты. Принципы, которые провозгласили колонисты и за которые они сражались, были – возможно, случайно – преимущественно масонскими. И поэтому британское командование вместе с рядовым составом оказалось втянутым в войну не просто с соотечественниками, а с братьями-масонами. В таких обстоятельствах нелегко быть безжалостным. Конечно, это не означает, что британских командиров можно обвинить в измене. В любом случае они были профессиональными военными, готовыми, хотя и с неохотой, исполнить свой долг. Но они изо всех сил старались максимально сузить круг своих обязанностей и не делать ничего сверх этого.

Влияние военных лож

К сожалению, не сохранилось никаких реестров, поименных списков или других документов, которые позволили бы точно сказать, кто из высшего британского командования был действительным членом масонской ложи. Как правило, большинство военных вступали сначала в полковые ложи. известные своей крайней небрежностью по части ведения протоколов и передачи их вышестоящим ложам. Получив официальный патент, полковая ложа обычно теряла связь с ложей, которая взяла ее под свое крыло. Особенно сильно эта тенденция проявлялась у тех полковых лож,

находившихся под покровительством Великой Ложи Ирландии, у которой хватало забот с собственными протоколами. Большинство первых полковых лож относилось именно к Великой Ложе Ирландии. В некоторых случаях одни полковые ложи выдавали патенты другим, а вышестоящая ложа ничего об этом не знала. По мере того как армейские подразделения расформировывались или сливались, полковые ложи мигрировали, видоизменялись, перемещались, а иногда переходили под патронаж другой вышестоящей ложи. Даже вне армии сохранившиеся документы носят крайне отрывочный характер. Известно, к примеру, что все трое братьев Георга III были масонами, а один из них, герцог Камберленд, в конечном итоге стал Великим Магистром Великой Ложи Англии. Однако до нас дошли лишь документы, свидетельствующие о том, что 16 февраля 1766 года в масонскую ложу был принят герцог Глостер. Нет никаких указаний на то, когда, где и кем был принят в братство герцог Йорк, который к тому времени уже был масоном. Один из историков, правда, вскользь упоминает, что он «был посвящен за границей». Если даже в отношении принцев королевской крови документальные свидетельства случайны и беспорядочны, то что уж говорить о военных.

Поэтому неудивительно, что невозможно достоверно установить, были ли Хоу, Корнуоллис и Клинтон масонами. Однако есть масса оснований полагать, что были. Из четырех полков, в которых служил Хоу, прежде чем стать генералом, в трех имелись полковые масонские ложи, и как командир полка он должен был если и не руководить ими, то хотя бы закрывать глаза на их деятельность. Более того, Хоу служил под командованием Амхерста и Вулфа в армии, где масонство получило широкое распространение. Во время войны за независимость Америки его позиция и взгляды в точности совпадают со взглядами масонов. Из тридцати одного полка, находившихся в его подчинении в Северной Америке, в двадцати девяти действовали масонские ложи. Даже если сам Хоу и не был масоном, он никак не мог избежать влияния братства вольных каменщиков.

Все вышесказанное справедливо и в отношении Корнуоллиса, у которого сложились особенно близкие отношения с Хоу. Корнуоллис служил в двух полках, прежде чем получил звание генерала, и командовал одним из них. В обоих полках имелись масонские ложи. Дядя Корнуоллиса Эдвард, который впоследствии был произведен в генерал-лейтенанты, стал губернатором Новой Шотландии и в 1750 году основал там масонскую ложу. Практически все члены семьи Корнуоллисов на протяжении восемнадцатого и девятнадцатого века были известными масонами.

В отношении Клинтона имеющиеся сведения не позволяют сделать такого же определенного вывода. До производства в генералы он служил не в строевых частях, а в гвардии, где в то время еще не было полковых лож. С другой стороны, во время Семилетней войны он был адъютантом герцога Брауншвейгского Фердинанда, одного из самых активных и влиятельных масонов своего времени. Фердинанд стал масоном в 1740 году в Берлине. В 1770 году его избрали Великим Магистром герцогства Брауншвейгского, находившегося под покровительством Великой Ложи Англии. Через год Фердинанд перешел в систему «Строгого послушания». В 1776 году вместе с принцем гессенским Карлом он основал престижную ложу в Гамбурге. В 1782 году он созвал Конвент в Вильгельмсбаде, большой конгресс всех масонов. Будучи адъютантом Фридриха, Клинтон не мог не соприкасаться с масонством и его идеалами. Более того, сохранился документ с описанием празднования дня св. Иоанна, которое устроили мастер и братья ложи № 210 25 июня 1781 года, когда британская армия заняла Нью-Йорк. Во время праздника провозглашались тосты:

«За короля и за братство,

За королеву... и леей масонов.

За сэра Генри Клинтона и всех верных масонов.

За адмирала Арбетнота... и всех попавших в беду масонов.

За генералов Книпхаузена и Райдезеля... и приезжих братьев.

За лордов Корнуоллиса и Роудена... и древнее братство».

Таким образом, масонство было распространено как в британской армии, так и в мятежных колониях. Здесь следует особо подчеркнуть, что все приведенные выше факты ни в коем случае не свидетельствуют о существовании организованного «масонского заговора». До сих пор в отношении масонства большинство историков, занимавшихся изучением войны за независимость Америки, делились на два противоположных лагеря. Некоторые – их не очень много – рассматривали войну исключительно как «масонское событие» – движение, которое было задумано, организовано и осуществлено кучкой масонов в соответствии с тщательно разработанным планом. Такие историки в качестве доказательства обычно приводят длинный список масонов, который ничего не доказывает, за исключением того, что недостатка в таких списках не было и нет. С другой стороны, большинство специалистов, придерживающихся традиционной точки зрения, вообще обходят вопрос о роли масонов в этом конфликте. Они регулярно ссылаются на таких философов, как Юм, Локк, Адам Смит и французские мыслители семнадцатого века, но игнорируют масонское окружение, которое подготовило почву для появления этих идей, которое служило им питательной средой и популяризировало их.

В действительности не существовало никакого масонского заговора. Из пятидесяти шести человек, поставивших свои подписи под Декларацией независимости, только о девяти точно известно, что они были масонами, а еще десять могли принадлежать к братству вольных каменщиков. Судя по сохранившимся документам, из семидесяти четырех армейских генералов и офицеров членами масонских лож являлись только тридцать три.

Не подлежит сомнению, что масоны имели, как правило, больше возможностей влиять на ход событий, чем их не принадлежавшие к братству коллеги. Но они не предпринимали никаких согласованных действий по выполнению заранее составленного грандиозного плана. Такое было бы просто невозможно. Общественное движение, которое привело к независимости Америки, в сущности представляло собой непрерывную цепь импровизаций – то, что на современном языке называется «критическим управлением». В соответствии с неожиданным свершившимся фактом проводился необходимый анализ и принимались те или иные решения – до тех пор, пока новый свершившийся факт не диктовал новую последовательность изменений и действий. В этом процессе масонство в целом играло роль сдерживающей и смягчающей силы. Так, например, в 1775 году некоторые радикалы начали агитировать за разрыв всяких связей с Британией. Генерал Джозеф Уоррен, будущий командующий войсками колонистов при Банкер-Хилл, будучи масоном, делал заявления, похожие на заявления современных юнионистов Ольстера – он не признавал власть парламента, но оставался верным короне. Точно такую же позицию занимал Вашингтон. Даже в декабре 1777 года, через год после подписания Декларации независимости, Франклин был готов отказаться от мыслей о независимости, если несправедливости, предшествовавшие войне, будут устранены. Глупо говорить о «масонском заговоре», но не менее глупо вообще отрицать влияние

масонства. В конечном итоге идеи, распространяемые масонами, оказались более важными и долговечными, чем само масонство. Республика, которая образовалась в результате войны, не была в буквальном смысле «масонской республикой», то есть созданной масонами, для масонов и в соответствии с идеалами масонов. Однако она вобрала в себя эти идеалы, она испытала влияние этих идеалов и она в гораздо большей степени была обязана этим идеалам, чем это принято считать. Один из масонских историков писал:

«..масонство оказало гораздо большее влияние на формирование и развитие этого [американского] правительства, чем на любой другой институт власти. Ни историки, ни члены Братства со времен первого Конституционного Конвента не осознавали, чем Соединенные Штаты обязаны масонству, и какую огромную роль оно сыграло в рождении нации и формировании основ этой цивилизации...»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

СОПРОТИВЛЕНИЕ БРИТАНИИ

Как уже отмечалось выше, «ортодоксальная», или «официальная», форма масонства, представленная Великой Ложой Англии, предлагала, как правило, только три «цеховые» степени. Так называемые «высшие градусы» обычно связывались с более старой якобитской ветвью масонства. После восстания 1745 года «высшие градусы» масонства не исчезли. Они просто утратили свой сугубо якобитский, политический характер и продолжали существовать. Очищенные от связи со Стюартами, они больше не рассматривались Великой Ложой как подрывные. В конечном счете Великая Ложа постепенно, хотя и неохотно, стала официально признавать «высшие градусы». Вскоре для лояльного, честного и обладающего чувством гражданского долга английского джентльмена стало считаться respectable после специального обучения получить степень Мастера Метки, Царственного Свода или Мореходов Ковчега. Это можно было сделать в Великой Ложке Ирландии, Великой Ложке Шотландии или в системе «Строгого послушания» барона фон Хунда. Именно Хунд впервые открыто заявил о том, что масоны являются преемниками тамплиеров. До начала Семилетней войны (или войны с французами и индейцами) большинство масонов в Северной Америке принадлежали к ортодоксальному, лояльному к Ганноверской династии направлению, которое олицетворяла Великая Ложа Англии. Однако во время Семилетней войны «высшие градусы» масонства благодаря полковым ложам проникли в американские колонии и быстро укоренились там. Ярким примером этого процесса и трений, которые он иногда вызывал, может служить Бостон – колыбель американской революции.

Бостонская ложа св. Андрея

Первые масонские ложи появились в Массачусетсе в 1733 году, когда Генри Прайс, имевший полномочия от Великой Ложки Англии, стал Великим Магистром основанной им Массачусетской Великой Провинциальной Ложки св. Иоанна. Его помощником был Эндрю Белчер, сын губернатора провинции. К 1750 году в Бостоне существовали уже две другие ложи. И они, и их головная ложа св. Иоанна собирались в таверне «Гроздь винограда», расположенной в районе современных улиц Стейт-стрит и Килби-стрит. Полковые ложи британских войск, находящиеся под покровительством Великой Ложки Англии, тоже собирались в этом помещении. Следовательно, ложа св. Иоанна взяла под свое крыло более сорока лож. Тем временем в 1743 году Великая Ложа Англии назначила видного бостонского торговца Томаса Окснарда Великим Провинциальным Магистром Северной Америки. Таким образом, Бостон превратился в масонскую столицу британских колоний за океаном.

Однако в 1752 году была основана еще одна, «нерегулярная» ложа, не имевшая патента от Великой Ложи Англии. Эта ложа собиралась в другой таверне, которая называлась «Зеленый дракон», а в 1764 году была переименована в Дом Масонов. Возмущенные члены ложи св. Иоанна начали жаловаться, и тогда «нерегулярная» ложа получила соответствующий патент, но не от Великой Ложи Англии, а от Великой Ложи Шотландии, которая предлагала своим членам «высшие градусы». Уполномоченная ложа смогла стать только после 1756 года, когда в Америку начали прибывать британские войска, в которых действовали полковые ложи, уполномоченные Великими Ложами Ирландии и Шотландии. «Нерегулярная ложа» вскоре была официально зарегистрирована как ложа св. Андрея. Затем она стала выдавать патенты новым ложам и потребовала для себя статуса Великой Провинциальной Ложи – под эгидой Великой Ложи Шотландии. Таким образом, в Бостоне одновременно действовали две соперничающие Великие Провинциальные Ложи: ложа св. Иоанна, которой покровительствовала Великая Ложа Англии, и ложа св. Андрея, гарантом которой выступала Великая Ложа Шотландии. Поэтому неудивительно, что возникали противоречия, вспыхивали ссоры, а разделение на «их и нас» привело к своего рода гражданской войне между оскорбленными масонами. Ложа св. Иоанна с подозрением смотрела на ложу св. Андрея и с мстительной страстью постоянно принимала резолюции, направленные против соперницы. Однако эти резолюции не оказывали должного эффекта, и ложа св. Иоанна продолжала сердиться и запретила своим членам посещать собрания ложи св. Андрея. На такого рода склоки многие видные граждане Бостона тратили массу времени и сил.

Не обращая внимания на все выдвигавшиеся против нее обвинения, ложа св. Андрея продолжала собираться и привлекать новых членов, и даже переманивала к себе некоторых членов ложи св. Иоанна. 28 августа 1769 года ложа св. Андрея объявила о введении новой масонской степени, получившей название Градуса Рыцаря Храма. Точно неизвестно, откуда была позаимствована эта степень. Никаких документов на этот счет не сохранилось, но считается, что этот градус масонства был привезен в Бостон 29-м пехотным полком, полковая ложа которого получила полномочия от Великой Ложи Ирландии за десять лет до этого события. Первое упоминание об этом градусе содержится в уставе Старой ложи Стерлинга от 1745 года. В любом случае наследие тамплиеров, которое присвоили себе якобиты и которое пропагандировалось Хундом, стало приобретать сторонников за пределами их ритуалов.

Однако введение степени рыцаря Храма – это не единственное достоинство ложи св. Андрея. В 1773 году она заняла позицию в авангарде бурно развивавшихся событий. В этот период ее Великим Магистром был Джозеф Уоррен, которого Великая Ложа Шотландии назначила Великим Магистром всей Северной Америки. В числе прочих членами ложи были Джон Хэнкок и Пол Ревир.

В течение восьми лет, предшествовавших 1773 году, противоречия между Британией и ее американскими колониями заметно усилились. Практически обанкротившись в результате Семилетней войны, Британия стремилась пополнить свою казну за счет колоний, обложив их еще большими налогами и пошлинами. Эти действия вызвали новый взрыв негодования и сопротивления в колониях. В 1769 году ассамблея Вирджинии по предложению Патрика Генри и Ричарда Генри Ли (оба были известными масонами) выдвинула официальные обвинения против английского правительства и была распущена губернатором провинции. В 1770 году случилась известная «бостонская резня». Британский караул, окруженный враждебно настроенной толпой, открыл

стрельбу, в результате чего погибли пять человек. В 1771 году восстание в северной Каролине было подавлено войсками, а тринадцать мятежников были обвинены в измене и казнены. В 1772 году два известных масона, Джон Браун и Эйбрахам Уиппл, начали на судно таможенников у Род-Айленда и сожгли его.

Ситуация стала критической после издания «закона о гербовом сборе», который был предназначен для того, чтобы спасти Ост-Индскую компанию от банкротства. В соответствии с этим актом компании предоставлялось право беспошлинного ввоза чая в колонии Северной Америки. Эта мера ставила под удар как легальных торговцев чаем, так и контрабандистов, а также устанавливала монополию на рынке. В сущности, колонистов вынуждали покупать чай только у Ост-Индской компании, причем в количестве, превышавшем их желание и потребность.

27 ноября 1773 года первый из трех торговых судов Ост-Индской компании прибыл в Бостон с большой партией чая. 29 и 30 ноября состоялись массовые митинги протеста, и «Дартмут» не смог разгрузиться. Больше недели судно простояло в порту. Затем, в ночь на 16 декабря, группа колонистов (по разным оценкам, их было от шестидесяти до двухсот человек) грубо и демонстративно раскрасив себя на манер индейцев из племени могавков, проникла на корабль и выбросила весь его груз – 342 тюка с чаем стоимостью около 10 тысяч фунтов стерлингов – в Бостонский залив. Это было знаменитое «Бостонское чаепитие». Действия колонистов больше походили на хулиганскую выходку, чем на революционный акт. Сами по себе они не были связаны с насилием и не стали причиной насилия. На протяжении следующих четырнадцати месяцев не наблюдалось никакой вооруженной борьбы. Тем не менее именно «Бостонское чаепитие» знаменует собой начало войны за независимость Америки.

В тот период ложа св. Андрея регулярно собиралась в так называемой «длинной комнате» Дома Масонов, бывшей таверны «Зеленый дракон». Ложа делила эту комнату с большим количеством политических тайных обществ и подпольных квазимасонских братств, ставивших своей целью сопротивление британскому налоговому законодательству. Среди организаций, собиравшихся в «длинной комнате», были «Лонг-рум Клуб», членом которой являлся Великий Магистр ложи св. Андрея Джозеф Уоррен, «Корреспондентский комитет» (членами этой группы, занимавшейся согласованием действий местной оппозиции с действиями оппозиционеров в других американских городах, таких, как Филадельфия и Нью-Йорк, были Уоррен и Пол Ревир), а также «Северная фракция», объединявшая под своим крылом многих масонов, в том числе и Уоррена. Более радикальной была организация «Сыны свободы», и особенно ее ядро, так называемая «Loyal Nine», которая являлась сторонником насильственных действий и организовывала мятежи, демонстрации и другие формы неповиновения еще с 1765 года. Видное положение среди «Сынов свободы» занимал Сэмюэл Адаме, не принадлежавший к масонскому братству. «Сыны свободы» также не проводили свои собрания в «длинной комнате» Дома Масонов. Тем не менее многие члены организации также являлись членами ложи св. Андрея. Так, например, активную роль в деятельности «Сынов свободы» играл Пол Ревир. Не менее трех членов «Loyal Nine» были также членами масонской ложи св. Андрея.

Показателен протокол собрания ложи св. Андрея накануне «Бостонского чаепития». 30 ноября 1773 года, на второй день массовых протестов против прибытия судна «Дартмут», состоялось собрание ложи, но на нем присутствовало только семь человек. Судя по сохранившимся записям, было решено

перенести собрание ложи на вечер следующего вторника – из-за отсутствия большинства братьев, которые «отдали свое время получателям чая».

Во вторник, 2 декабря, на собрании ложи, где присутствовали пятнадцать братьев и один гость, было избрано руководство ложи. Через неделю, 9 декабря, на ежемесячном собрании ложи присутствовали четырнадцать членов и десять приглашенных, но все внутренние вопросы были отложены на неделю, до 16 декабря. Именно в эту ночь произошло «Бостонское чаепитие», и на собрании ложи присутствовало всего пять братьев. В протоколе после имен пришедших на собрание имеется запись о том, что ложа закрывается до завтрашнего вечера вследствие малого числа присутствующих.

Вопреки многочисленным утверждениям и легендам, «Бостонское чаепитие» не планировалось на собрании ложи св. Андрея. Скорее всего, его планы разрабатывались Сэмюэлом Адамсом и «Сынами свободы». Тем не менее доподлинно известно, что не менее двенадцати членов ложи принимали участие в «чаепитии». Более того, двенадцать других участников вылазки впоследствии были приняты в ложу св. Андрея.

Кроме того, «Бостонское чаепитие» не могло бы произойти без активного содействия двух подразделений колониальной милиции, которые должны были охранять груз «Дартмута». Капитан одного из этих отрядов Эдвард Проктор являлся членом ложи св. Андрея с 1763 года. Трое его подчиненных – Стивен Брюс, Томас Нокс и Пол Ревир – также были членами ложи, а трое других входило в «Loyal Nine». Во втором отряде милиции еще трое были членами ложи св. Андрея. Доподлинно известно, что из сорока двух человек в двух подразделениях милиции девятнадцать оказали помощь в уничтожении чая, находившегося на борту «Дартмута». Из этих девятнадцати шесть, включая командира одного из отрядов, были членами масонской ложи св. Андрея, а еще трое входило в «Loyal Nine».

Континентальная армия колонистов

На следующий день после «Бостонского чаепития» Пол Ревир отправился в Нью-Йорк, откуда новости о произошедшем событии распространились по всем колониям и были с радостью встречены населением. Когда три месяца спустя новость достигла Лондона, власти отреагировали быстро и жестко. Был принят закон, в соответствии с которым накладывалось эмбарго на любую торговлю с Бостоном, а бостонский порт объявлялся закрытым. Гражданская администрация города – ас ним и всей колонии Массачусетс – упразднялась, а в городе и провинции вводилось военное положение. Губернатором Массачусетса назначался военный, генерал Томас Гейдж. Через год, в 1775 году, Гейдж получил серьезное подкрепление в виде английских регулярных войск под командованием сэра Уильяма Хоу.

Медлительность трансатлантического сообщения по-прежнему тормозила развитие событий, но они уже получили внутренний импульс. 5 сентября 1774 года в Филадельфии собрался первый Континентальный конгресс. На нем председательствовал Пейтон Рэндолф, видный адвокат и Великий Магистр провинции Вирджиния. Среди бостонских делегатов были Сэмюэл Адаме от «Сынов свободы» и Пол Ревир. Вопреки последующей традиции, на конгрессе не наблюдалось единодушия мнений и взглядов. Большинство делегатов отнюдь не жаждали независимости от Британии, и даже не помышляли о ней. Предложенные конгрессом меры носили не политический, а чисто экономический характер. Кроме того, они были в высшей степени временными – сочетание

поспешных действий и блефа. Так, например, была образована «Ассоциация» – номинально для того, чтобы ограничить или вообще оборвать торговые связи с Британией и с остальным миром, закрыть экономику колоний и сделать ее самодостаточной. Подобный проект вряд ли можно было воплотить в жизнь, однако его обнародование должно было подтолкнуть английский парламент к действию.

Однако находившийся за 3500 миль от Америки парламент не понимал действительной ситуации или не интересовался ею, и поэтому отреагировал совсем не так, как следовало бы. Ситуация продолжала ухудшаться, и собравшийся в феврале 1775 года массачусетский Провинциальный конгресс объявил о планах вооруженного сопротивления. Парламент ответил тем, что объявил Массачусетс мятежной провинцией. Среди бурной риторики, которая за этим последовала, Патрик Генри в речи перед Провинциальной ассамблеей Вирджинии произнес свои знаменитые слова: «Свобода или смерть».

Однако кризис уже перерос границы риторики – и даже гражданских и экономических акций. В апреле 1775 года 700 английских солдат были направлены в Конкорд, в окрестностях Бостона, для захвата находившегося там склада оружия местной милиции. Пол Ревир предпринял свой знаменитый рейд, чтобы предупредить о приближении войск. Отряд англичан был встречен в Лексингтоне семьюдесятью семью вооруженными колонистами. В ожесточенной стычке – «звуки выстрелов были слышны по всей округе» – восемь колонистов были убиты и десять ранены. На обратном пути в Бостон колонна англичан с конфискованным оружием была атакована отрядом из 4000 стрелков и потеряла 273 человека убитыми и ранеными. Колонисты потеряли девятнадцать человек.

22 апреля собрался Третий провинциальный конгресс Массачусетса, на котором председательствовал Джозеф Уоррен, Великий Магистр Северной Америки, уполномоченный Великой Ложей Шотландии. Уоррен санкционировал мобилизацию 30 тысяч человек. В то же время в своем «Обращении к Великобритании» он писал:

«В этой колонии уже давно ведутся военные действия войсками под командованием генерала Гейджа... Это, братья, является мстостью правительства за отказ, вместе с другими колониями, стать рабами; но им еще не удалось отторгнуть нас от нашего монарха. Мы заявляем о том, что остаемся его верными подданными... но тем не менее мы не станем покорно смиряться перед гонениями и тиранией его правительства».

Многие из непокорных колонистов, не принадлежавших к масонскому братству – такие, как Джон и Сэмюэл Адамсы – уже требовали более радикальных мер. Однако Уоррен, объявляя о своей верности королю, но не парламенту, выражал мнение большинства масонов. Именно эта позиция оказалась преобладающей на втором Континентальном конгрессе, собравшемся 10 мая 1775 года. Конгресс – под председательством сначала Пейтона Рэндолфа, а после его смерти Джона Хэнкока из ложи св. Андрея – санкционировал создание полноценной армии. Командующим был назначен Джордж Вашингтон, известный масон из ложи Вирджинии, Великим Магистром которой был Рэндолф. Некоторые историки высказывали предположение, что этим назначением Вашингтон обязан своим связям среди масонов. Разумеется, в распоряжении конгресса имелись и более опытные в военном деле люди, причем все они тоже были масонами. И действительно, в самом начале войны высшее командование колонистов почти полностью состояло из масонов. Стоит вкратце остановиться на их биографиях.

Среди тех, кого могли назначить главнокомандующим вместо Вашингтона, был генерал Ричард Монтгомери.

Монтгомери родился в Ирландии, в окрестностях Дублина. Во время войны с французами и индейцами он был офицером регулярных частей английской армии и служил под командованием Амхерста. При осаде Луисбурга он воевал в 17-м пехотном полку, а затем был переведен в Лестерширский полк, входивший в бригаду Вулфа. После окончания войны Монтгомери поселился в колониях и женился на дочери Роберта Р. Ливингстона, который в 1784 году станет Великим Магистром Великой Провинциальной Ложи Нью-Йорка, а в 1789 году будет принимать клятву у Вашингтона на церемонии инаугурации первого президента Соединенных Штатов. Считается, что Монтгомери вступил в масонскую ложу 17-го пехотного полка во время осады Луисбурга.

Разумеется, о том, что он масон, знали его современники. «За Уоррена, Монтгомери и Вустера!» – именно так звучал распространенный масонский тост в память известных братьев, которые стали одними из первых жертв разгоревшегося конфликта.

Во время войны с французами и индейцами Дэвид Вустер был сначала полковником, а затем бригадным генералом. Он служил под началом у Амхерста под Луисбургом и, как полагают, там же стал членом полковой ложи – вместе с лордом Блейни, который впоследствии станет Великим Магистром Великой Ложи Англии. Еще в 1750 году Вустер организовал в Нью-Хейвене первую ложу Хирама и стал ее первым магистром.

Генерал Хью Мерсер служил фельдшером в армии якобитов Карла-Эдуарда Стюарта. После Куллодена он бежал в Филадельфию, где десять лет спустя служил под началом Брэддока и был ранен у форта Дюкен. Через год его перевели в 60-й пехотный полк, где активно действовала масонская ложа. После того, как на месте форта Дюкен был построен форт Питт, Мерсера назначили его начальником в чине полковника. Он был масоном с большим стажем и входил в ту же ложу Фредериксберга, что и Вашингтон.

Генерал Артур Сен-Клер родился в Кейтнесе и был потомком сэра Уильяма Синклера, строителя часовни Росслин. Как и Монтгомери, Сен-Клер вступил в британскую армию, служил в 1756 – 1757 годах в 60-м пехотном полку, а затем в бригаде Вулфа под началом Амхерста при осаде Луисбурга. Через год он вместе с Вулфом участвовал в захвате Квебека. В 1762 году он вышел в отставку и поселился в колониях. Известно, что Сен-Клер был масоном, хотя подробности его вступления в братство или название его ложи не сохранились.

Генерал Горацио Гейтс также был строевым офицером британской армии. Он также сражался под командованием Амхерста под Луисбургом. Гейтс считался одним из ближайших друзей Вашингтона и был женат на дочери Великого Магистра Новой Шотландии. Точно неизвестно, к какой ложе принадлежал Гейтс, однако он часто посещал Великую Провинциальную Ложу Массачусетса.

Генерал Израэль Патнам служил под началом лорда Джорджа Хоу и находился рядом с ним в момент его гибели во время катастрофической лобовой атаки на форт Тикондерога. Впоследствии Патнам служил под командованием Амхерста. Масоном он стал в 1758 году, вступив в полковую ложу в Кроун-Пойнт после того, как Амхерст взял этот форт.

Генерал Джон Старк вместе с лордом Джорджем Хоу служил в нерегулярном партизанском соединении «Рейнджеры Роджерса», сражался вместе с Хоу под Тикондерогой, а затем служил под командованием Амхерста. Возможно, он стал масоном именно в этот период, но никаких

свидетельств о его вхождении в масонскую ложу до 1778 года не сохранилось.

Это лишь несколько имен из длинного списка, который может быть без труда продолжен. Генерал Джон Никсон воевал вместе с лордом Джорджем Хоу под Тикондерогой, затем вместе с Амхерстом под Дуйсбургом. Точно такой же путь прошел и генерал Джозеф Фрай. Генералы Уильям Максвелл и Элиас Дейтон сражались вместе с Джорджем Хоу под Тикондерогой, а затем вместе с Вулфом брали Квебек. Все они были масонами.

Единственным, кто резко возражал – настолько, что в конечном итоге стал предателем – против назначения Вашингтона, был Бенедикт Арнолд. Он тоже служил под командованием Амхерста и, по всей видимости, вступил в братство примерно в это же время. В 1765 году он присоединился к первой ложе Хирама, основанной Дэвидом Вустером в Нью-Хейвене. Приятель Арнолда полковник Этан Аллен служил с Джорджем Хоу под Тикондерогой, а затем с Амхерстом. В июле 1777 года он был посвящен в масонскую степень ученика в одной из лож Вермонта, но, похоже, так и не продвинулся дальше.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В тот же день, когда собрался Второй континентальный конгресс, Этан Аллен вместе с Арнолдом, который служил у него лейтенантом, предпринял неожиданную атаку на Тикондерогу, тот самый форт, который приобрел печальную славу у предыдущего поколения. Были захвачены склады с амуницией и оружием, в том числе артиллерией. Пять недель спустя колонисты, действуя под покровом ночи, упредили англичан, намеревавшихся укрепить Бостон, и построили собственные огневые позиции на двух гребнях гор, господствовавших над городом, Бридс-Хилл и Банкер-Хилл. Официально ими командовал бригадир Артемус Уард, еще один ветеран войны с французами и индейцами, но вдохновлял колонистов Джозеф Уоррен из ложи св. Андрея.

Впоследствии во всем, что случилось, обвиняли генерала Томаса Гейджа, но на самом деле вся ответственность лежит на сэре Уильяме Хоу, который непосредственно командовал войсками. Именно у Хоу были полномочия – после того, как ситуация прояснилась – изменить план сражения или придерживаться первоначальной стратегии, неминуемо заплатив за это высокую цену. Для ветерана, служившего под командованием Амхерста и Вулфа, Хоу повел себя очень странно.

Несмотря на удушающую жару, Хоу приказал своим войскам прямо под огнем колонистов перейти в наступление со всем снаряжением, которое весило более сотни фунтов, и штыковой атакой взять их позиции. Огонь колонистов, который они вели организованными залпами – эту тактику применяла британская армия во время войны с французами и индейцами, – оказался губительным для наступающих, и солдатам Хоу потребовалось четыре атаки, чтобы захватить позиции противника. Когда им это удалось – потери составили 200 человек убитыми и 800 ранеными из 2500 принимавших участие в штурме – ни о каком милосердии не могло быть и речи. От английского штыка погиб Уоррен, а те из колонистов, кто не смог спастись бегством, были буквально уничтожены. Потери колонистов превысили 400 человек.

Значение боя у Банкер-Хилл состоит в том, что это было первое открытое столкновение между колонистами и регулярной британской армией. Кроме того, это было первое полномасштабное сражение войны, коренным образом отличавшееся от стычек в Лексингтоне и Конкорде. Примечательно оно также странным поведением Хоу, проводившим эту операцию. Не следует

забывать, что Хоу изучал тактику партизанской войны под руководством своего старшего брата Джорджа, а также Амхерста и Вулфа. На протяжении всей своей военной карьеры – как до, так и после Банкер-Хилл – он тщательно избегал дорогостоящих лобовых атак на укрепленные позиции противника. Как бы то ни было, а именно в такой атаке у форта Тикондерога в 1758 году погиб его старший брат. В сражении у Банкер-Хилл в его распоряжении имелись альтернативные варианты действий. Он мог выбить колонистов с занятых позиций артиллерийским огнем. Он мог просто отрезать их от линий снабжения и ждать, пока у них закончится вода, продовольствие и боеприпасы. Он имел возможность использовать отряды гренадеров и легкой кавалерии, проявив выдумку, которой он научился у Амхерста и Вульфа еще двадцать лет назад; именно так он использовал кавалерию в последующих сражениях этой войны. Более того, сражаясь бок о бок с отрядами колонистов во время войны с французами и индейцами, он лучше других знал, какую стойкость они способны проявить и насколько хорошо они владеют приемами залпового огня, разработанными самой британской армией.

Своими действиями при Банкер-Хилл Хоу, неоднократно высказывавший нежелание сражаться против колонистов, как будто бы посылал сигнал своим начальникам в Лондоне: «Вы хотите, чтобы я воевал? Прекрасно, я буду воевать. Но это вам дорого обойдется. Посмотрите, во что вы ввязались. Вы действительно хотите продолжать это безумие?»

Вряд ли это было проявлением цинизма со стороны Хоу. Не похоже, чтобы он ради красивого жеста бездумно пожертвовал тысячами солдат. Наоборот, Хоу, прекрасно понимавший, во что ввязывается Британия, мыслил стратегически. Возможно, именно стратегические соображения заставили его прийти к выводу, что лучше принести в жертву тысячу человек, но предотвратить гибель гораздо большего количества людей в последующих столкновениях.

Но если сражение у Банкер-Хилл и было уроком, который Хоу хотел преподать Лондону, этот урок не был усвоен. Возможно, поначалу Хоу даже думал, что добился своей цели – с него самого сняли обвинения за огромные потери при Банкер-Хилл. Во всем обвинили Гейджа, и британская армия покинула Бостон. Но затем Хоу оказался в положении, к которому меньше всего стремился – он сменил Гейджа в должности главнокомандующего и был обязан продолжить военные действия против колонистов. Больше никогда он так расточительно не обращался с войсками, как при Банкер-Хилл. Наоборот, во всех последующих кампаниях он постоянно пытался сберечь жизни как своих солдат, так и колонистов. Его действия больше не казались ни двусмысленными, ни странными.

Сеть английских шпионов

Несмотря на большие потери при Банкер-Хилл – а возможно, благодаря им – колонисты под влиянием многочисленных масонов в их рядах по-прежнему стремились избежать окончательного разрыва с Британией. 5 июля Континентальный конгресс принял так называемую «Петицию оливковой ветви» к Георгу III, призывая к мирному разрешению противоречий. Через день за петицией последовала еще одна резолюция, в которой заявлялось, что колонисты не жаждут независимости, но «не потерпят рабства». Однако 23 августа «Петиция оливковой ветви» была отвергнута, и король объявил, что британские колонии в Северной Америке подняли открытый мятеж. Таким образом, события стали развиваться согласно своей внутренней логике, независимо от того, что предполагали или желали их участники.

9 ноября был сформирован специальный комитет конгресса – «Комитет секретной

корреспонденции» – с целью установления контактов «с нашими друзьями за границей». В состав комитета входили Роберт Моррис, Джон Джей, Бенджамин Харрисон, Джон Дикинсон и Бенджамин Франклин. Комитет должен был активно использовать масонские каналы и в конечном итоге создать разветвленную шпионскую сеть. Одновременно – причем совершенно случайно – эта сеть частично пересекалась с британской шпионской сетью, которая действовала параллельно по тем же самым масонским каналам. Обе сети базировались, преимущественно, в Париже, который стал центром разветвленной паутины шпионажа, интриг и предательств.

К этому моменту Франклин был уже масоном со стажем; он вступил в ложу почти столетия назад, в 1731 году. В 1734-м, а затем повторно, в 1749 году, он избирался Великим Магистром Пенсильвании. В 1756 году Франклин стал членом Королевского общества, которое в то время тоже в значительной степени ориентировалось на масонство. С 1757 по 1762-й, а затем с 1764 по 1775 год он много времени проводил за границей, в Англии и во Франции. В 1776 году, после того, как конфликт в колониях превратился в полномасштабную войну за независимость, Франклин стал, по существу, американским послом во Франции и продолжал выполнять эти обязанности до 1785 года. В 1778 году в Париже он становится членом особенно престижной и влиятельной французской ложи «Девять сестер», в которую также входили такие выдающиеся личности, как Джон Пол Джонс (впервые ставший членом ложи в Шотландии в 1770 году) и Вольтер. Годом позже, 21 мая 1779 года, Франклина избирают магистром «Девяти сестер», а в 1780 году он переизбирается на этот пост. В 1782 году он становится членом более таинственного и загадочного масонского объединения, «Королевской ложи командоров Храма западного Каркассона».

С 1750 по 1775 год Франклин был помощником министра почты в американских колониях. На этой должности он подружился с британским министром почты сэром Фрэнсисом Дэшвудом и графом Сэндвичем. Неизвестно, был ли Дэшвуд масоном. Вполне возможно, что он являлся членом ложи, основанной в 1733 году во Флоренции его близким другом Чарльзом Сэквиллом, графом Мидлсекским. И он, и Сэквилл входили в узкий кружок масонов, объединившихся вокруг принца Уэльского Фредерика. Впоследствии он основал собственную масонскую ложу.

В 1732 году Дэшвуд был одним из основателей квазимасонского «Общества дилетантов». Во время путешествия за границу с 1739 по 1741 год он вращался в кругах якобитов и стал близким другом и верным сторонником Карла-Эдуарда Стюарта. Это позволило ему установить связи с видными якобитами в Англии, такими, как Джордж Ли, граф Личфилд, который помог его кузену Чарльзу Рэдклифу бежать из ньюгейтской тюрьмы и который вместе с другим влиятельным масоном и убежденным якобитом герцогом Уортоном основал «Клуб адского пламени». В 1746 году Дэшвуд совместно с графом Сэндвичем и двумя другими людьми основал общество, иронически названное «Орден святого Франциска», которое затем стало известно под тем же именем, что и первая организация Личфилда и Уортона. И действительно, в настоящее время имя Дэшвуда нередко ошибочно связывают с «Клубом адского пламени» – правда, его «францисканцы» были замешаны в таких же неоязыческих и оргастических делах.

В 1761 году Дэшвуд стал членом парламента от Уэймута. В 1762 году он был канцлером казначейства под руководством графа Бьюта. Год спустя он стал вице-губернатором Бакингемшира, а также начальником милиции Бакингемшира, в которой одним из его подчиненных был еще один инакомыслящий, пользовавшийся сомнительной славой, член парламента Джон Уилкис. В 1766 году

Дэшвуда назначили министром почты. Его первым коллегой на этом посту стал Уиллис Хилл, лорд Хилсборо, который вместе с герцогом Уортоном и графом Личфилдом был основателем первого «Клуба адского пламени». Впоследствии Хилла сменил граф Сэндвич.

Сэндвич познакомился с Дэшвудом примерно в 1740 году, и дружба их продолжалась всю жизнь. Неудивительно, что Сэндвич стал членом сначала «Общества дилетантов» Дэшвуда, а затем «Ордена святого Франциска». Сэндвич оставался министром почты до 1771 года, а затем был назначен военно-морским министром и занимал этот пост на протяжении почти всей войны за независимость Америки. В этой должности он проявил выдающуюся некомпетентность – даже такой взвешенный и сдержанный источник, как Британская энциклопедия отмечает, что «коррупция и некомпетентность администрации Сэндвича не имеют себе равных во всей истории британского флота».

Во время летних месяцев 1772, 1773 и 1774 года Франклин жил в доме Дэшвуда в Западном Уайкомбе. Они сотрудничали при подготовке сокращенного издания сборника общей молитвы. «Проскомидия и службы были составлены Дэшвудом и отредактированы Франклином, а катехизис и псалмы составлял Франклин и редактировал Дэшвуд. Законченная работа была отпечатана на средства Дэшвуда...»

Франклин – этот «табачного цвета маленький человечек», как называл его Д. Х. Лоуренс, лицемерный автор «Альманаха бедного Ричарда», поборник терпимости, скромности, трудолюбия, умеренности и чистоты, призывавший своих читателей не «поддаваться похоти» – стал членом «Общества францисканцев» Дэшвуда. Франклин, бывший дома образцом моральной чистоты, в Англии, вероятно, «снял парик», и пещеры в окрестностях поместья Дэшвуда в Западный Уайкомб превратились в будуар для шалостей сладострастных министров почты.

Судя по письму Сэндвича к Дэшвуду, отправленного в сентябре 1769 года, у них практически не было других занятий.

«Мне почти стыдно писать вам по поводу служебных дел после практического бездействия в течение всего лета. Однако так мало дел требуют нашего присутствия, и нам настолько повезло пребывать в согласии почти во всем, что требует нашего мнения, что нам почти не приходится причинять себе беспокойство личным присутствием на службе».

Однако дело было не только в этом. Должность министра почты открывала доступ практически ко всем письмам и другим средствам связи, и поэтому предполагала участие в шпионаже. Во время войны за независимость Америки опыт, приобретенный на этой должности, сослужил Франклину и Дэшвуду хорошую службу.

Франклин, игравший двойную роль шпиона и посла колонистов во Франции, сделал центром своей деятельности Париж. Его сопровождали еще два человека, назначенных комитетом конгресса, Сайлас Дин и Артур Ли. Брат Ли обосновался в Лондоне. Там же проживала сестра Франклина, которая, как полагают, тоже была замешана в шпионаже. Она была близким другом брата Хоу, адмирала лорда Ричарда Хоу, командовавшего морскими операциями на американском театре военных действий. В 1774 году она свела вместе адмирала и Франклина – якобы на партию в шахматы – и они с тех пор часто обсуждали проблемы колонистов. В 1781 году было опубликовано письмо за подписью «Цицерон», в котором братья Хоу обвинялись в принадлежности к фракции, тайно пытавшейся помочь колонистам в борьбе за независимость. «Все поведение Вашингтона, – заявлял «Цицерон», – демонстрирует уверенность, основой которой могла быть только

информированность». Он открыто обвинял адмирала Хоу в «тайном сговоре с доктором Франклином». Адмирал ответил через газету, заявив, что «Цицерон» точно излагает факты, но делает из них неверные выводы. В то же время он признался, что скрывал информацию о своих встречах с Франклином от высшего командования флотом, и этот факт заставляет предположить, что ему действительно было что скрывать.

Одним из самых ценных агентов колонистов в Англии был бывший друг Дэшвуда, товарищ по клубу и коллега по парламенту Джон Уилкис. Уилкис вступил в масонское братство в 1769 году, а в 1774 стал лордом-мэром Лондона. Пребывая на этом посту, он публично выступал в защиту колонистов. Вместе с тем, начиная с конца 60-х годов он являлся тайным представителем в Британии бостонской организации «Сыны свободы», которая сыграла ключевую роль в «Бостонском чаепитии». Всю войну Уилкис тайно собирал деньги для армии колонистов и передавал их в Париж Франклину. Из Парижа денежные средства отправлялись в Америку или использовались на месте для закупки оружия и амуниции. Датированное 1777 годом письмо отражает довольно странный факт: шпионская организация Уилкиса была раскрыта, но никаких действий против нее больше не предпринималось.

Центром британской шпионской сети тоже был Париж, и официально руководил ею Уильям Иден, лорд Окленд, еще один видный человек, подробности взаимоотношений с масонством которого историкам не известны. В 1770 году он стал Великим Стюардом Великой Ложи, но не сохранилось сведений о том, когда, где и кем он был принят в братство.

Шпионская сеть Окленда функционировала в основном через капитанов торговых судов, курсировавших между Францией и Америкой, включая тех, которые перевозили корреспонденцию между Франклином и конгрессом. 10 декабря 1777 года один из таких капитанов, некий Хинсон из Мэриленда, сообщал о Франклине следующее: «Если Англия проявит стремление к миру, то он будет первым, кто откажется от независимости». По свидетельству самого Франклина, Сайлас Дин придерживался такого же мнения. Однако Хинсон сообщал, что у Франклина имелись разногласия с Артуром Ли, который «жил в неподобающей роскоши и был очень самолюбив». Ли боялся лишиться своего статуса и хотел, чтобы война продолжалась.

Помимо агентов на море, у Окленда были свои люди в Париже. Самым ценным из них считался доктор Эдвард Банкрофт, выдающийся натуралист и химик. До войны Банкрофт был близким другом Франклина, а в 1773 году он содействовал принятию американца в Королевское общество. Кроме того, он дружил с Сайласом Дином. Не зная, что Банкрофт является английским агентом, направленный в Париж Дин тут же связался с ним. Банкрофт или его хозяева разыграли целый спектакль, согласно которому он вынужден был «бежать» из Англии, чтобы в Париже присоединиться к Дину. Здесь он стал доверенным лицом не только самого Дина, но и Франклина. В 1777 году он даже занял должность личного секретаря Франклина, а в 1779 году стал членом престижной ложи «Девять сестер», магистром которой в том году избрали Франклина.

Через Банкрофта английское правительство получало сведения не только о действиях колонистов, но и о планах Франции вступить в войну. Таким образом, Британия – по крайней мере, теоретически – имела возможность предвидеть и помешать таким событиям, как вклад французов в победу колонистов при Йорктауне. Однако военно-морские силы Великобритании, руководимые военно-морским министром лордом Сэндвичем, командующим североамериканским флотом адмиралом

Ричард Хоу, проявили такую же медлительность, как и сухопутная армия.

Оглядываясь назад, следует признать, что Банкрофт передавал весьма ценные разведывательные данные. В 1785 году парламент в знак признания его заслуг пожаловал ему монопольное право на импорт в страну одного из растительных красителей, используемых при производстве ситца в процессе, изобретателем которого был сам Банкрофт. Тем не менее, король, лично знакомившийся с его докладами, не доверял ему, подозревая, что он является двойным агентом колонистов. Особенно сомнительной выглядела тайная миссия Банкрофта в Ирландии в 1779 году. В марте 1780 года английский посол во Франции лорд Стормонт писал королю, что в декабре прошлого года в Париж прибыла тайная делегация ирландцев, состоящая из католиков и сторонников независимости, и эта делегация имела встречу с Людовиком XVI. По словам Стормонта:

«...их целью является создание в Ирландии независимого государства, в котором будет некий парламент, но не будет короля, и в котором государственной религией станет протестантская... но католики будут обладать всеми правами. Делегаты тесно связаны с Франклином, и эта связь, как считает мой информатор, поддерживается через сестру Франклина Миссис Джонстон, которая сейчас находится в Лондоне и снимает небольшую квартиру в Фаунтен-Корт в Стрэнде».

Эти семена взошли через двадцать лет, когда под покровительством лорда Эдварда Фицджеральда и Вулфа Тоуна была создана новая, похожая на масонскую, организация, общество «Объединенные ирландцы». Наиболее активно она проявила себя во время ирландских восстаний 1798 и 1803 года.

Тем временем английская шпионская сеть под руководством лорда Окленда продолжала внедряться в такую же сеть колонистов. В этом процессе ключевой фигурой был сэр Фрэнсис Дэшвуд, занимавший должность министра почты. Он постоянно вскрывал корреспонденцию колонистов и передавал ее содержание Окленду. Но самым необычным можно считать тот факт, что все это время Дэшвуд и Франклин, похоже, поддерживали личный контакт при помощи каких-то тайных каналов связи. Так, например, один из агентов Дэшвуда, некий Джон Норрис, в письме от 3 июня 1778 года сообщает: «Сегодня передал гелиографическое донесение от доктора Франклина в Уайкомб». Из этого некоторые комментаторы делают вывод, что Франклин был британским агентом! Если это правда, то контакты между Франклином и Дэшвудом обязательно нашли бы отражение в бумагах лорда Окленда, других представителей английских властей и даже самого короля. Отсутствие подобных свидетельств говорит, по крайней мере, о том, что эти контакты не были санкционированы британской разведкой или даже не были известны ей. Скорее всего, что Дэшвуд и Франклин – старые друзья и коллеги – играли в свою собственную безобидную игру, обмениваясь слухами, сплетнями и (или) просто дезинформацией. Несмотря на то, что Дэшвуд был противником войны, нет никаких оснований подозревать его в предательстве. С другой стороны, он достаточно добросовестно – хотя бы на минимально необходимом уровне – исполнял свои обязанности. В этом отношении его поведение ничем не отличается от поведения высшего командования британской армии и британского флота.

Декларация независимости

В Северной Америке события стремительно набирали обороты. К тому моменту, когда был сформирован Комитет секретной корреспонденции конгресса, колонисты уже предприняли амбициозное и ошибочное наступление. Крупные силы под командованием генерала Монтгомери попытались осуществить вторжение в Канаду.

13 ноября 1775 года им удалось захватить Монреаль. Монтгомери, служивший под началом Амхерста и Вулфа, тем не менее попытался взять Квебек штурмом. Атака колонистов была отбита, и они понесли тяжелые потери. Был убит и сам Монтгомери. Однако главнокомандующий британскими войсками в Канаде сэр Гай Карлтон был близким другом Хоу и разделял его негативное отношение к этой войне. Карлтон не только не стал преследовать разбитую армию колонистов, но даже отпустил пленных.

В начале 1776 года в конгрессе ведущую роль по-прежнему играли более умеренные масонские фракции. Их позиция была еще раз озвучена в декабре прошлого года, когда Конгресс повторно отказался повиноваться английскому парламенту, но заявил о своей верности короне. Но теперь настроения стали меняться, и на первую роль выдвинулись более радикальные элементы. Большую роль в поляризации мнений сыграл памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл»; после его появления многие прежде лояльные колонисты стали выступать за независимость от метрополии. 7 июня брат Артура Ли Ричард Генри Ли выдвинул официальное предложение, чтобы колонии стали «свободными и независимыми штатами». К этому времени посольство Франклина стало также приносить плоды. Французский король Людовик XVI передал в долг колониям амуниции на сумму в миллион ливров, и примерно такой же вклад внесла Испания, другой главный соперник Британии в Европе. Этой амуниции армии повстанцев хватило почти на два года.

11 июня конгресс сформировал комитет по составлению декларации о независимости. Из пяти членов этого комитета двое – Франклин и тесть Ричарда Монтгомери Роберт Ливингстон – точно были масонами, а один, Роджер Шерман, по неподтвержденным данным тоже принадлежал к братству вольных каменщиков. Двое других – Томас Джефферсон и Джон Адаме – не являлись масонами, несмотря на многочисленные заявления историков об обратном. Текст декларации написал Джефферсон. Она была представлена конгрессу и принята 4 июля 1776 года. Из подписавших ее конгрессменов девять были масонами, а еще десять могли ими быть. В их число входили такие влиятельные фигуры, как Вашингтон, Франклин и, разумеется, сам президент конгресса Джон Хэнкок. Более того, армия практически полностью оставалась в руках масонов. Первоначально и в конгрессе, и в армии масоны выступали как противники полной независимости. Но после того, как жребий был брошен, они начали воплощать собственные идеалы, нашедшие отражение в институтах нарождавшейся республики. Наиболее заметно влияние масонства проявилось в конституции Соединенных Штатов.

Обнародованная Декларация о независимости поначалу казалась экзотическим жестом и совершенно безнадежным предприятием. И действительно, положение колонистов в этот момент было незавидным, а вскоре ухудшилось еще больше. В марте Хоу занял Бостон, а 22 августа Нью-Йорк. В бруклинском сражении (иногда его называют битвой на Лонг-Айленде) его потери составили 65 человек убитыми и 255 ранеными, в то время как потери противника доходили до 2000 человек. Однако он не стал преследовать разбитую армию колонистов и позволил ее остаткам спастись бегством. В последовавшей за этим военной кампании Хоу проявил точно такую же апатию. Так, например, на Гарлемских высотах – там, где теперь расположен Колумбийский университет – он тянул время на протяжении четырех недель, прежде чем приказал атаковать позиции колонистов. После взятия форта Вашингтон гессенские подразделения начали штыками убивать колонистов, и Хоу в гневе обрушился на немецких наемников.

Но даже джентльменское поведение Хоу не смогло спасти армию колонистов от поражения. Вынужденный оставить Бруклин, Вашингтон отступил на Манхэттен, но затем ушел и оттуда, и 15 сентября Хоу занял Нью-Йорк. Последующие столкновения заставили Вашингтона отступить через Нью-Джерси и Делавэр в Пенсильванию. К этому моменту численность армии колонистов упала с 13 тысяч человек до 3 тысяч. Только у форта Ли они лишились 140 пушек. И вновь Хоу проявил странную нерешительность, продолжая медлить и терять время, что позволило разбитому противнику спастись бегством. Показательно, что весь следующий год – год наиболее серьезных поражений Вашингтона – наступал именно он, а не Хоу. Не Хоу лекал встречи с ним, а он с Хоу. Когда столкновение становилось неизбежным, Хоу реагировал довольно странно – почти как человек, во сне отмахивающийся от мухи и снова погружающийся в сон.

26 декабря 1776 года Вашингтон совершил свой знаменитый рейд, форсировав Делавэр и неожиданно напав на отряд гессенских наемников в Трентоне. Избежав столкновения с главными британскими силами, которыми командовал Корнуоллис, 3 января 1777 года он одержал свою вторую победу, разбив в Принстоне уступавший ему по численности контингент противника. Однако Хоу никак не отреагировал, и его армия, более многочисленная и лучше вооруженная, просто оставила Нью-Джерси и передислоцировалась в Пенсильванию. 11 сентября он отбил атаку Вашингтона под Брэндиуайном. И опять Хоу не стал преследовать противника, а вместо этого занял Филадельфию – откуда поспешно бежал конгресс – и расположился там на зимние квартиры. Три недели спустя, 4 октября, Вашингтон предпринял новую атаку, на этот раз в Джермантауне. Хоу вновь отбил атаку колонистов, на этот раз нанеся им тяжелый урон. Континентальная армия колонистов страдала от болезней, дезертирства, низкого морального духа и плохого снабжения, и Вашингтон стал на зимние квартиры в Вэлли-Фордж. С благородством истинного джентльмена Хоу оставил его в покое, позволив зализать раны и восстановить разбитую армию.

В этом процессе восстановления Континентальной армии большую роль сыграли масоны. Соблазненные идеями, пропагандировать которые помогали масоны, многие профессиональные военные пересекали Атлантику и присоединялись к колонистам. Среди них был, к примеру прусский ветеран барон Фридрих фон Стубен, которого привлекли на свою сторону Франклин и Дин, и который стал у Вашингтона инструктором по строевой подготовке. Принеся с собой дисциплину и профессионализм армии Фридриха Великого, Стубен практически единолично превратил отряды неопытных добровольцев в боеспособные вооруженные силы. Среди добровольцев из Европы был также француз Иоганн де Кальб, еще один ветеран войн в Европе, ставший одним из самых компетентных и надежных подчиненных Вашингтона. Среди них был беззаветно преданный делу свободы поляк Казимир Пуласки, которому было суждено умереть от ран, полученных при осаде Саванны, а также другой уроженец Польши, Тадеуш Костюшко, построивший сложные фортификационные сооружения Уэст-Пойнта и ставший ведущим военным строителем и инженером армии колонистов. И наконец, среди них был маркиз де Лафайет, чей титул и харизма компенсировали отсутствие военного опыта и оказали огромное воздействие на моральный дух солдат, а дипломатическая активность принесла реальные результаты. Именно он внес наибольший вклад в то, что в войну вступила Франция – событие, сделавшее возможным окончательную победу колонистов при Йорктауне. Принадлежность всех перечисленных выше людей – за исключением Костюшко, сведений о котором не сохранилось – к масонскому братству либо документально

подтверждена, либо вполне вероятно. Лафайет и Стубен сами считали, что вносят вклад в создание идеальной масонской республики.

Разгром под Саратогой

После поражений при Брэндиуайне и Джерментауне, а также деморализующей зимовки в Вэлли-Фордж 1777 год стал самым неудачным для Вашингтона. Однако на северном фронте произошло событие, которое с наших сегодняшних позиций выглядит единственным решающим сражением войны. Но ни Вашингтон, ни Хоу не принимали в нем непосредственного участия. Самим этим фактом Хоу еще раз продемонстрировал странную нерешительность и апатию, которые характеризовали его поведение в этом военном конфликте. Дошедшие до нас свидетельства указывают на то, что он мог – по крайней мере в данном конкретном случае – вести себя иначе.

Мы уже упоминали, что эта война была крайне непопулярной у британского военного командования в Северной Америке – братьев Хоу, Корнуоллиса и Клинтонна – а также у членов обеих партий в самой метрополии. Так, например, Эдмунд Берк открыто высказывался против притеснения колонистов. Такой же точки зрения придерживался Чарльз Фокс. Уильям Питт, граф Чатем, который руководил захватом Америки у французов двадцать лет назад, произнес несколько пламенных речей в парламенте, призывая к примирению – и умер во время завершения одной из них. Сын Питта, служивший адъютантом сэра Гая Карлтона в Канаде, получил указание отца выйти в отставку, но только не сражаться против колонистов. В отставку вышел также граф Эффингем Адмирал Август Кеппел, сменивший Сэндвича на посту военно-морского министра, во всеуслышанье объявил, что не будет участвовать в военных действиях против людей, которых он считает соотечественниками. Насколько нам известно, один из величайших флотоводцев той эпохи Джордж Родни не делал подобных публичных заявлений, но и он придерживался той же точки зрения и упорно уклонялся от любых операций в водах Америки до окончания войны за независимость, и только потом его флот вошел в Карибское море и нанес сокрушительное поражение французам. Как мы уже видели, главнокомандующий частями британской армии Амхерст, имевший большой опыт боевых действий в Северной Америке, тоже отказывался принимать участие в войне. В Канаде сэр Гай Карлтон проявлял такую же нерешительность, как его друг сэр Уильям Хоу. Среди правящих кругов Великобритании, как военных так и гражданских, сопротивление войне было практически единодушным – как и антипатия к ее главному стороннику в Англии лорду Джорджу Жермену. Нашелся лишь один влиятельный человек, который заискивал перед Жерменом и оправдывал безжалостное притеснение колонистов – сэр Джон Бергойн («джентльмен Джони»), известный денди, писавший не пользовавшиеся особой популярностью пьесы, Бергойн до начала военных действий в 1775 году никогда не был в Северной Америке. Из всех британских командиров для него одного Америка оставалась чужой. Во время Семилетней войны он не покидал Англии и принимал участие лишь в серии нерешительных рейдов на французское побережье. Затем он сформировал собственный отряд легкой кавалерии и отправился с ним в Португалию, где они сражались в качестве добровольцев во время конфликта с Испанией. После разгрома испанской армии при Вилла Велья Бергойн вернулся в Англию с репутацией находчивого и решительного человека. Он никогда не был масоном.

К моменту сражения при Банкер-Хилл он служил под началом Хоу в Бостоне. Затем, в феврале 1776 года, получил назначение на пост заместителя командующего к сэру Гаю Карлтону в Квебек и был

свидетелем событий, которые происходили во время неудачного вторжения Монтгомери в Канаду. Бергойн категорически не одобрял очевидной «нерешительности», с которой Карлтон – так же, как и Хоу – вел военные действия. Как мы видели, Карлтон отпустил военнопленных, захваченных во время штурма Квебека. В другом случае он отпустил 110 пленных колонистов, в том числе одного генерала, снабдив их продовольствием и обувью и разрешив вернуться домой. Еще один раз – как минимум – он сознательно издавал такие распоряжения, которые давали возможность колонистам бежать. Бергойн считал такое поведение непростительным. Он с презрением относился ко всему «чужому» и к «чужакам», и единственный из британских командиров распространял это определение на колонистов. Он считал, что они представляют собой нечто среднее между вредителями и испорченными детьми, которые крайне нуждаются в том, что в наше время называется «шоковой терапией». Относясь с высокомерным пренебрежением к их жалобам, он без всякого сожаления обращался с ними с той жестокостью, какую только позволяли обстоятельства. По его убеждению, они не заслуживали джентльменского отношения, которое проявляли Карлтон и Хоу.

В ноябре 1776 года Бергойн вернулся в Англию, где он еще больше сблизился со своим другом и покровителем лордом Джорджем Жерменом. Благодаря Жермену он также стал доверенным лицом короля. Это позволило ему действовать за спиной своих непосредственных начальников в Северной Америке и разрабатывать собственный амбициозный план покончить с войной одним решительным ударом. Бергойн должен был лично воплотить этот план в жизнь и насладиться лаврами победителя. План требовал тщательной организации, подготовки и точного выбора времени. Он предусматривал, что мощная колонна британских войск под командованием Бергойна нанесет удар в южном направлении с территории Канады и двинется к Олбани через старые форты Тикондерога и Кроун-Пойнт по холмистой, покрытой лесами местности, где двадцать лет назад прокладывали себе дорогу Амхерст и Вулф, и о которой Бергойн не имел ни малейшего представления. Тем временем Хоу лишат самостоятельности в управлении войсками. Он поведет находящиеся под его командованием части сначала к Манхэттену, где организует базу, а затем на север, чтобы соединиться с Бергойном у Олбани. Таким образом:

«...две армии, одна с севера, с территории Канады, а одна с юга, соединятся вместе, разделив колонии на две отдельные зоны, после чего контроль над каждой зоной будет устанавливаться отдельно».

По существу от южных колоний будет отрезана вся Новая Англия. По словам одного из историков, Бергойн был уверен, что «завоюет себе славу, положение, честь и видное место в истории».

Вне всякого сомнения, план Бергойна был в высшей степени амбициозным. Неизвестно, мог ли он быть осуществлен более компетентным человеком, но даже в этом случае ценность его была бы сомнительна, поскольку к 1777 году основной театр военных действий сместился к югу, и Новая Англия потеряла свое стратегическое значение. Тем не менее, Жермен и король приняли этот план. В марте 1777 года Гаю Карлтону был вручен приказ, что на должность главнокомандующего канадской армией вместо него назначен Бергойн. Карлтон тут же вышел в отставку, но оставался в Квебеке достаточно долго, чтобы снарядить Бергойна и отправить его в поход. Помня о прошлых разногласиях, Бергойн был удивлен готовностью к сотрудничеству, которую проявил Карлтон. Сэр Гай, писал Бергойн, «не мог проявить... большего рвения, чтобы удовлетворить мои желания и

потребности в части снаряжения экспедиции». На самом деле Карлтон просто торопился сбыть Бергойна с рук и самому полностью устранить отдел. Кроме того, Карлтон прекрасно сознавал, что чем раньше Бергойн отправится в поход, тем скорее он придет к своей гибели. Хорошо понимая, что должно произойти, Карлтон ускорял не успех предприятия Бергойна, а его неизбежный крах.

Успех плана Бергойна целиком зависел от усилий Хоу, который в это время был занят операциями в районе Манхэттена. Для достижения успеха Хоу должен был выполнить свою часть задачи, двинув свою армию на север и соединившись с Бергойном в Олбани. Бергойн предполагал, что лорд Жермен, его английский друг и покровитель, издаст соответствующий приказ, который заставит Хоу подчиниться несмотря ни на какие возражения. Это входило в обязанности Жермена, и поэтому именно на нем лежит вина за то, что произошло.

Вне всякого сомнения, Жермен виновен в небрежности. Не желая, чтобы карета ожидала его на улице, он поспешно подписал приказы, касающиеся Бергойна, но просто не заметил те, которые предназначались Хоу, потому что они не были должным образом скопированы. Вот как писал об этом граф Шелбурн, выдвигая одно из стандартных обвинений в адрес Жермена.

«Среди многих особенностей его характера была и такая: он не любил, чтобы нарушались его планы. Он предполагал уехать в Кент или Нортгемптоншир в определенное время и по дороге подписать в канцелярии уже составленные приказы, предназначавшиеся обоим генералам. По какой-то ошибке приказы для генерала Хоу не были должным образом скопированы, и при виде его растущего нетерпения помощник, известный своей ленью, пообещал прислать их в деревню. Тем временем другие приказы будут отправлены генералу Бергойну, причем предполагалось, что все распоряжения отплывут на одном корабле, но в результате еще одной ошибки приказы для Бергойна отправились одни, а ветер задержал прибытие судна с приказами для Хоу. Результатом стало поражение Бергойна, французская декларация и потеря тринадцати колоний. Это может показаться невероятным, но данный факт подтвердил мне его собственный секретарь и другие ответственные лица в его канцелярии».

Лорд Шелбурн в своем рассказе не совсем точен. Случившееся можно объяснить и по-другому, или, по крайней мере, добавить новые аспекты в версию Шелбурна. Дело в том, что хотя Жермен и не подписал лично необходимые распоряжения, они все равно были подписаны и отправлены Хоу. Под ними стоит подпись человека по имени Д'Ойли, помощника секретаря военного министерства. Известно, что Хоу получил их 24 мая 1777 года. Совершенно неважно, что под распоряжениями не было личной подписи Жермена. Теоретически Хоу все равно был обязан выполнить их.

Более того, Хоу уже заранее знал, что от него потребуют.

«Даже учитывая то обстоятельство, что лорд Джордж не вызывал ни любви, ни уважения, его непростительная небрежность, когда он не удостоверился, что его приказ дошел до сэра Уильяма, это лишь одна сторона злосчастной ошибки. Другая же заключается в том, что генерал Хоу не мог не знать, что американцы окружают двигавшегося на юг Бергойна».

И действительно, Хоу был настолько уверен в том, как будут развиваться события, что даже снабдил Бергойна разведывательными данными на этот счет. Он

«... сообщил Бергойну, что северная армия американцев усилена свежим пополнением из 2500 человек. Хоу также знал... что генерал мятежников Израэль Патнам с отрядом более 4000 солдат находится в Пикскиле, между Клинтонем в Нью-Йорке и Бергойном в Форт-Эдварде».

Если вкратце проследить последовавшие за этим события, то становится ясно, каким образом Хоу и Карлтон вместе способствовали неудаче Бергойна – неожиданная небрежность Жермена позволила им переложить всю вину на него. В начале 1777 года Хоу решил отдать Нью-Джерси Вашингтону и наступать на столицу американских колоний Филадельфию. Он уведомил Жермена о своих намерениях и 3 марта Жермен одобрил их.

Тем не менее 26 марта произошло описанное выше недоразумение. Жермен издал официальное распоряжение, предписывающее Бергойну двигаться маршем на юг, а Хоу должен был соединиться с ним у Олбани. Эти приказы за подписью Жермена были отправлены Бергойну. По данным военного министерства, они были также отосланы – за подписью Д'Ойли – Хоу, который получил их 24 мая. Однако за семь недель до этого, 2 апреля, Хоу уже писал Карлтону в Канаду, что не сможет оказать должной поддержки Бергойну, поскольку, «вероятно, будет в Пенсильвании». Другими словами, Хоу за семь недель до получения приказа уже знал, что от него потребуют, и уже решил не делать этого. Карлтон получил письмо Хоу до того, как 13 июня Бергойн покинул Квебек и двинулся со своей армией на юг. Тем не менее Карлтон не только не потрудился предупредить Бергойна, но даже ускорил его отправку – с «рвением», удивившим благодарного Бергойна. Совершенно очевидно, что Хоу и Карлтон, воспользовавшись медлительностью связи и общей расплывчатостью приказов, стремились снять с себя всю ответственность, одновременно позволяя Бергойну двигаться к неминуемому поражению. Л Жермен, продолжая издавать туманные указания, невольно помогал им найти оправдание своим действиям.

18 мая Жермен написал Хоу. Как это ни странно, он одобрил наступление Хоу на Филадельфию – «веря, тем не менее, что задуманное вами будет осуществлено в сроки, позволяющие оказать поддержку армии, которой приказано наступать из Канады...». Удивительно, как мог Жермен быть таким наивным и полагать, что Хоу способен наступать на юг в Пенсильванию, а затем двинуться на север и вовремя соединиться с Бергойном. Сам Хоу не проявил подобной наивности. Он даже не сделал вид, что торопится. Наоборот – его действия были откровенно неспешными. 16 августа письмо от Жермена застало его на борту судна в Чесапикском заливе на пути в Филадельфию. В этот же день отряд гессенских наемников, двигавшийся в авангарде колонны Бергойна, вступил в бой с колонистами в районе Беннингтона и был уничтожен.

«После того, как Хоу решил не помогать Бергойну... трудно представить, как он мог думать, что Бергойну удастся достигнуть Олбани... не остается почти никаких сомнений, что сэр Уильям Хоу – независимо от приказов Жермена – предполагал, что Бергойн находится на пути к серьезным неприятностям, но не предпринял ничего, что могло бы спасти Бергойна от жестокого, даже сокрушительного поражения».

30 июля Бергойн, двигавшийся через покрытую непроходимыми лесами северную часть штата Нью-Йорк, отправил Жермену обеспокоенное письмо, в котором жаловался, что ничего не знает о намерениях Хоу. Похоже, он впервые задумался об опасности. 20 августа, через четыре дня после поражения под Беннингтоном, он отправил второе письмо. К этому времени армия Хоу уже двигалась в Пенсильванию. 30 августа Хоу откровенно писал Жермену, что «у него нет ни малейшего намерения помогать Бергойну». 11 сентября он нанес поражение Вашингтону под Брэндиуайном. 27 сентября Хоу занял Филадельфию, а неделю спустя, 4 октября, вновь разбил Вашингтона, на этот раз в Джерментауне. Тем временем Бергойн все глубже погружался в яму,

вырытую собственными руками. 7 октября, через три дня после сражения у Джерментауна, его колонна столкнулась с главными силами колонистов под командованием генерала Горацио Гейтса. Получив отпор и понеся тяжелые потери, Бергойн отступил в свой лагерь в Саратоге, но Гейтс контратакой выбил его оттуда. В конечном итоге 17 октября Бергойн – полностью окруженный с отрезанными путями к отступлению и без всякой надежды на помощь извне – капитулировал, а вместе с ним капитулировала и его шеститысячная армия. Через пять дней Хоу, устроившийся на зимние квартиры в Филадельфии, писал Жермену, отвечая на его письмо от 2 апреля (позволяя себе вольно толковать его смысл): «Я совершенно определенно указывал, что южная армия не в состоянии оказать никакой непосредственной поддержки».

Из всей этой цепочки событий становится ясно, что Хоу еще в марте решил не идти на помощь Бергойну. Он даже сообщил об этом в письме Карлтону. Тем не менее ни тот, ни другой, прекрасно сознавая последствия этого решения, не сделали никаких попыток предотвратить их. Хоу, который был явным противником экспедиции Бергойна, никогда не выражал протеста своим начальникам в Лондоне и не пользовался своим положением главнокомандующего, чтобы доказать несостоятельность плана Бергойна. А Карлтон, ускоряя выступление колонны Бергойна, способствовал ее неминуемой гибели. Однако и Хоу, и Карлтон имели возможность найти себе оправдание, используя медлительность коммуникаций и всем известную некомпетентность Жермена, а также преднамеренно давая неопределенные ответы на невольную неопределенность приказов начальства.

Однако существовал еще один участник драмы, на которого историки не обратили никакого внимания. Не следует забывать, что главнокомандующим всей армии в то время был Амхерст. Он прекрасно знал местность, по которой предполагал двигаться Бергойн, и мог без труда оценить как опасность планируемой затеи, так и некомпетентность Бергойна. Он был не только командиром Хоу на полях сражений, но и его старым другом, и любая жалоба от Хоу находила у него понимание и сочувствие. Теоретически все приказы должны были проходить через руки Амхерста. Строго говоря, они должны были исходить именно от него, а не от Жермена. По крайней мере, он был обязан быть в курсе событий. Тем не менее на протяжении всех этих событий, закончившихся катастрофой под Саратогой, Амхерста как бы не существовало вообще. Не сохранилось никаких свидетельств о его комментариях, предложениях или советах. Он также не издал ни одного приказа. Подобное «отсутствие» говорит о многом. Если Хоу и Карлтон действительно желали Бергойну поражения, то Амхерст должен был участвовать в этом или, по крайней мере, дать свое молчаливое согласие. В любом случае – и независимо от роли Амхерста – выводы однозначны. Нет никакого сомнения, что Хоу и Карлтон хотели, чтобы планы Бергойна провалились. Почему – вот главный вопрос. Была ли это просто личная неприязнь к Бергойну и мстительное желание дискредитировать его? Маловероятно. Совершенно очевидно, что и Хоу, и Карлтон сильно – и не без оснований – недолюбливали Бергойна. Но совершенно непостижимо, чтобы они решили пожертвовать целой армией из-за личной неприязни – и особенно с учетом того, что это жертва затруднит им выполнение собственных задач. Как бы Хоу и Карлтон ни относились к Бергойну, они никогда не бросили бы его на произвол судьбы, если бы для этого не существовало более серьезных причин, связанных с общей политической оценкой этой войны. С учетом отношения Хоу и Карлтона к войне их действия выглядят вполне логичными. Историки склонны рассматривать отказ Хоу оказать поддержку

Бергойну как чудовищную ошибку, возникшую в результате путаницы в приказах, или как невероятную и загадочную небрежность. В действительности – и это ключевой момент – это укладывалось в схему поведения Хоу (а также Карлтона и Корнуоллиса) на протяжении всего военного конфликта.

Сокрушительное поражение Бергойна дало Хоу ту возможность, которую он давно искал – предлог выйти в отставку, не запятнав себя позором. Он так и сделал – через месяц после сражения под Саратогой. Еще через месяц его примеру последовал брат, адмирал Ричард Хоу.

Как уже отмечалось выше, с чисто военной точки зрения сражение под Саратогой никак нельзя назвать решающим. Оно не привело к ослаблению военной мощи Британии и не уменьшило численность войск, задействованных на главных театрах военных действий. Оно не повлияло на способность других британских командиров проводить операции против колонистов. Наоборот, армия Хоу полностью сохранилась, и ее общее стратегическое положение ничуть не ухудшилось. Если бы Хоу хотел, то он продолжал бы наносить поражения Вашингтону.

Сражение под Саратогой обозначило поворотный пункт в войне за независимость Америки. Во-первых, оно подняло боевой дух колонистов, причем именно в тот момент, когда это было крайне необходимо. Во-вторых, победа под Саратогой подтолкнула Францию не только признать мятежные колонии независимой республикой, но и вступить в войну на ее стороне. Это привело к серьезному изменению стратегической расстановки сил. В Северной Америке появились регулярные французские войска, а военно-морской флот Великобритании столкнулся в североамериканских водах с равным по силе французским флотом. Возникла опасность – правда, временная – морской блокады Британии. Военные действия в Европе заставляли держать в Англии значительные силы, которые в противном случае могли быть, по крайней мере, теоретически, направлены в колонии. Британия была вынуждена укреплять свои подразделения в таких удаленных районах, как Гибралтар, Мальорка и Индия. Короче говоря, результатом явилось распыление ресурсов Британской империи – военных, морских и экономических – что делало войну в колониях контрпродуктивной.

Разумеется, все эти последствия проявились не сразу. Тем временем конфликт продолжался в течение еще двух лет. В 1778 году Франклин, Сайлас Ди и Артур Ли сумели добиться от Франции формального военного союза. Однако в Северной Америке положение колонистов оставалось отчаянным. В мае месяце Хоу сменил сэр Генри Клинтон, а лорд Корнуоллис формально находился у него в подчинении, но фактически обладал независимостью в принятии решений. Армия Вашингтона практически развалилась. Она пережила еще две зимы, не менее трудные, чем в Вэлли-Фордж, и после каждой зимы в ней возникали бунты, ослаблявшие ее боеспособность. Но ни Клинтон, ни Корнуоллис не сделали попытки воспользоваться ситуацией. Тем временем центр военных действий переместился на юг.

В декабре 1778 года английские войска захватили Саванну и в октябре следующего года сумели удержать ее, отбив яростную атаку колонистов. На протяжении почти всего 1779 года активных боевых действий не велось, но в мае 1780-го Клинтон захватил Чарлстон в Южной Каролине, нанеся колонистам самое чувствительное поражение за всю войну. Одновременно Бенедикт Арнольд вступил в тайные переговоры с Клинтоном, намереваясь вернуть Уэст-Пойнт и Хадсон-Вэлли англичанам. 16 августа 1780 года войска Корнуоллиса столкнулись с армией Горацио Гейтса – победителя битвы под Саратогой – у Камдена. Колонисты вновь потерпели поражение. В бою погиб

заместитель Гейтса барон де Кальб. Сам Гейтс бежал с поля боя и всю оставшуюся жизнь так и смог смыть с себя этого позора. Военные действия все больше принимали отрывочный характер. За исключением еще одной победы англичан в битве у здания Гилфордского суда 15 марта 1781 года, война превратилась в серию партизанских набегов. Наконец, 7 августа 1781 года Корнуоллис, который совершал рейды по Вирджинии, устроил свой опорный пункт в Йорктауне и позволил себе задержаться там. 30 августа французский флот временно установил контроль над морскими коммуникациями и высадил на побережье войска под командованием Лафайета и барона фон Стубена. Примерно через три недели подошла армия Вашингтона, и Корнуоллис с 6-тысячной армией оказался в окружении 7000 колонистов и 9-тысячное французам. Он держался до 8 октября, а затем капитулировал – даже несмотря на то, что 7-тысячное подкрепление под командованием Клинтона находилось всего в неделе пути от него. Совершенно очевидно, что к этому времени высшее военное командование Великобритании утратило всякий интерес к этой войне.

Как и сражение под Саратогой, победа у Йорктауна не была решающей с военной точки зрения. Армия Клинтона сохранилась, а в апреле 1782 года адмирал Родни загнал в угол французский флот в Вест-Индии и наголову разбил его. Если бы Британия хотела продолжать войну, то могла бы помешать Франции оказывать дальнейшую помощь мятежным колониям. Но 27 февраля парламент принял резолюцию, запрещающую дальнейшие действия против колонистов, и начались мирные переговоры. Они продолжались почти год, и в это время все боевые действия – за исключением морских операций против остатков французского флота – были прекращены. Наконец 4 февраля 1783 года новое британское правительство официально объявило о завершении войны. 3 сентября был подписан Парижский договор, согласно которому мятежные колонии признавались независимой республикой, Соединенными Штатами. К ноябрю последние британские части были выведены с территории нового государства, и Континентальная армия колонистов была расформирована. 23 декабря Вашингтон оставил свой пост главнокомандующего.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Симпатии масонов

Влияние масонов на ход войны за независимость Америки было как прямым, так и косвенным, как общим, так и конкретным. В некоторых случаях масонство служило каналом для политической и даже революционной активности. Так, например, ложа св. Андрея в Бостоне сыграла важную роль в «Бостонском чаепитии», а также дала Континентальному конгрессу председателя в лице Джона Хэнкока. Масонство внедрило свои взгляды и ценности в формирующуюся Континентальную армию колонистов и, вполне возможно, повлияло на назначение Вашингтона главнокомандующим. Кроме того, оно способствовало установлению братских отношений с добровольцами из-за границы, такими, как Стубен и Лафайет.

Труднее оценить помощь масонов в создании общей атмосферы, психологического климата, или обстановки, которая формировала мышление не только таких активных масонов, как Франклин и Хэнкок, но и тех, кто не был членом братства. Без масонов восемнадцатого века идеи, лежавшие в основе конфликта – свобода, равенство, братство, терпимость, «права человека», – не получили бы такого широкого распространения. Эти идеи абсолютно справедливо приписываются Локку, Юму, Адаму Смиту и французским философам, но большинство этих мыслителей, если не все, либо сами были масонами, либо вращались в масонских кругах и испытали на себе влияние масонства.

Однако масонство проникло и в среду «простых» людей.

Оно не только помогло сформулировать идеи, лежавшие в основе войны за независимость Америки, не только оказало влияние на мышление политиков и государственных деятелей высшего эшелона, которые занимались стратегическим планированием и принимали решения. Оно не только определило позицию таких людей, как Хоу, Карлтон, Корнуоллис, Вашингтон, Лафайет и Стубен. Оно также проникло в среду «простых солдат», которые находили в нем объединяющие узы и идею солидарности. Особенно заметно это было в Континентальной армии, где в отсутствие полковых традиций масонство стало основой для таких понятий, как «жизненная сила» и «честь мундира». И в британской армии масонство не только сплачивало солдат, но и обеспечивало контакт между рядовыми и офицерами. Так, например, масонская ложа 29-го пехотного полка (впоследствии Вустерширского полка) состояла из двух подполковников, двух лейтенантов и восьми рядовых. Ложа 59-го пехотного полка (впоследствии Ланкаширского полка) состояла из подполковника, майора, двух лейтенантов, военного врача, музыканта, трех сержантов, двух капралов и трех рядовых.

Однако влияние масонства не ограничивалось личным составом внутри двух противоборствующих армий. Связи поддерживались и с противником. История войны за независимость Америки полна примеров преданности масонскому братству, которая иногда даже пересиливала другие обязательства.

Одними из союзников британской армии во время войны с французами были индейцы из племени могавков во главе со знаменитым вождем Джозефом Брантом. Сестра Бранта еще до начала войны за независимость вышла замуж за сэра Уильяма Джонсона, Великого Провинциального Магистра Нью-Йорка и приятеля Амхерста. Во время визита в Лондон в 1776 году Брант сам стал масоном. В том же году во время неудачного вторжения колонистов в Канаду соплеменниками Бранта был захвачен в плен некий капитан Маккинстри. Капитана привязали к дереву и обложили хворостом, собираясь поджечь, но он подал «масонский знак», и Брант приказал отпустить его. Маккинстри передал масонской ложе в Квебеке, которая организовала его возвращение на родину.

Среди военнопленных, захваченных во время взятия Хоу Нью-Йорка, был местный масон по имени Джозеф Бернхэм. Ему удалось бежать и он, передвигаясь пешком, в одну из ночей нашел укрытие на досках, которые служили потолком помещения местной масонской ложи. Не прибитые гвоздями доски раздвинулись, и Бернхэм с грохотом упал прямо на испуганных британских офицеров, собравшихся в комнате внизу. Они обменялись масонским приветствием, и британские офицеры «проявили благородство по отношению к брату Бернхэму, который впоследствии был тайно и быстро переправлен на побережье Джерси».

В другом случае масон Джозеф Клемент из 8-го пехотного полка (впоследствии Ливерпульского полка), принимая участие в разведывательной вылазке, увидел, что после стычки с противником один из индейцев собирается снять скальп с пленного колониста. Пленник подал масонский знак Клементу, прося его защиты. Клемент приказал индейцу отойти, а затем переправил раненого на ближайшую ферму, где его вылечили и отправили домой. Через несколько месяцев на севере штата Нью-Йорк Клемент сам попал в плен и был помещен в местную тюрьму. Оказалось, что его тюремщиком был тот самый человек, которому он недавно спас жизнь. В тот же вечер «к нему пришел друг и по секрету сообщил, что на рассвете дверь камеры будет открыта, а снаружи его будет

ждать лошадь, на которой он сможет добраться до границы».

Если такое взаимопонимание существовало среди офицеров и простых солдат, то его не могло не быть и среди командиров. 16 августа 1780 года армия Корнуоллиса в сражении при Камдене столкнулась с силами колонистов под командованием Горацио Гейтса и барона де Кальба. Когда ряды колонистов были опрокинуты, Гейтс бежал с поля боя впереди своей армии. Кальб, который, как полагают, принадлежал к масонскому братству, был смертельно ранен. Его нашел заместитель Корнуоллиса Фрэнсис Роуден, граф Мойра, который десять лет спустя станет Великим Магистром Великой Ложи Англии. Кальба перенесли в палатку Мойра, где Мойра лично ухаживал за ним на протяжении нескольких дней. Когда Кальб умер, Мойра организовал его похороны в соответствии с масонским ритуалом.

В составе обеих армий масонские ложи выполняли роль апелляционного суда, рассматривавшего жалобы и занимавшегося восстановлением справедливости. Так, например, в 1793 году полковая ложа 14-го драгунского полка отправила петицию с просьбой к Великой Ложе Ирландии «вступить перед лордом-наместником или главнокомандующим» за некоего Дж. Стоддарта, полкового квартирмейстера. Петиция была переслана полковнику Крэдоку, командиру полка и члену масонской ложи, с «просьбой Великой Ложи, чтобы он употребил свое дружеское и братское влияние на пользу вышеупомянутого брата Стоддарта».

Во время войны за независимость бывали случаи, когда патенты и регалии полковых лож попадали к противнику, который возвращал их хозяевам. В одном таком случае регалии 46-го пехотного полка – впоследствии второй батальон легкой кавалерии герцога Корнуольского – были захвачены колонистами. По распоряжению Джорджа Вашингтона их отправили назад в сопровождении белого флага и записки, в которой говорилось, что ни он, ни его люди «не ведут войну с благородными организациями». В другом случае в руки колонистов попал патент ложи 17-го пехотного полка (впоследствии Лестерширского полка), который тоже был отправлен назад с сопроводительным письмом генерала Сэмюэла Парсонса. Это письмо может служить ярким примером того духа, который поощрялся масонами в обеих армиях.

«Собратья!

Когда честолюбие монархов или столкновение интересов противоборствующих государств приводят к войне, мы, масоны, безоружны перед этими событиями, которые ведут к неисчислимым бедствиям, но независимо от своих политических убеждений, которые могут вовлечь нас в публичные дискуссии, мы остаемся братьями, и (каков бы ни был наш профессиональный долг) обязаны способствовать счастью и благополучию друг друга.

Поэтому позвольте вернуть вам устав ложи №18 17-го британского полка, который в результате ваших последних неудач оказался в моих руках.

Остаюсь вашим братом и преданным слугой,

Сэмюэл Х. Парсонс».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

РЕСПУБЛИКА

В ноябре 1777 года, вскоре после сражения под Саратогой, Континентальный конгресс пришел к соглашению – по крайней мере, в общих чертах – по поводу того, каким должно быть правительство становящейся на ноги республики. Новое государство представлялось в виде союза штатов, каждый

из которых был обязан официально ратифицировать Договор об образовании конфедерации. Споры относительно границ штатов замедлили процесс подписания документа, и все тринадцать колоний ратифицировали договор только к началу марта 1781 года, через семь месяцев после капитуляции британских войск в Йорктауне. Но прошло еще шесть лет, прежде чем дело продвинулось дальше. Пауза длилась 1783 по 1787 год – как будто колонисты сами изумились тому, что им удалось сделать, и им требовалось перевести дух и критически оценить сложившуюся ситуацию.

Выяснилось, что за время войны население колоний уменьшилось на 211 тысяч человек. Это было вызвано в основном тем обстоятельством, что верные британской короне колонисты бежали домой в Англию или – чаще всего – в Канаду.

Наконец, 25 мая 1787 года в Филадельфии открылся Конституционный Конвент, направивший свои усилия на выработку механизма управления новым государством. Первым выступлением, которое обратило на себя всеобщее внимание, было типично масонское заявление, и принадлежало оно Эдмунду Рэндолфу. Почти вся семья Рэндолфа осталась верной британской короне и в 1775 году вернулась в Англию. Однако сам Рэндолф, член масонской ложи Уильямсберга, был адъютантом Вашингтона. Впоследствии он стал сначала главным прокурором, а затем губернатором Вирджинии, а также Великим Магистром Великой Ложи Вирджинии. Во время президентского срока Вашингтона он был первым генеральным прокурором Соединенных Штатов, а потом первым государственным секретарем.

Во время работы Конституционного Конвента Вашингтон не принимал участия в дебатах, хотя и был избран его председателем. Вполне вероятно, что именно Рэндолф – по крайней мере, до известной степени – являлся выразителем его мнения или доверенным лицом. Рэндолф внес предложение, чтобы Конвент не просто пересмотрел, исправил или переделал Договор об образовании конфедерации, который до этого времени удерживал вместе только что получившие независимость колонии. Он предложил создать новую основу для центрального правительства. Это предложение было принято Конвентом, и началась работа по превращению рыхлой конфедерации бывших провинций в единую нацию.

Разумеется, в истории человечества и раньше были республики. Сама идея республики возникла в Древней Греции и Древнем Риме, еще до превращения его в империю. Однако делегаты Конституционного Конвента слишком хорошо знали, что все предыдущие республики точно так же страдали от хронических проблем, как и монархии. Вероятно, самой главной из них была склонность республиканских правительств попадать в руки отдельных людей или династий с диктаторскими замашками и превращаться в тирании, не менее, а иногда и более жестокие, чем любая монархия. Вследствие этой склонности сама идея республики была сильно дискредитирована в сознании философов восемнадцатого века, размышлявших о социальном устройстве общества. Даже самые передовые мыслители эпохи выражали серьезное сомнение, является ли республиканская форма правления жизнеспособной. Юм, к примеру, отбрасывал ее как «опасное новшество». Он говорил, что предпочтительнее абсолютная монархия – даже несмотря на всю ее одиозность. Именно этими проблемами и занялись делегаты Конституционного Конвента. Они выработали и особо подчеркнули два принципа, которые легли в основу создания уникального для своего времени политического института. Первый из этих принципов заключается в том, что властью должна быть облечена должность, а не человек, и что люди посредством голосования должны регулярно

сменяться на руководящих должностях. Отдельный человек, занимающий тот или иной политический или государственный пост, исполняет обязанности, связанные с данной должностью, но не является неотделимым от нее. Конечно, этот принцип нельзя назвать новым. Опять-таки, каким бы привлекательным этот принцип ни выглядел в теории, на практике он так часто нарушался, что был полностью дискредитирован. В отношении правительства теоретическое разделение личности и должности игнорировалось настолько часто и настолько чудовищно, что не могло вызвать ничего, кроме цинизма. Такие мыслители, как Локк, Юм и Адам Смит даже не потрудились упомянуть о нем. Однако масонство представляло собой одну из немногих организаций восемнадцатого века, в которых этот принцип действительно соблюдался и пользовался определенным уважением.

Магистры и Великие Магистры выбирались из членов ложи на определенный срок. Они не получали единоличной власти. Наоборот, во многих случаях эта должность была подотчетной. А если они не соответствовали требованиям должности, на которую они были избраны, то их смещали или отправляли в отставку, причем не при помощи революции, «дворцового переворота» или другими насильственными методами, а просто в соответствии с установленной процедурой. Престиж самой должности ни в коем случае не страдал.

Чтобы обеспечить отделение человека от должности, Конституционный Конвент разработал второй руководящий принцип, и именно он стал уникальным вкладом в развитие политических институтов эпохи. В результате так называемой системы «независимости и взаимоограничения» власть была распределена между двумя различными ветвями – исполнительной в лице института президентства и законодательной в лице двух палат Конгресса. Благодаря своей независимости каждая из этих ветвей была способна воспрепятствовать чрезмерной концентрации власти в руках другой ветви. Отделение человека от должности в каждой из ветвей власти обеспечивалось регулярными и обязательными выборами – как в системе лож. Такие выборы получили довольно широкое распространение в восемнадцатом веке, но применялись лишь по отношению к законодательной ветви власти, которая нередко не обладала никакими полномочиями и только проштамповывала решения исполнительных органов. В новой американской республике этот принцип распространился и на исполнительную ветвь, то есть на главу государства. Влияние масонства здесь тоже очевидно.

Не подлежит сомнению, что масонство внесло определенный вклад в формирование структуры и механизмов нового американского правительства. И действительно, эти структуры имеют явно схематический и геометрический характер, напоминающий оригинальные механистические модели, разработанные «Невидимым колледжем» и Королевским обществом за столетие до этого. Они также представляют собой приложение к политике специфических архитектурных принципов. Но если масонство повлияло на структуру американского правительства, то еще большее влияние оно оказало на общую форму этого правительства. По словам одного из комментаторов:

«Получив свободу, мы еще не сумели объединиться. «Сырой» Договор об образовании конфедерации не обеспечивал существование сильного национального правительства, общей валюты или стройной судебной системы. Дальновидные люди понимали, что необходимо двигаться дальше, чтобы слабая Конфедерация американских штатов превратилась в сильную, единую нацию. И вновь масонство дало примеры идеологии и форм. Поскольку федеративная система масонских лож была в то время единственным образцом эффективной организации, действовавшей во всех тринадцати штатах, патриотически настроенные братья, естественно, настаивали, что усиление и сплочение

нации должно проходить на основе, образцом которой являются ложи. Независимо от других сил, оказавших влияние на разработку конституции во время работы Конституционного Конвента в 1787 году, факт остается фактом: федерализм, заложенный в гражданском правительстве и конституции, идентичен федерализму Великой Ложи масонов, предусмотренному в «Конституциях» Андерсона 1723 года».

Это утверждение вышло из-под пера американского масона, который одновременно допускает преувеличения и излишне упрощает ситуацию. Реальность была не столь определенной, гораздо более сложной, и конечный результат выкристаллизовывался постепенно в ходе ожесточенных дебатов. Тем не менее, общий характер сделанных выводов верен. Масонство в то время действительно служило образцом эффективной федеративной системы. Этот факт был более очевиден для делегатов Конвента, чем для нас сегодня, когда федеративные системы существуют во многих организациях и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. В восемнадцатом веке масонство предлагало убедительные доказательства работоспособности федеративной системы. Оно создавало такой необходимый прецедент. Если подобная система явно доказала свою осуществимость в масонской организации, то имелся, по крайней мере, образец для ее применения в отношении правительства.

Влияние масонов на конституцию

Как мы уже видели, события первого периода войны за независимость Америки – скажем, с «Бостонского чаепития» до принятия Декларации о независимости – имели свою внутреннюю пружину развития. Люди почти ежедневно сталкивались со «свершившимися фактами», из которых требовалось извлечь максимальную пользу и на которые нужно было опираться в дальнейших действиях. Это требовало постоянной импровизации, в которую были вовлечены различные организации – не только масоны, но и такие радикальные братства, как «Сыны свободы». Среди выдающихся личностей этого периода лишь немногие были масонами. Масонство играло роль некоего демпфера, но это было лишь рабочее влияние; масоны не обладали ни властью, ни свободой действий, чтобы направлять события в соответствии со своими идеалами. Декларация независимости, к примеру, никак не может быть названа масонским документом – за исключением некоторого сходства риторики и фразеологии.

Совсем другое дело – конституция. К тому моменту, когда для выработки конституции нового государства был создан Конвент, влияние масонов стало преобладающим и, вне всякого сомнения, решающим. Другие организации, такие, как «Сыны свободы», были распущены после того, как выполнили свою задачу. Расформировали даже Континентальную армию. Ко времени созыва Конвента масонство оставалось не только единственной организацией, которая «продержалась до конца», но единственной реальной организационной структурой, которая функционировала, невзирая на границы штатов, во всех получивших независимость колониях.

В своем окончательном виде конституция – это результат усилий многих людей, и не все они были масонами. Текст самого документа составил Томас Джефферсон, который, несмотря на уверения в обратном, по всей видимости, не был масоном. Однако среди всех вдохновителей конституции ведущая роль принадлежала пяти людям – Вашингтону, Франклину, Рэндолфу, Джефферсону и Джону Адамсу. Из этих пяти человек первые трое не только были масонами, но и воспринимали свою принадлежность в братству очень серьезно. Они целиком и полностью разделяли масонские

идеалы, определявшие их мировоззрение. Взгляды Адамсона, о принадлежности которого к масонскому братству нет никаких сведений, практически совпадали с их взглядами. Став президентом, он назначил известного масона Джона Маршалла на пост председателя Верховного суда. Именно Маршалл впоследствии добился для суда статуса, равного статусу Конгресса и президента.

В спорах и дискуссиях, сопровождавших рождение конституции, Адаме – хотя он и не присутствовал на Конвенте – выступал на стороне Франклина и Рэндолафа. И только Джефферсон был «чужаком». Именно Джефферсон в конечном итоге уступил, приняв позицию масонов. Новая республика, сформировавшаяся вместе с конституцией, соответствовала их идеалам, которые были отражением идеалов масонства.

Лидерство Вашингтона

17 сентября 1787 года проект конституции был принят, одобрен и подписан тридцатью девятью из сорока двух присутствовавших делегатов Конвента. С 7 декабря по 25 июня следующего года он был ратифицирован всеми штатами. Мэриленд, согласно конституции, уступил десять квадратных миль своей территории Конгрессу, и эта земля – округ Колумбия – стала местом для новой федеральной столицы.

4 февраля 1789 года первым президентом Соединенных Штатов был избран Вашингтон, а Джон Адаме стал его вице-президентом. Инаугурация состоялась 30 апреля. Президентскую клятву принимал Роберт Ливингстон, Великий Магистр Великой Ложи Нью-Йорка и тесть погибшего генерала Ричарда Монтомери. Руководил церемонией другой масон, генерал Джейкоб Мортон. Еще один масон, генерал Морган Льюис, входил в состав эскорта Вашингтона. Библия, на которой давал клятву президент, принадлежала нью-йоркской ложе №1 св. Иоанна. Сам Вашингтон в то время был магистром ложи № 22 в Александрии, штат Вирджиния.

За тринадцать дней до инаугурации умер Франклин, и половина Филадельфии приняла участие в его похоронах. Через пять дней после инаугурации Вашингтона в Версале собрались французские Генеральные Штаты и 17 июня сформировали Национальную ассамблею, объявив себя, а не короля, истинным представителем французского народа. 14 июля революционная парижская толпа штурмом взяла Бастилию. 14 декабря Александр Гамильтон выдвинул предложение об учреждении Национального банка. Джефферсон выступил против, но Вашингтон подписал соответствующий указ. На американском долларе появилось изображение «Большой государственной печати» Соединенных Штатов. Это явно масонский символ – всевидящий глаз в треугольнике над тринадцатиступенчатой треугольной пирамидой, под которой свиток объявляет о приходе «нового гражданского порядка», давней мечты всех масонов.

18 сентября 1793 года был официально заложен первый камень Капитолия. Церемонией руководила Великая Ложа Мэриленда, и Вашингтону предложили взять на себя обязанности магистра. Присутствовали и другие ложи, находящиеся под юрисдикцией Мэриленда, а также ложа самого Вашингтона из Александрии, штат Вирджиния. Состоялся большой парад, в котором принимала участие даже артиллерия. Потом шел оркестр, а за ним Вашингтон в сопровождении чиновников и членов лож в полном облачении.

Когда Вашингтон дошел до траншеи, куда должен был закладываться юго-восточный угловой камень фундамента, ему подали серебряную мемориальную пластинку, на которой были

перечислены присутствующие на церемонии ложи. Раздался артиллерийский залп. Вашингтон спустился в траншею и положил пластину на камень. Рядом он поставил сосуды с зерном, вином и маслом – обычные символические принадлежности масонского ритуала. Все присутствующие произнесли молитву и спели масонский гимн, а затем артиллерия дала еще один залп.

Вашингтон и сопровождавшие его лица передвинулись к восточной части камня, и президент, взойдя на традиционную для масонов трехступенчатую трибуну, произнес речь. За речью последовали масонский гимн и финальный залп из орудий.

Молоток, серебряный мастерок, угольник и уровень, которые Вашингтон использовал во время церемонии, в настоящее время хранятся в Потомакской ложе № 5 округа Колумбия. Фартук и пояс Вашингтона хранятся в его собственной ложе № 22 города Александрии.

Впоследствии Капитолий и Белый дом стали центрами сложной геометрической структуры, лежащей в основе планировки национальной столицы. Эта геометрия, первоначально разработанная архитектором по имени Пьер Ланфан, впоследствии была видоизменена Вашингтоном и Джефферсоном, чтобы получить характерные восьмиугольные формы, вобравшие в себя специфический крест, использовавшийся тамплиерами.

Через шесть лет и три месяца, в декабре 1799 года, умер Вашингтон. Он был похоронен у себя дома в Маунт-Вернон со всеми масонскими почестями александрийской ложи № 22, члены которой несли его гроб.

ПОСТСКРИПТУМ

Во время войны за независимость Америки масонство было почти полностью аполитичным – его политические пристрастия проявлялись лишь от случая к случаю. Масоны присутствовали в рядах обеих армий. Масоны входили в состав как радикальных, так и консервативных фракций обеих сторон. По большей части масонство являлось рупором сдержанности и умеренности, хотя отдельные масоны могли быть воинствующими революционерами или косными реакционерами. Такое положение сохранялось до конца восемнадцатого столетия, а также в начале девятнадцатого. Однако для многих людей масонство оказалось настолько тесно связанным с американской революцией и борьбой за независимость, что в умах постепенно складывался образ радикальной организации. Не приходится говорить, что этот образ был усилен Французской революцией.

Масонство действительно играло важную роль в событиях, происходивших во Франции. Лафайет, который давно принадлежал к масонскому братству и занимал в нем высокое положение, страстно желал привезти в свою родную страну идеалы, которые так успешно воплотились в Америке. Многие из руководителей якобинцев – например, Дантон, Сиейс и Камилл Демулен – были активными масонами. Накануне революции масонство предоставило заговорщикам широкую, охватывающую всю Францию сеть, использовавшуюся для сбора сведений, вербовки сторонников, для связи и организации. В этом смысле масонство становилось идеальным объектом для паранойи.

В 1797 году ультраконсервативный французский священник, аббат Августин де Барюэль, опубликовал книгу «Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme», которая стала черной вехой в истории западной общественной и политической мысли. В своем произведении Барюэль описывал Французскую революцию как масонский заговор, направленный и против государства, и против церкви. Эта книга дала начало волне истерии, стала родоначальником огромного количества подобной литературы и превратилась в библию сторонников теории заговоров. Из явно

параноидального текста Барюэля сформировался стандартный для девятнадцатого века образ масонства, который имеет своих защитников и сегодня – широкой международной тайной организации, воинственно революционной и антиклерикальной, стремящейся низвергнуть существующие институты власти и общества и установить «новый мировой порядок». В результате смутные невротические страхи Барюэля распространились не только на масонов, но и на все тайные общества как девятнадцатого, так и двадцатого века. Благодаря Барюэлю тайное общество в глазах публики превратилось в нечто пугающее, грозящее подорвать сами основы цивилизованного общества – страшилище, подобное современному международному терроризму.

Неудивительно, что работа Барюэля превратилась в нечто похожее на самореализующееся пророчество. Попав под воздействие яркого воображения Барюэля, некоторые люди – к примеру, Шарль Нодье во Франции и знаменитый заговорщик Филиппо Буанаротти – придумывали вымышленные тайные общества, а затем писали о них и распространяли всевозможные слухи.

Власти реагировали с инквизиторским пылом, преследуя ни в чем не повинных людей и обвиняя их в принадлежности к этим несуществующим организациям. В качестве защитной меры несчастные жертвы объединялись в реальные тайные общества, которые строились по образцу вымышленных. Так формировались скрытые кадры революционеров, причем часть из них была масонской или квазимасонской. Таким образом, миф еще раз послужил основанием «истории».

Не подлежит сомнению, что масонство или его ответвления внесли свой вклад в различные революционные движения девятнадцатого века. Так, например, и Мадзини, и Гарибальди были активными масонами, а само масонство – в основном через так называемых «карбонариев» – сыграло в объединении Италии еще большую роль, чем в образовании Соединенных Штатов. В России масонов тоже обвиняли в подрывной деятельности. Пушкин, например, писал о своей принадлежности к кишиневской ложе, чье активное участие в восстании декабристов 1825 года привело к запрещению масонских лож во всей стране. Нет нужды говорить, что запрет этот было невозможно провести в жизнь, но многие русские радикалы были высланы за границу, где они влились в зарубежные масонские общества. Этот процесс описан у Достоевского в «Бесах». Реальным прототипом революционеров Достоевского, выступал, конечно, Бакунин.

В действительности сложившаяся ситуация была гораздо сложнее и запутаннее. Если масоны принимали активное участие в революционных движениях девятнадцатого века в Европе, то их влияние на реакционные режимы – такие, как Меттерниха в Австрии или Фридриха Вильгельма III и Фридриха Вильгельма IV в Пруссии – было не менее сильным. Здесь масонство оказалось неразрывно связанным с правящей верхушкой – как в Британии, где Великая Ложа продолжала воплощать в себе викторианские идеалы трезвости, скромности и умеренности. Даже во Франции консерваторов среди масонов было не меньше, чем радикалов и революционеров.

Список выдающихся масонов девятнадцатого века привлекает к себе внимание даже своей неоднородностью. С одной стороны, в него входят такие фигуры, как итальянцы Мадзини и Гарибальди, Бакунин и молодой Керенский из России, ирландцы Дэниел О'Коннел и Генри Граттан. С другой стороны, этот список включает в себя также двух прусских королей, трех президентов Франции (Думер, Форе и Гамбетта) и душителя политических свобод Талейрана. В Британии в девятнадцатом веке масонами были Георг IV, Вильгельм IV, принц Уэльский Эдвард (впоследствии Эдуард VII), Каннинг, лорд Рэндолф Черчилль, маркиз Селсбери и Сесил Роде. Большинство

наполеоновских маршалов были масонами, впрочем, как и большая часть их знаменитых противников – Нельсон, Веллингтон и сэр Джон Мур в Британии, Кутузов в России, Блюхер в Пруссии, а также основатели прусского генерального штаба Шарнхорст и Гнайзенау. Если обратиться к литературе и искусству, то масонами были англичане сэр Вальтер Скотт, Райдер Хаггард, Булвер-Литтон, Конан-Дойл, Тrollop, Киплинг и Уайльд. В Европе принадлежность Пушкина к радикальной ветви масонства уравнивалась ультраконсервативными взглядами Иоганна Вольфганга фон Гёте.

Приведенный нами список, разумеется, далеко не полон. Однако он прекрасно иллюстрирует невозможность приписать ту или иную политическую ориентацию принадлежностью к масонству. Это справедливо не только для Европы, но и для всего остального мира. В Латинской Америке, к примеру, а также в Испании, Италии и других католических странах масонство являлось центром оппозиции, выступавшей против засилья церкви. Поэтому большинство политических деятелей, связанных с борьбой за независимость латиноамериканских стран – Боливар, Сан-Мартин и позднее Хуарес – были активными масонами. В то же время в братстве состояли испанские вице-короли, аристократы и землевладельцы, против которых сражались революционные республики, беря пример с Соединенных Штатов. В Бразилии, как в империи Педро II, так и в сменившей ее республике, у руля власти стояли масоны.

На севере континента не менее десяти американских президентов, помимо самого Вашингтона, были масонами: Монро, Эндрю Джексон, Полк, Бьюкенен, Эндрю Джонсон, Гарфилд, Теодор Рузвельт, Тафт, Хардинг, Франклин Д. Рузвельт, Трумен и Форд. Войной Техаса за независимость от Мексики руководил масон Сэм Хьюстон. Дэви Крокетт, Джим Боуи и другие защитники Аламо были членами одной и той же ложи «Строгого послушания». Во время Гражданской войны в Америке масоны занимали ведущие позиции в обеих противоборствующих сторонах, но особенно много их было в государственных институтах и армии Конфедерации. Как из всего этого образовалось известное клише – это уже другое дело. То же самое относится к масонским корням ку-клукс-клана, который изначально был не той ужасной организацией, в которую он со временем превратился, а благотворительным обществом, предназначенным для защиты вдов и сирот от посягательств «саквожников» с Севера.

Именно в Америке наше повествование совершает полный круг, поскольку именно здесь рыцари Храма получили то публичное признание, которого им не удалось добиться в других странах. Это признание приняло форму молодежной организации, созданной под покровительством масонов – Ордена де Моле. Орден де Моле был основан Фрэнком С. Лэндом в 1919 году в Канзас-Сити, штат Миссисипи. Он

«...назван в честь Жака де Моле, последнего Великого Магистра средневековых тамплиеров, который был сожжен на костре на острове посреди Сены вблизи собора Нотр-Дам 18 марта 1314 года за верность и преданность своему ордену».

Орден де Моле имеет восемьдесят пять отделений во всех пятидесяти штатах США, в округе Колумбия и в двенадцати зарубежных странах. Из штаб-квартиры в Канзас-Сити им управляет международный высший совет, который действует под эгидой Великой Ложи Флориды и состоит из 250 «видных масонов со всего мира». Каждое местное отделение должно находиться под покровительством масонской организации, а руководящий орган отделения, или Консультативный

совет, должен состоять из масонов, имеющих степень мастера. Сам орден состоит из юношей от четырнадцати до двадцати одного года.

«Орден де Моле способствует выработке у своих членов семи добродетелей: сыновней любви (к родителям), почтения (к святыням), вежливости, товарищества, верности, чистоты (мыслей, слов и дел) и патриотизма».

Можно только предполагать, что рассказывают мальчикам о самом Жаке де Моле, о тамплиерах и о проступках, в которых их обвиняли. Нам неизвестно никаких упоминаний об этом в документах ордена. Тем не менее, эти документы рассказывают, хотя и в туманных выражениях, о цели ордена.

«Орден де Моле пытается дополнить то образование, которое дети получают дома, в церкви и в школе и таким образом лучше подготовить молодого человека к обязанностям гражданина, которые принадлежат ему по праву. Орден де Моле неизменно выступает против того, чтобы церковь, школа и гражданское общество объединялись под одной крышей. Он считает, что эти три Свободы являются основой величия нашей страны и должны стоять каждая на своем фундаменте и под отдельной крышей».

Насколько нам известно, ничего плохого о деятельности ордена де Моле сказать нельзя. Наоборот, он проводит достойную похвалы работу, предлагая более или менее разумные средства лечения характерных для Америки пороков, таких как агрессивный фундаментализм. Однако все это имеет далекое отношение к воинам и мистикам в белых мантиях, которые семь веков назад стремились своим мечом покорить небеса. Есть что-то от произведений Габриэля Гарсия Маркеса в самом существовании этой организации в сердце «средней Америки» – организации, призванной воспитывать личные и гражданские добродетели у молодого поколения, но названной в честь средневекового французского рыцаря, казненного за богохульство, ересь, содомию, колдовство и замешанного в других темных делах, которые способны ужаснуть даже Эвингов из Далласа, Каррингтонов из Денвера и всех порочных обитателей Пейтон-Плейс.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Масонские ложи в регулярных английских частях, находившихся под командованием генерал-майора Амхерста в 1758 году

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Масонские ложи в регулярных английских частях в Америке, 1775 – 1777 год (за исключением Канады)

Иллюстрации

Bottom of Form